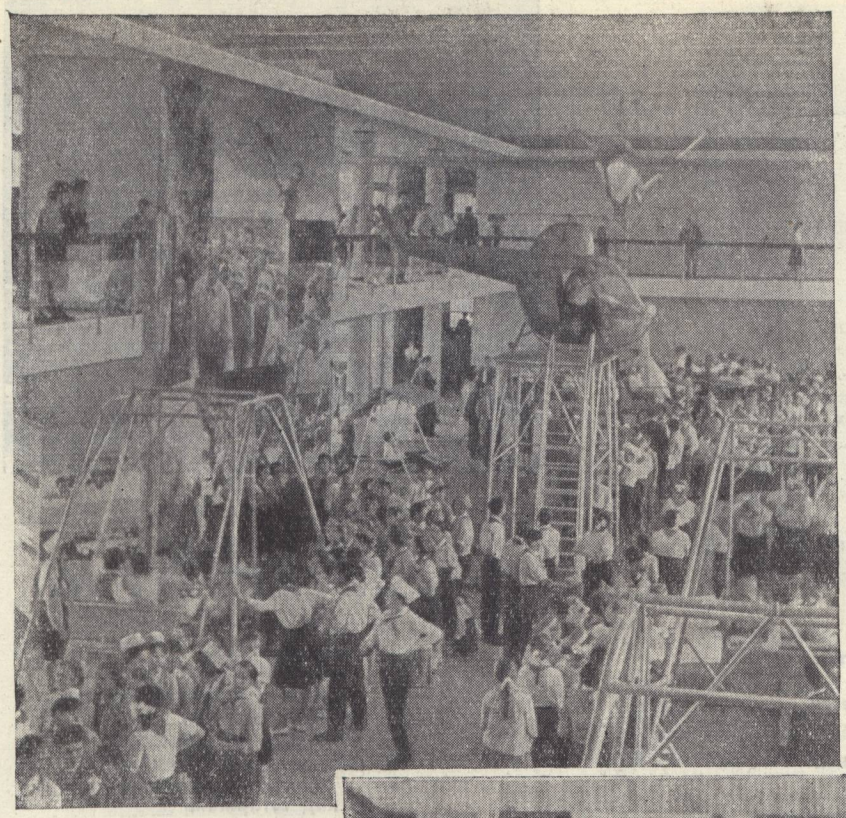
ПИОНЕР

ИЮЛЬ 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" 1962 г.

Замечательный подарок получила пионерия в дни своего юбилея — в Москве, на Ленинских горах, открылся новый Дворец пионеров. На снимке вы видите момент его торжественного открытия. Сейчас Никита Сергеевич Хрущев перережет красную ленточку, и юные хозяева заполнят светлые коридоры Дворца.

Фото И. Гольдберга.



В НОВОМ ДВОРЦЕ

Этот подарок — необыкновенный.

Ты будешь дружить с ним год, несколько лет, и каждый день, каждый раз он будет открывать тебе новое, увлекательное...

Здесь ты научишься делать открытия и раскрывать тайны, здесь ты найдешь любимое дело и по-настоящему узнаешь его, научишься видеть прекрасное и радоваться ему.

Шумно и тесно в просторных залах Дворца. Веселые очереди выстроились в зале аттракционов, а юные конструкторы устремились в мастерские, к моделям новых машин.

ПИОНЕР

Год издания 38-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ИЮЛЬ 1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

7

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

МОРЕ

Катятся волны
Одна за другой.
Брызгают волны
Зеленой водой.

Катятся волны,
На солнце сверкая.
Переливается
Пена морская.

Море цвета́
И оттенки меняет.
Разного цвета
Море бывает.

Радуга в брызгах
И в пене летает.
Море сияет,
Море играет.

Катятся волны
В бури и в штили.
Катятся волны
Долгие мили.

Волны упорно
С берегом бьются.
Камни молчат,
Но они не сдаются.

Камни молчат,
Равнодушия полны.
...Бьются о берег
Синие волны.

Александр Великович,
3-й класс, школа № 635, Москва.

* * *

Небо серое, печальное
Отражается в реке,
Облака в походы дальние
Проплывают вдалеке.

Все наводит грусть нежданную,
И ни слова о весне,
Но она идет, желанная,
Пусть ее не видно мне.

Оля Седакова,
5-й класс, школа № 100, Москва.

Коммунизм — это мир на земле. Онуте Багдонайте. 7-й класс, Куршенайский детский дом, Литовская ССР.

Атомоход. Володя Графов, 10 лет, Москва.

В ШТОРМ

Маячный глаз
мигнул и погас,
зазывая в бухточный штиль.
Но идут корабли
далеко от земли,
килем меряя сотни миль.

И над штормом
танкер хохочет мотором,
минуя бухты приют:
«Нам полезней
от всех кораблиных болезней
закалить переборки кают».

Игорь Тимошенков,
7-й класс, школа № 49, Москва.

ЛУЧИКИ

Солнце, оставив серые тучки,
На землю кинуло светлые лучики.
Ветер, не злой и совсем не колючий,
Взял и разнес по городу лучики.
В каждом доме и в каждом окне
Лучики заулыбались мне,
Прыгают в лужах, на новых калошах,
В стеклах машин и на лицах прохожих.
Пользуясь этим счастливым случаем,
Я вам стихи написал автолучиком.

Игорь Тимошенков.

ЗИМОЙ

Все вокруг белым-бело,
Все дорожки замело.
То ли заяц, то ли кошка
Пробежали по дорожке...
И следы оставили,
Как печать поставили.

Рая Дмитриева,
7-й класс, село Ишаки,
Чебоксарский район,
Чувашская АССР.

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

КУБА

Куба... таинственная, далекая,—
Страна легендарного Кастро.
Куба, войной охваченная,—
Символ сплочения, братства.
Куба свободная держит
Порох в тяжелом ранце.
Куба свободна,
хоть это не нравится
Вам, господа американцы!
Злитесь,
завидуйте сколько угодно —
Куба свободна,
свободна,
свободна!

Оля Седакова,
5-й класс, школа № 100, Москва.

МЕЧТА

Сумерки... Час поздний.
Чуть река видна.
И сверкают звезды,
И горит Луна.

И дубочки важные
Смотрят в чащу грозно.
И росинки влажные,
Яркие, как звезды.

Облака пушистые,
Словно горы снега.
Звезды золотистые,
А всех лучше — Вега.

Я еще мальчишка
И люблю побегать.
Изучу все книжки —
Полечу на Вегу.

Пионерка. Веймер Тыну, 13 лет, г. Таллин, Эстонская ССР.

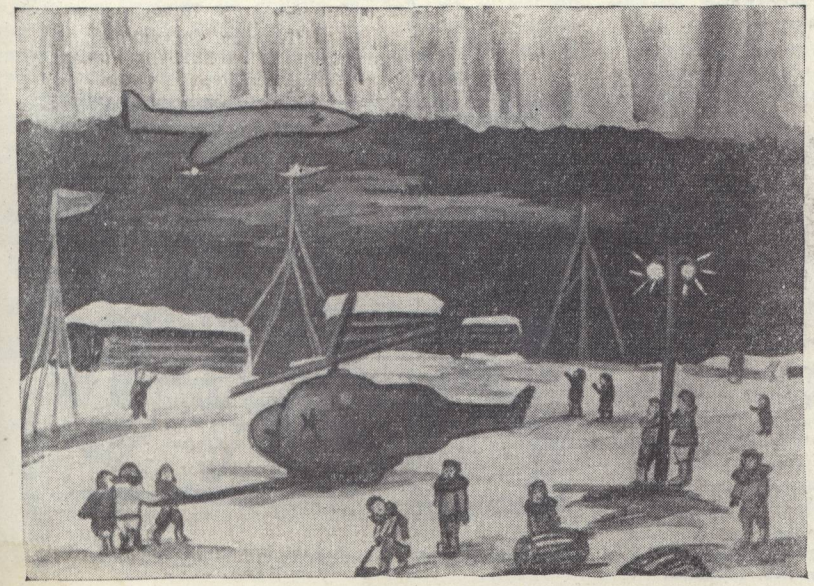
На большой ракете
Полечу к Венере,
И мы все, мальчишки,
В это очень верим!

Женя Тараненко,
12 лет.

* * *

Желтые, красные,
Разные-разные,
Листья летят по ветру,
И тихо ложатся,
И тихо ложатся
На старую-старую вербу.

Тамара Масютина,
5-й класс, Поселок Алтай, Нижнеудинский район, Иркутская область.



На дрейфующей станции. Коля Рыбалкин, 10 лет, г. Киев.

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

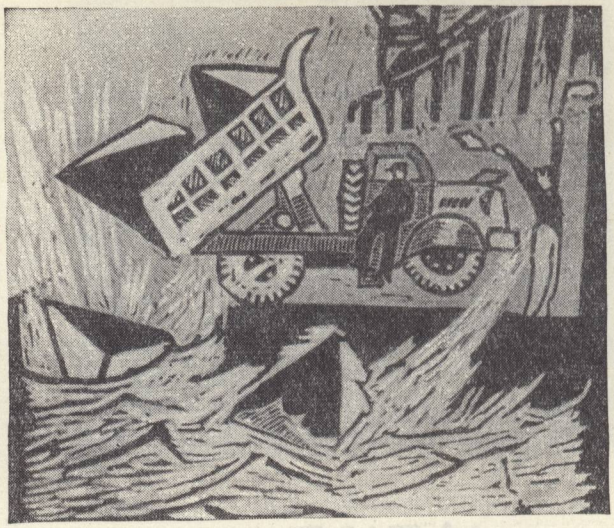
ПОДКОВА

Поле белоснежное
Серебром сияет.
В небесах безбрежных
Подкова золотая.

Будто лошадь белая
В облаках бежала
И подкову светлую
В небе потеряла.

Майя Токсамбаева,
5-й класс, школа № 11, Москва

Эту гравюру нам прислали из Чехословакии, из Дома пионеров г. Братиславы.



Перекрытие. Саша Белов, 15 лет, Москва.

ЗАГАДКИ

Под красавицей сосной
Жарким летом и весной
Дружный маленький народ
Новый город создает.
Тот народ любит труд.
Как, скажи, его зовут?
(Муравьи)

По небу летела
Сизая орлица,
На пшеницу спелую
Пролила водицу.
(Туча)

Чудеса, чудеса —
Загорелись небеса!
Стали алы облака,
Стала розовой река.
(Заря)

Наташа Филиппова,
6-й класс, школа № 221, Москва.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Не умели мы считать:
Раз, два, три, четыре, пять.
Сколько зернышек в стручке?
Сколько пальцев на руке?
Сколько слив висит на ветке?
Сколько лет подружке Светке?
Раз, два, три, четыре, пять —
Научились мы считать!

Таня Динзбург,
5-й класс, школа № 740, Москва.

В сад на работу. Хелле Хомчик, 13 лет, город Пярну, Эстонская ССР.

Я рядом, отец!

Александр ВОИНОВ

Рисунки Н. Борисовой.

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сережа возвратился домой из школы хмурый, бросил портфель на стол и сел обедать. Пока обедал, все время следил за матерью, гладившей у окна отцовскую рубашку, и думал: «Сказать сейчас или подождать? Кому сказать — отцу или матери? Не сказать нельзя, но и сказать тоже нужно с умом. Такие новости с бухты-барахты не поднесешь!»

Мать делала свое дело молча. Если она молчит, значит, на душе у нее плохо. Сережа знает, что тогда лучше с ней не заговаривать.

«Пожалуй, подожду отца!» — думает Сережа.

С отцом у него сложные отношения. Взгляд отца из-под сдвинутых бровей бывает иногда таким сердитым, что Сережа невольно сразу ему подчиняется.

«Сережа, не садись за стол в новом пиджаке! Сережа, ты его зальешь супом! Сейчас же сними пиджак!» — это голос матери. Сережа слушает, сопит и все же лезет за стол в новом пиджаке.

— Сережа...— умоляюще говорит мать.

И тогда отец поворачивается к Сереже от домашнего самодельного верстака, на котором постоянно что-то стругает и мастерит, и Сережа тут же торопливо стягивает с себя пиджак.

В чем тут дело? Ведь отец никогда и пальцем его не тронул.

Он боится отца, но в трудную минуту приходит к нему. Что отец скажет, так тому и быть.

Отец у Сережи не только шофер, но и мастер на все руки. Он может починить и замок, и радиоприемник, и велосипед, и пылесос, а зубному врачу со второго этажа даже исправил бормашину.

Кто-то прозвал отца «профессором». В этом не было и доли насмешки, только уважение к золотым рукам Андрея Федоровича, в которых всегда все спорилось.

Отец очень не любил, когда расхваливали его таланты. Сережа этого не понимал. Ведь когда его, Сережу, изредка за что-нибудь похвалят,— ему всегда приятно. Однажды он спросил отца:

— Папа, почему ты сердишься, когда тебя хвалят?

Отец помолчал, хмуря жесткие брови, потом сказал:

— Не люблю пустых разговоров.

Но Сережа настаивал. Ему всегда было интересно узнать что-то новое об отце.

— У меня три ранения! Я после войны слишком долго болел... не учился,— ответил отец.

— Почему же сердишься?!

— Да потому, что я мог стать инженером! И не стал им!..

До сих пор война представлялась Сереже в грохоте пушек, в пулеметной перестрелке. Ему грезились разведчики, пробирающиеся в тыл врага. Но он никогда не думал о том, что война изменила что-то в жизни его отца.

До этого дня он не задумывался над тем, почему отец выбрал профессию шофера. Он знал, что отец был ранен: один рубец под правой лопаткой, другой — на левом бедре, пулевая рана на шее. Из-за этой старой раны отец всегда ходит, чуть наклонив голову влево. Несколько раз медицинские комиссии хотели отстранить его от вождения машины, но он всякий раз доказывал, что этот недостаток совсем не мешает ему работать.

Сколько Сережа себя помнит, отец всегда сидел за рулем. Менялись лишь начальники, которых Сережа никогда не видел. Но по тому, как отец о них рассказывал, он живо представлял их себе. Отец любил говорить: «Начальники приходят и уходят, а шофера остаются...»

Мать всегда уступала Сереже, и, может быть, именно поэтому он больше тянулся к отцу. Уж очень близко к сердцу принимала она каждую, даже небольшую неприятность. Она терялась, легко впадала в отчаяние и от этого неожиданно вдруг становилась необычайно строгой.

Отец же не обращал внимания на всякие мелочи и не ругал Сережу зря. Зато уж если Сережа действительно провинится, тогда пощады не жди: каждое слово отца будет таким колючим, что хоть сквозь землю провались.

Сегодня, как на беду, суббота, отец вернется из гаража пораньше и обязательно скажет:

«А ну, подавай сюда дневник!..»

Внимательно просмотрит все записи, а потом возьмет вечное перо и поставит свою подпись, как под договором о ненападении: «Хорошо учишься — умник!».

Так было всегда!.. А сегодня?!.

Если бы в дневнике стояла одна двойка, Сережа так не унывал бы. Подумаешь! Случайная двойка! С кем этого не бывает, через два дня исправлю. Но в том-то и дело, что их две! Первую он схватил по физике еще во вторник. Вторую, по математике, сегодня...

«А что, если взять да и потерять дневник? — с тоской подумал Сережа.— Нет, это, пожалуй, уж слишком!»

Пообедав, он сказал матери, что пойдет во двор. На всякий случай сумку с дневником засунул под подушку, подальше от глаз. Но с порога вернулся, вытащил дневник и перепрятал его под матрац. Надежнее!..

Маленький московский двор!.. Сейчас такие дворы стремительно исчезают. На месте двухэтажных деревянных домов вырастают каменные, пятиэтажные. Что и говорить, в новых домах жить удобнее. Но

есть своя прелесть и в таком небольшом, засаженном деревьями и окруженном низенькими домами дворе, здесь все жители между собой знакомы, привыкли делиться своими новостями, и подчас беды тут переживаются легче!..

В глубине двора находился каменный сарай, перестроенный под квартиры еще около сорока лет назад. Как памятник давно ушедших лет, стояла здесь у крыльца черная чугунная тумба, врытая в землю. Она напоминала об уже давно исчезнувших воротах. Когда-то в этот сарай въезжали кареты. Тумба указывала им путь, чтобы они не задели колесами ворота и не поцарапали кузов.

На скамейке рядом с крыльцом, окруженная женщинами, сидела старуха Варвара Гавриловна, обладательница языка злого и беспощадного. Когда Сережа проходил мимо, она взглянула на него пристально и неодобрительно, словно знала и о двойках и о том, что он спрятал дневник.

У Сережи во дворе был друг. Такой друг, с которым можно делиться любыми заботами, обсудить самые щекотливые дела, не боясь, что о них узнают другие.

Из покосившегося дровяного сарая в дальнем углу двора доносились рычащие звуки трубы. Тум! Тум! Тум! Тум!.. Бас деловито и монотонно без конца повторял одну и ту же мелодию.

Сережа остановился на пороге. Корней Петрович сидел на своей низенькой скамейке, опоясанный огромной трубой. Худощавый, чуть сгорбленный под тяжестью старого медного удава, он не обратил на Сережу никакого внимания.

Ту-ту-тум!.. Бум-бум-бум!.. Бас рокотал. Прокуренные, желтые пальцы Корнея Петровича неторопливо нажимали клавиши.

Старик работал мастером на заводе «Серп и молот». Ему давно пора было на пенсию, но не хотелось, он был специалистом по закалке резцов. Свой досуг Корней Петрович любил проводить, играя на трубе,— в давнюю гражданскую войну он был трубачом в полку.

Сережа остановился на пороге сарая, всем видом показывая, что ему не терпится поговорить по крайне важному делу. Но Корней Петрович продолжал дуть со все большей энергией. Наконец, устав, он снял трубу с плеч и отставил ее в сторону. Потом вытащил пачку папирос и неторопливо закурил.

— Двойка? — спросил он, спокойным движением разгоняя дым перед лицом.

— Две...— вздохнул Сережа.

Корней Петрович взглянул на часы и потянулся к трубе. Выражение его лица оставалось непроницаемым.

— В самый последний раз! — умоляюще взглянул ему в глаза Сережа.

— Не могу!..— сухо сказал Корней Петрович и, нагнувшись, чтобы не задеть трубой за притолоку, вышел из сарая.

Сережа стоял и смотрел, как Корней Петрович уходит, и последняя надежда уходила вместе с ним.

Старый трубач был приятелем директора школы, в которой учился Сережа. И однажды, когда Сережа набедокурил, пошел к директору и защитил его. С тех пор Сережа старался вести себя хорошо, но ведь у каждого человека бывают ошибки.

Сережа не из лучших учеников, однако и не из последних. Так вот тебе! Вдруг срезался на устном ответе!..

Если бы только двойки! У Сережи была еще одна неприятность — история с велосипедом. И погнала же его нелегкая вчера дразнить какую-то девчонку, которая едва держалась в седле, выделывая восьмерки во Вспольном переулке! Девчонка испуганно таращила на него глаза, что-то пищала и ехала прямиком на стену. Тогда он ухватился за седло. Он не хотел, чтобы она упала. А трусливой девчонке померещилось, что он хочет отнять у нее машину. Она, как куль, повалилась на бок вместе со своим велосипедом, расшибла колено и завопила. Да как еще завопила!..

Тут откуда ни возьмись подскочил какой-то толстый дядька, тряхнул его за шиворот и стал кричать, что немедленно упрячет в милицию. Правда, он вырвался, и дядька его не догнал. Но по дурости он побежал прямо домой. Выглянул из окна и увидел, что его преследователь записывает номер дома!..

Об этом Сережа тоже собирался рассказать Корнею Петровичу, но так и не удалось...

Труба блестела уже в другом конце двора. Корней Петрович стоял возле своего крыльца.

— Сережа!.. Сережа!..

Мать кричала, высунувшись из окна. Сквозь щель в рассохшейся двери сарая Сереже видно ее встревоженное лицо.

Ему мучительно хотелось, чтобы сейчас случилось что-то самое необыкновенное, ну, например, в одно мгновение температура бы подскочила до сорока или по радио передали указ о том, что в школах навсегда запрещено преподавание арифметики и физики...

— Сережа!.. Домой!..

Очевидно, вернулся отец.

Никуда не денешься! Надо идти... Тяжко вздохнув, он вышел из сарая.

Мать сразу увидела его.

— Сережа, быстрее!.. Ты очень нужен!

— Да иди ты скорей! — крикнула старуха Варвара Гавриловна, ей до всего дело.— Чего плетешься!..

Но Сережа медленно тащился со ступеньки на ступеньку. Как жаль, что их дом не высотное здание!..

Когда он вошел в комнату, мать по-прежнему стояла у окна, а за столом сидел молоденький милицейский лейтенант.

Разложив бумаги, он усердно писал.

Сережа отчаянным взглядом посмотрел на мать. Ее лицо было бледным и испуганным. А лейтенант все писал и писал, от старательности что-то пришептывая полными губами.

Наконец он аккуратно сложил свои бумаги в сумку и поднялся.

— Ну, прощайте,— сказал он уже от двери.— Адрес запомнили? Он пока задержан!

И ушел, почему-то подмигнув Сереже.

Мать бросилась к Сереже и обняла его.

— Нашего отца арестовали!..

И только, когда мать упала на стул и зарыдала, закрыв руками лицо, Сережа понял, что случилась беда гораздо больше той, которую он ожидал...

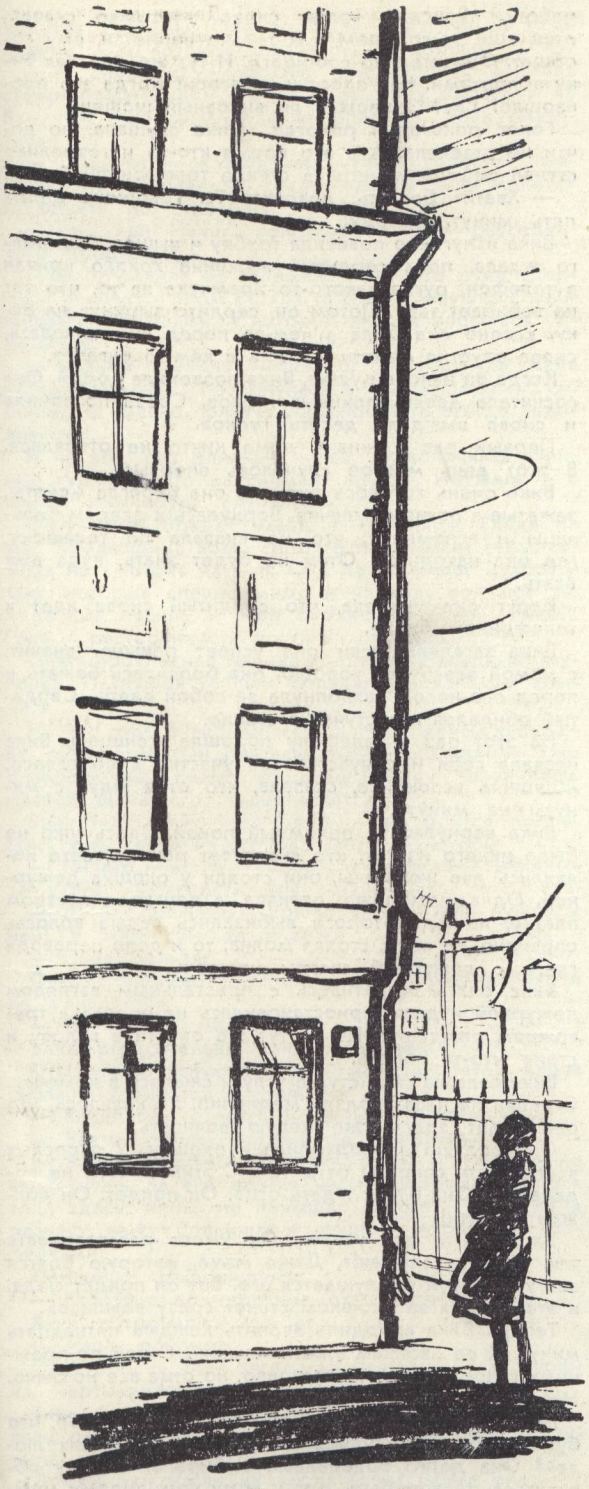
ГЛАВА ВТОРАЯ

Вика Потехина жила с матерью и отцом в большом старом доме на Малой Бронной.

Ее мама, Надежда Александровна, была учительницей математики в той же школе, где училась Вика.

В школе мать относилась к Вике строго, гораздо строже, чем дома. А дома была так занята домашними делами и проверкой тетрадей своих учеников, что у нее просто не хватало времени уделять Вике много внимания.

Отец Вики приносил домой разноцветные пластинки, блестящие коробочки, прозрачные флаконы, мяг-



кие и небьющиеся. Он был инженер, специалист по пластмассам.

Он мог часами разговаривать по телефону, спорить, волноваться, ругать каких-то своих недругов, которые не понимали, что пластмассам принадлежит будущее.

— За кем будущее? — часто спрашивала мать во время обеда, когда отец с отсутствующим видом ел суп.

— За пластмассами! — отвечала Вика.

Отец обычно улыбался. Он был высок ростом, полный, с розовыми щеками.

Так они и жили: отец шумел у телефона, мать просматривала тетради, а Вика, приготовив уроки, гуляла с подругами в сквере у Пионерских прудов. Она должна была соблюдать твердый закон: к девяти часам вечера быть дома. В половине десятого мать начинала беспокоиться. А в десять начинала сходить с ума, силой отобрав у отца телефонную трубку, обзванивала Викиных подруг.

Вика была прилежная девчонка. В классе ее любили и каждый год выбирали председателем совета отряда или старостой класса. У нее были две подружки — Женя и Таня, долговязые девчонки, которыми она командовала. Но дома Вике было скучно. Ей хотелось, чтобы с ней поговорил отец. Ей хотелось, чтобы к ней подсела мать. Она ненавидела пластмассы. Она ненавидела тетради с контрольными работами. Она любила отца и мать, она любила свой дом.

И она так хотела бы иметь старшего брата; тогда ей дома не было бы так скучно!

Недавно отец подарил Вике велосипед. Она поехала покататься по тихому Вспольному переулку, и откуда ни возьмись какой-то мальчишка захотел отобрать у нее машину. Хорошо, что подоспел отец: он издали наблюдал, как она катается,— но лучше, если бы это был старший брат. Он показал бы мальчишке, как обижать сестру!

...Часы показывали семь. Папа вернулся с работы, а мамы нет. Папа подходит к маминому расписанию уроков, которое висит на гвоздике у кровати.

— Странно, у нее только первых два урока! — говорит он.— Вика, ты маму в школе видела?..

Никто не отзывается. Отец заглядывает в другую комнату. Дочери нет!

Он целый день провел за городом, на строительстве нового завода пластмасс, и очень устал, он хочет есть. Куда же они запропастились?

А в это время Вика, осунувшаяся и как-то сразу похудевшая, сидела в приемном покое хирургической больницы на Садовом кольце. Ее отпустили из школы с уроков. С мамой случилось несчастье, она попала под машину. Бессчетное количество раз Вика звонила на работу к отцу, но его не было. Вике обещали немедленно, непременно, обязательно, в ту же секунду, как только он вернется или откуда-нибудь позвонит, все ему сообщить.

Вика звонила и домой, но ей отвечали лишь гудки, гудки, бесконечные, монотонные, равнодушные гудки.

Время тянулось томительно долго. Каждые полчаса она подходила к окошечку, за которым сидела медицинская сестра в белом халате. Удивительно сердита и неразговорчива эта сестра. Белый халат оттеняет ее желтые морщинистые щеки. Тонкие губы разжимаются только для того, чтобы заученным голосом произнести одну и ту же фразу:

— Справки даем только взрослым!..

Час тому назад приходил директор школы Кузьма Антонович. Он говорил с дежурным врачом, и, хотя Вика не слышала ни слова, но по выражению их лиц поняла, что с мамой плохо.

Невысокий, коренастый, обычно очень общительный. Кузьма Антонович долго вытирал платком лы-

сую голову, казалось, он старался собрать в кружок рассыпавшиеся во все стороны мысли.

— Ничего, Викочка, ничего, девочка! — сказал он, присаживаясь рядом с Викой и беря ее за руку.— Самое тяжелое уже позади.

— Скажите мне, что с ней!

— Теперь уже все хорошо! Пойдем! Я отвезу тебя домой! Ты же ничем тут не поможешь!

Вика покачала головой.

— Нет, я подожду папу!..— тихо сказала она.

Он ушел, а Вика осталась в большой комнате, где, кроме нее, сидело еще человек десять. Здесь были и молодые женщины, и старики, и мужчины в возрасте отца. Все они нервничали, ожидали известий. У каждого из них близкий человек стал жертвой несчастного случая...

Когда Вику вызвали в учительскую и по сбивчивым словам Екатерины Павловны, заведующей учебной частью, она поняла, что с мамой случилось что-то ужасное, Вика не заплакала. Она молча стояла у стола, а потом послушно пошла за Екатериной Павловной, когда та, взяв ее за руку, как маленькую, повела к машине. Все вокруг стало каким-то призрачным, все стало безразличным. Ей что-то говорили, она слушала, смотрела широко раскрытыми глазами, но не понимала. Никогда еще беда не входила в ее дом, в ее сердце.

Вике всегда казалось, что ничего плохого никогда не может случиться ни с ее отцом, ни с ее матерью. Ведь они сами предостерегали ее каждый день: будь осторожна, будь осторожна!..

И сегодня утром мать, как всегда, повторила эти слова.

Вику и Екатерину Павловну дальше приемного покоя не пустили. Врач сказал, что у Надежды Александровны Потехиной сломана левая нога, повреждена голова и положение пока тяжелое.

Екатерина Павловна уехала, а Вика осталась. Все-таки поближе к матери! Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой, такой заброшенной, как в эти часы. Сначала сидела в углу на стуле и смотрела в окошечко, за которым маячила голова дежурной,— иногда сестра выглядывала в комнату, и, встретившись с ней взглядом, Вика замирала. Ей казалось, что сестра высматривает ее, чтобы сообщить самое ужасное. Но сестра равнодушно отводила взгляд в сторону.

А потом, взглянув на круглые часы, висевшие на стене, Вика словно очнулась. Уже час дня, а отца еще нет! Она вспомнила, что Екатерина Павловна тоже звонила к нему, но не дозвонилась.

Вика нашла в кармане фартука несколько монет, но среди них не было двухкопеечных для телефона-автомата. Рядом сидел немолодой человек в черном пальто с сумрачным лицом, к нему она обратиться не решилась. За круглым столом посреди комнаты юноша в клетчатой рубашке что-то быстро писал на клочке бумаги. Он поднял голову, взглянул на Вику отсутствующим взглядом, тряхнул головой, отбросил светлые волосы с лица и снова принялся писать.

Вика вышла на улицу. По Садовому кольцу нескончаемым потоком мчались машины. Они остановились на Колхозной площади и столпились, как огромное разноплеменное стадо. Солнце тускло блестело на лакированных кузовах, на стеклах, на никелированных оленях «Волг».

Все окна больницы были наглухо закрыты. Казалось, что за ними кромешная тьма. За каким из этих окон мать? Как ей, наверно, больно и одиноко!

Продавщица газированной воды обменяла монеты, и Вика в бессчетный раз позвонила к отцу на работу. Мужской голос снова участливо сказал: отец еще за городом, как только вернется, ему сообщат. Обязательно сообщат!.. И тут же засыпал Вику вопросами. Как здоровье матери? Когда это произошло? Где? Задержан ли виновный шофер?

Голос рокотал и рокотал... Вика слушала, но почти не отвечала. А в это время кто-то нетерпеливо стучал ребром монеты в стекло телефонной будки:

— Хватит болтать, девочка! Ты говоришь целых пять минут. Выходи!

Вика испуганно повесила трубку и вышла. Она долго ждала, пока сердитый мужчина хрипло кричал в телефон, ругая какого-то Яремчука за то, что тот не забирает тару. Потом он, сердито зыркнув на Вику, словно она была в чем-то перед ним виновата, снова опустил монету и опять с кем-то ругался.

Когда он наконец ушел, Вика позвонила домой. Она сосчитала десять длинных гудков. Снова позвонила и снова выждала десять гудков.

Первый раз в жизни дома никто не отозвался. В этот день многое случалось впервые.

Вике очень хотелось пить, но она берегла монеты, зажатые в потном кулачке. Вернулась к дверям больницы и вспомнила, что не сказала по телефону, где она находится. Отец не будет знать, куда ему ехать.

Вдруг она увидела, что сердитый снова идет к телефонной будке.

Вика загадала: если она успеет раньше, значит, с мамой все будет хорошо, она бросилась бежать и перед его носом захлопнула за собой дверь. Сердитый обиделся и застучал в стекло.

На этот раз к телефону подошла женщина. Вика назвала себя и почувствовала участие в ее голосе. Женщина успокоила, сказала, что отца ждут с минуты на минуту.

Вика вернулась в приемный покой. Здесь уже не было никого из тех, кто сидел тут раньше, зато появились две женщины, они стояли у окошка дежурной. Одна, помоложе, плакала, а другая, в пестром платке, из-под которого выбивались седые волосы, очевидно, ее мать, стояла молча, то и дело переводя глаза с дежурной сестры на дочь.

Вика опять встретилась с пристальным взглядом дежурной и даже приостановилась на пороге в тревожном ожидании. Но та тут же опустила голову и стала что-то читать.

Вика села на свой стул в углу и сжалась в комочек. Стрелки на часах ползли медленно. Ей казалось, что она сидит здесь уже целую вечность.

Она больше не подходила к окошку. У взрослых всегда есть секреты от детей. С этим ничего не поделаешь! Она будет ждать отца. Он придет. Он должен прийти!

Уж отец-то все узнает. Он умеет разговаривать так, что его слушают. Даже мама, которую боятся все ученики, и та слушается его. Вот он придет сюда, и эта злыдня за окошком станет сразу вежливой.

Теперь Вика выходила звонить каждые пятнадцать минут. К ее звонкам уже привыкли. С ней по-прежнему говорили очень участливо, но отца все не было. Наконец монеты кончились...

Могла ли когда-нибудь Вика представить себе, что будет просить на улице деньги у посторонних людей? Она долго колебалась, выбирала, к кому обратиться. Может быть, вот к тому немолодому мужчине с портфелем, в сером костюме? Или к цокающей тонкими каблучками девушке с красивыми каштановыми волосами? Но не решилась подойти к прохожим.

Вдруг ее взгляд остановился на белом фартуке продавщицы газированной воды. Ведь они уже не-

множко знакомы. Она подошла и взглянула в ее полное лицо, которое показалось ей добрым.

— С сиропом? — спросила продавщица, обдавая стакан брызгающей струей воды. Она смотрела на Вику так, словно видела ее впервые. Вика смутилась.

— Тетенька! — сказала она чужим голосом, чувствуя, что сгорает от стыда.— Дайте мне монетку позвонить по телефону.

— Иди, иди! Нечего попрошайничать! — рассердилась продавщица.

Вика отпрянула от тележки, но чья-то рука удержала девочку. Рядом стояла та самая девушка с каштановыми волосами, к которой она не решилась обратиться.

— Возьми, девочка,— сказала она, сунула Вике несколько монет и повернулась к продавщице:—С сиропом! И только полную порцию! А то всегда недоливаете!..

И на этот раз длинные гудки, бесконечные длинные гудки. Никто не снимает трубку. Неужели и с отцом что-нибудь случилось?

Вика снова бредет назад, к больнице. Глядя на нее, продавщица воды сердито поджимает губы. Но Вика не смотрит на нее. Она не замечает и прохожих, которые спешат мимо и на ходу толкают ее, и потока машин, и всей бурлящей жизни улицы... Горе и растерянность достигли предела.

Опять прохладная тишина подъезда. Несколько ступенек. Пахнущая теплым больничным запахом комната...

Но что это? Знакомый голос! Нагнувшись к окошку, стоит отец. Он разговаривает с дежурной. Уже с порога Вика видит, что отец бледен, взволнован, правая щека его подергивается.

Вика тихо становится рядом. Она боится пропустить хоть слово из его разговора с сестрой.

— Ничего нового! — говорит дежурная.— Позвоните утром. Опасности для жизни нет...

— Да вы поймите! — кричит отец.— Мне нужно к ней! Я хочу сам ее видеть!

— Пока нельзя.

Отец отшатывается от окошка, смотрит на Вику и не удивляется.

— Ты видела маму?!

Вика отрицательно качает головой.

Отец долго вытирает лицо платком. Потом вдруг снова наклоняется к окошку.

— Когда же я могу попасть в палату?

— Завтра утром поговорите с врачом!

— Завтра утром! — крикнул отец, и Вика даже вздрогнула. За все долгие часы, которые она провела здесь, никто не повышал голоса.— До утра я разнесу вашу больницу с вашими дурацкими порядками!

Окошечко захлопнулось.

— Безобразие! — крикнул отец еще громче.

Вика дотронулась до его руки.

— Папа, пойдем!

Отец бросил злой взгляд на белый квадрат окошка, чертыхнулся и пошел к выходу.

Вика почувствовала страшную усталость. Теперь отец рядом с ней, он-то уж знает, как надо поступить.

Домой они ехали на такси. Отец сидел рядом с шофером и всю дорогу у него допытывался, какому бы наказанию его подвергли, если бы он сбил человека. Шофер, молодой крепкий парень, отвечал словоохотливо. Сбить человека — дело серьезное. Хорошо, если человек останется жив и возьмет часть вины на себя,— бывают случаи, когда можно уговорить его самого или действовать через родственников. Есть такие проныры шоферы, которые добиваются встречи с потерпевшим и выманивают у него расписку в том, что он, шофер, ни в чем не виноват. Тогда суд ничего сделать не может. Сам виноват, сам страдай...

Вместо того, чтобы ехать прямо, по Садовому кольцу, отец приказал свернуть к Белорусскому вокзалу. Сделав огромный круг, они наконец выехали на площадь Восстания и только здесь повернули к Малой Бронной. Всю дорогу отец задавал шоферу вопросы, выяснял уловки, на которые может пойти преступник.

Выходило так, что прежде всего нужно пойти к следователю и взять у него адрес и место работы шофера. А затем твердо предупредить всех врачей больницы, чтобы они никого из посторонних к больной не допускали.

Голодная, усталая Вика притихла на заднем сиденье.

Теперь она слышала только голос отца, и этот голос, с необычными злыми срывами, вызывал у нее протест, неосознанный, но идущий из глубины сердца. Таким она никогда еще его не видела. Но она быстро подавила в себе это чувство. Конечно, отец прав: мама так страдает! А тот страшный человек, который ее искалечил, должен сесть в тюрьму. В тюрьму на много лет, пока совсем не состарится.

Даже доехав до дома, отец не торопился выходить. Теперь они с шофером разбирали вопрос о том, какая разница — быть сбитым на пешеходной дорожке или в стороне от нее и нужно ли найти постового милиционера и поговорить с ним.

А счетчик работал и работал... Вика открыла глаза и смотрела, как медленно ползут цифры. Ей показалось, что шофер нарочно задерживает отца, чтобы побольше получить с него.

— Где же ты целый день пропадала?! — проворчал отец, когда они поднимались по лестнице.

Вика только вздохнула.

Они поели то, что нашлось в холодильнике, а потом Вика легла. За стеной гудел голос отца. Он по телефону разыскивал следователя...

Через несколько мгновений Вика спала сном бесконечно уставшего человека.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Узелок с вещами собран. Он лежит на столе. Старая пестрая, уже давно отслужившая свой век косынка вдруг пригодилась. В ней пара белья, мыло, зубная щетка, полотенце. Сейчас мать и сын пойдут вместе в один из переулков у Пушкинской площади.

Еще никогда Сережка не испытывал такой любви к матери, как сейчас. С того момента, как ушел лейтенант милиции, он забыл о дневнике и о всех своих недавних горестях. Все в его жизни переменилось.

Он сидел в углу комнаты и молча смотрел, как мать собирает отцу передачу.

Бывало так, что отец вместе с начальником уезжал в командировку. Он всегда объявлял об этом с радостью. Отец любил вырваться из города и мчаться по дорогам, глядя на просторы дальних полей. Он брал с собой в дорогу маленький, обшарпанный чемоданчик, складывал в него полотенце, мыло, пару белья — все то, что сейчас сложила мать в свою старую косынку.

— Сережа! — сказала она.— Сбегай купи хлеба и консервов.

Схватив деньги, Сережа опрометью побежал на улицу. Его сердце сжималось от жалости к отцу. Он представлял себе темную, холодную камеру с

решетками на окнах. И отца, который сидит под запором... Сереже казалось — чем быстрее он вернется и они с матерью отнесут отцу передачу, тем скорее он облегчит мучения отца.

Если бы Сережа на несколько секунд задержался, его грустные мысли сменились бы радостью. Как только он вбежал в магазин, во двор вошел отец.

Андрей Федорович шел медленно, усталой походкой. Он старался держаться спокойно. Войдя в ворота, остановился, расправил плечи, привел в порядок фуражку и только тогда двинулся дальше.

Надо пройти через двор и завернуть за угол дома. Только и всего. Он тысячи раз проделывал этот путь, не замечая его. Но сейчас ему казалось, что он идет бесконечно. Он заметил, что старухи, которые сидели на скамейке у крыльца, увидев его, мгновенно прервали свой разговор, и он шел под конвоем их пристальных глаз.

Андрей Федорович раньше никогда не замечал, что лестница скрипит. А сейчас она пела от каждого шага. Он и не подозревал, что уже пятнадцать лет жена узнавала его шаги, как только он преодолевал первые ступеньки.

— Андрей!..

Мария Николаевна стояла на верхней площадке у широко распахнутых дверей квартиры.

— Задержался в гараже,— сказал Андрей Федорович.— Ты беспокоилась?

Еще по дороге он решил дома ничего не говорить. Все еще может устроиться, утрястись. Следователь отпустил его. Правда, до суда. И взял подписку, что он не выедет из города.

Узелок с вещами на столе!.. Андрей Федорович остановился посреди комнаты и, прищурившись, смотрел на него, ощущая глухую боль в груди.

— Собери поужинать,— проговорил он глухо,— а барахлишко запрячь, пока не понадобится...

— Она жива? — спросила Мария Николаевна.

Андрей Федорович опустился на стул.

— Не знаю,— проговорил он, хмуря брови.— Будет суд. Моей вины нет.

За открытым окном звенели детские голоса, ребята играли с мячом. С другого конца двора доносился стук костяшек, там на скамейках, окружив стол, сидели взрослые.

Мария Николаевна поставила на стол кастрюлю с тушеным мясом, картошку, огурцы и села напротив мужа, опершись локтями на стол.

Вдруг крики усилились. Ребята о чем-то спорили.

— Ну и галдят,— обернулся Андрей Федорович.

По лестнице вверх быстро простучали шаги и почему-то затихли у двери. Он прислушался.

— Ты Сережке про суд не говори,— сказал он,— отпустили, и все!

Сережка не входил.

— Чего он чудит?.. Посмотри!

Мать распахнула дверь. Прижав к груди консервные банки, Сережка стоял на пороге и беззвучно рыдал.

— Ты что? Сережка!..

Он переступил порог, подошел к столу и грудью упал на него. Громко и сухо стукнули банки.

— Что с тобой?

Сережка не отвечал.

— Что случилось?..— повысил голос отец.

Сережка поднял залитое слезами лицо.

— Ребята говорят, ты человека убил!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рано утром, осторожно обойдя тахту, на которой спал отец, Вика пошла звонить в больницу. Дежурная — другая, любезная,— отошла от телефона поискать в списке имя больной, и Вика со стесненным сердцем прислушивалась к шорохам в трубке... Наконец сестра сообщила, что состояние больной Потехиной без изменений, ночь она провела удовлетворительно.

Когда Вика положила трубку, за ее спиной уже стоял разбуженный разговором отец.

— Что тебе сказали?..— взволнованно спросил он.

Вика повторила все, что ей сообщила сестра.

Отец опустился на стул и долго сидел молча. Его смятая пижама была расстегнута на груди, с босых ног свисали туфли. Он сосредоточенно думал о чем-то.

— Как ты считаешь,— вдруг спросил он,— может быть, мы переведем маму в другую больницу? Я слышал, что в Боткинской профессора лучше.

Он говорил с Викой как со взрослой, и она была ему за это благодарна.

— Но доктор ведь сказал, что ее нельзя трогать.

— Да, сейчас трогать нельзя,— согласился отец.— Но потом-то ведь будет можно!..

Он поднялся и пошел умываться. А Вика побежала в кухню, зажгла газ, поставила на огонь кофейник и начала жарить яичницу.

Она очень торопилась. Ей хотелось все сделать так, как делала мама. Однако кофе убежал, а яичница была пересоленной.

Отец, впрочем, этого не заметил. Едва одевшись, он уже с головой погрузился в дела. Он позвонил на завод и сказал, что его сегодня не будет. Потом стал обзванивать профессоров и уговаривать их поехать в больницу на консилиум. Наконец двое каких-то очень именитых согласились, и отец повеселел. Однако трубка и минутку не полежала спокойно. Телефон сразу затрещал, очевидно, кто-то, набравшись терпения, долго и упорно пробивался. Выждав два звонка, отец снял трубку. Он никогда не снимал трубку с первого звонка, а только после третьего или четвертого; значит, снять трубку после второго уже было для него поспешным. Он послушал немного, и вдруг лицо его исказилось от гнева.

— Вот что я вам скажу, товарищ начальник! — проговорил он тихо.— Вашего шофера я засажу в тюрьму! А вас, заступничка, выгоню! — и с размаху бросил трубку.

Вика вздохнула. Каким жестоким, каким злым надо быть, чтобы задавить человека, и его еще кто-то защищает. «Человека! — подумала она и тут же спохватилась.— Как же она может думать о матери в третьем лице!..» Ужаснувшись этому, она еще больше рассердилась на шофера. Его отталкивающий облик она теперь представляла себе совсем ясно. Низкий лоб, широкий, приплюснутый нос и зверские черные глаза. Отец должен добиться, чтобы его посадили в тюрьму.

— Я пойду к маме,— сказала Вика после завтрака.

— Иди в школу! — сказал отец.— А посуду я вымою сам... В три часа будь дома! Приду за тобой и поедем в больницу.

Вика покорно сложила книжки и тетради в портфель, поцеловала отца в щеку и направилась к двери.

— Не забудь выключить газ, папочка,— сказала она с порога.

Вика медленно шла по Малой Бронной. Накрапывал мелкий дождь. Никогда еще у нее не было так тяжело на сердце!

Когда она вошла в класс, ребята притихли. На нее смотрели внимательно, с любопытством, словно видели ее впервые.

Таня Костенко, высокая, долговязая девочка, подбежала, обняла Вику и села с ней рядом.

— Куда ты вчера запропастилась? — спросила она.— Я все к тебе звонила... Прямо телефон оборвала.

— Я была в больнице,— сказала Вика,— меня туда отвезла Екатерина Павловна...

— Как твоя мама?! — крикнул Егор Шукалов, один из самых сильных в классе ребят; он мечтал стать мировым рекордсменом по поднятию тяжестей и ходил, держа руки полусогнутыми в локтях, как тяжеловес, хотя был так худ, что из-под рубашки торчали ребра; однажды он защитил Вику от каких-то мальчишек, и с тех пор они дружили.

— Очень плохо,— вздохнула Вика.

— Значит, у нас сегодня математики не будет! — обрадовался Генка Фролов; он ненавидел математику и всегда со страхом ожидал контрольной работы.

В ту же секунду Егор с силой хлопнул его по спине.

— Дурак!..

Только сейчас Генка понял, что он сказал. Он стал бормотать извинения, но было поздно, глаза Вики наполнились слезами.

Ребята окружили ее: глупое восклицание словно разбудило всех, каждый старался сказать Вике добрые слова. Они расспрашивали ее и больше всего удивлялись, как это она не добилась, чтобы ее пустили в палату.

— Ты просто тютя,— сказал ей Егор.— Я бы открыл дверь да как махнул бы вверх по лестнице! Только меня и видели! Взглянул одним глазком, а потом хоть в милицию!..

Последние два часа должна была быть математика, и ребят отпустили по домам. Генка радостно захлопал в ладоши и тут же получил подзатыльник от Егора.

Егор подошел к Вике и сказал:

— Поедем в больницу вместе! Я там быстро все ходы и выходы найду!

— Поезжайте! Поезжайте! — закричала Таня.— Мы тоже поедем! Верно, Женя?

— Я поеду с папой,— сказала Вика.

— Когда надо будет, позови,— сказал Егор и подтолкнул к двери Генку, который стоял с пузатым портфелем в руках.— Ну, шагом марш, товарищ начальник!..

«Товарищем начальником» ребята звали Генку с тех пор, когда однажды он потерял черновик с решением задачек на обороте какого-то заявления к его отцу, которое начиналось со слов: «Уважаемый товарищ начальник».

Егор ушел, а Вика стала спускаться по лестнице вместе с Таней и Женей. Ей очень хотелось, чтобы девочки пошли к ней домой. По правде говоря, они избегали бывать в гостях у Вики. Они побаивались своей учительницы: уж очень она строга. А их нельзя было назвать лучшими ученицами.

Сейчас же, когда случилась беда, они твердо решили не оставлять Вику одну. Они еще не знали, чем могут быть ей полезны, да и не в том было дело. Им просто хотелось быть вместе, когда одной из них приходится трудно.

— Вика! — окликнула Екатерина Павловна. Она стояла на пороге учительской, и на ее полном лице было выражение сочувствия.— Как мама?!.

— Спасибо,— ответила Вика.— Я звонила... Сказали, что маме не хуже, чем вчера.

Вика, Таня и Женя вышли на улицу. Мимо них шумно пробежали ребята. Где-то впереди маячила спина Генки, он шел, размахивая портфелем.

Из подъезда рядом с аптекой Вика позвонила домой. Никто не ответил. Вика очень не любила возвращаться домой, когда там никого нет. Ей сразу становилось одиноко и грустно.

Подруги свернули к пруду и пошли посмотреть на лебедей.

Теплый сентябрьский день, казалось, обещал долгое лето. На скамейках сидели женщины и наблюдали за тем, как играют их малыши. Давно ли и Вика приходила сюда, чтобы покачаться на доске, схватившись руками за перекладины, побегать по бесконечно крутящемуся большому деревянному барабану?

— Долго ты теперь будешь без мамы? — спросила Женя, когда они уселись на скамейку лицом к пруду.

— Не знаю! — ответила Вика.

— А дядьку, который сбил Надежду Александровну, ты видела? — спросила Женя; она хотела сказать — маму, но учительница оставалась учительницей, и Женя не решилась назвать ее иначе, чем называла всегда.

Вика не сказала «да», но утвердительно кивнула головой. Облик злодея она представляла себе так ярко, так отчетливо, словно и в самом деле видела его много раз.

Она сказала:

— Он захохотал, когда увидел, что мама попала под машину!

— Захохотал? — воскликнула Таня.

— За-хо-хо-тал! — раздельно и убедительно произнесла Вика.— Когда милиционер его схватил, он даже не испугался. Давил, говорит, и всегда буду давить!

Вчера шофер, с которым разговаривал отец, сказал что-то отдаленно похожее: «Пешеход сам лезет под машину. Его давят, а он все лезет»,— Викино воображение дополнило эту фразу. Страшный изверг, которого она себе представляла, мог говорить только так.

На другом конце скамейки сидел какой-то мальчишка и пристально смотрел на воду. Они не обратили на него никакого внимания.

— Когда ты пойдешь в больницу? — спросила Таня.

— В три часа... Уж если и сегодня не пустят, я все равно прорвусь!..— сказала Вика решительно. Разговор с Егором не пропал даром.

Мальчишка, сидевший на скамейке, оглянулся на них, встал и побрел по аллее к выходу. Его бледное лицо выглядело унылым. Поддав ногой камешек, он остановился на углу двух тропинок и снова посмотрел на них, на этот раз не скрывая вызова.

— Девочки,— прошептала Вика.— Это он!

— Кто? — тоже шепотом спросила Таня.

— Мальчишка, который отнимал у меня велосипед.

— Вот бы узнать, из какой он школы! — сказала Таня.

— А что, пошла бы жаловаться? — усмехнулась Женя.— Я просто отдубасила бы его, вот и все...

Увидев, что девчонки тоже смотрят на него, Сережа презрительно усмехнулся, толкнул подкатившийся под ноги мячик, за которым устремился малыш, и быстро свернул налево в аллею.

Подруги проводили Вику до самого подъезда ее дома. Здесь они договорились, что встретятся вечером, и распрощались.

Отца еще не было, и Вика опять пожарила яичницу. Она очень боялась пересолить ее и жарила без соли.

В комнате царил тот же беспорядок, что был, когда она уходила в школу. На столе громоздились тарелки и чашки. Отец так и ушел, забыв их вымыть. Пол был не подметен. На тахте лежали неубранные простыни.

Она взялась за уборку, и через час в комнате стало так же, «как при маме».

Отец опоздал на полчаса, он пришел взъерошенный и сердитый, бросил свою кожаную рыжую папку на тахту и грохнулся в кресло с такой силой, что ножки заскрипели. Полные щеки отца покрылись потом, и его лицо блестело, словно он несколько часов провел у пылающей мартеновской печи.

Вика хотела уже спросить, не пора ли обедать, как вдруг он с силой хлопнул ладонями о рукоятки кресла.

— Нет, ты понимаешь, какое свинство! — крикнул он.— Один профессор отказался. Другой на операции. И вообще все перенесено на завтра!.. Обедать некогда! Поедем к матери! — скомандовал он, и эти слова вернули Вику к действительности.

Спина отца, широкая и неподвижная, заслонила переднее стекло. Вика подвинулась к середине сиденья, чтобы смотреть в промежуток между головами шофера и отца. Машина мчалась очень быстро. Приближаясь к перекресткам, шофер почти не сбавлял скорости, и Вика видела, как одни пешеходы устремлялись вперед, другие пугливо пятились, в то время как вполне могли бы успеть перейти.

— Не гоните так машину! — раздраженно сказал отец.— Еще задавите кого-нибудь!..

Шофер усмехнулся.

— Двадцать восемь лет езжу, никого не задавил.

— А на двадцать девятом можете задавить!..

— Вижу, вы гражданин нервный!

— Помните, куда мы едем? — спросил его отец.

— А как же? В больницу!

— Так вот, там лежит моя жена! Ее сбил на улице шофер! Она в тяжелом состоянии!

— Вон дело какое! — посочувствовал шофер.— Сотрясение мозга?

— Сотрясение! — сказал отец.— И перелом ноги! А этого негодяя, который ее сбил, следователь, вместо того чтобы держать в тюрьме, отпустил домой.

— Зачем же его держать? — сказал шофер.— Не сбежит!

— Как так не сбежит? — вдруг возмутился отец.— Он же преступник...

— Что же вы думаете, он хотел вашу жену задавить? — спросил шофер.— Может быть, она сама, нечаянно. Пешеходы, знаете, как распустились,— продолжал шофер.— Ты едешь, а он сам под машину лезет...— И, сделав крутой вираж, машина ловко объехала какого-то старика, который переходил улицу в неположенном месте.— Старый черт! — закричал шофер, высунувшись в окошко.— Давить таких надо!

Машина повернула налево и затормозила около подъезда больницы. Отец расплатился и быстро вышел. За ним выскочила и Вика.

Отец не оглянулся. Позади хлопнула дверца. Зашуршали шины.

Когда они вошли в комнату, Вика прежде всего взглянула в окошко, за которым маячило лицо дежурной. Не везет, так не везет! Дежурила та самая сестра, которая вчера была так неприветлива.

Отец быстро подошел к окошку и стал тихо разговаривать с дежурной.

— Вика!

Вика с тревогой взглянула на отца. Глаза его чуть-чуть прояснились, но все же он казался очень озабоченным.

— Нас пустят к маме на пять минут! — сказал он.— Всего на пять минут. Только ты не плачь. Ей вредно волноваться, понимаешь?

— Понимаю! — ответила Вика.

Она готова молчать, лишь бы только увидеть маму!

— Может быть, тебе все-таки не стоит туда идти?

— Почему, папа?

— Я думаю, маме будет очень тяжело.

Вика поняла — отец не хочет, чтобы она шла вместе с ним. Не хочет, чтобы она видела маму, страдающую и измученную болью.

— Я пойду, папа! — твердо сказала она.— Ты не бойся, я не буду плакать.

— Ну, смотри!

Старая санитарка, шаркая туфлями, вынесла им два халата. Вика попробовала надеть свой в рукава, но рукава свисали почти до пола. Тогда она просто накинула халат на плечи. На отце халат едва сходился.

Наконец-то они идут по длинному коридору!

— Второй этаж, пятая палата! — сказала санитарка.

Поворот. Еще поворот. Лестница.

Отец быстро шагал впереди, и Вика едва поспевала за ним.

— Папа! — вдруг остановила Вика отца.— Мы ничего маме не несем!..

— Не беспокойся! — Отец вытащил из грудного кармана пиджака две плитки шоколада.— Ничего другого ей пока нельзя.

Первая палата. Вторая... Все двери одинаковые. Из двери третьей палаты вышел молодой парень. На пороге он обернулся и что-то весело крикнул тем, кто остался в палате. Оттуда донесся громкий смех. Парень, улыбаясь и слегка прихрамывая, пошел вдоль коридора.

Никогда в жизни Вика еще не была в больнице. Ей казалось, что здесь всегда царит чинная тишина. Больные лежат по кроватям, а врачи в белых халатах ставят им градусники и столовыми ложками вливают в раскрытые рты лекарства. Она внимательно посмотрела на молодого парня и подумала: «Наверно, здесь не так уж скучно!»

Они дошли до конца коридора, пересекли лестничную площадку, и тут отец приостановился. На высокой двери было написано: «Женское хирургическое отделение».

— Вам к кому? — спросила молодая сестра.

Она поднималась по лестнице, неся в руках большую металлическую коробку.

— В пятую палату,— ответил отец.

Девушка внимательно посмотрела на отца и на Вику.

— К Надежде Александровне?

— Да! — удивленно взглянул на нее отец.

— Прошу вас, говорите с Надеждой Александровной как можно меньше. Ей нельзя волноваться. И находиться у нее вы будете только пять минут.

Вике опять стало страшно за маму.

— К ней кто-нибудь приходил? — тихо спросил отец.

— Следователь... но мы его не пустили. Сейчас не время... Приходил и шофер!

— Шофер? Тот, который сбил?..

— Тот самый...

— Как он сюда проник?

— Когда человеку очень нужно, он проникнет всюду.

Голос отца дрогнул.

— Когда это было?

— Часа два назад!

Отец нагнулся к девушке и внушительно сказал:

— Я вас очень прошу, ни за что не допускайте к ней этого негодяя. Очень вас прошу!

— Хорошо,— сказала сестра.

Она распахнула дверь и кивком позвала их за собой. Отец, однако, продолжал стоять, словно перед преградой. Потом медленно и неуверенно шагнул вперед.

За дверью начинался такой же длинный коридор, какой они только что прошли. На одинаковом расстоянии друг от друга были высокие белые двери. Некоторые из них оказались распахнутыми, и, проходя мимо, Вика видела больных. Одни женщины лежали, безучастно глядя перед собой,— очевидно, они были тяжело больны, другие сидели или ходили по палате, переговариваясь между собой. У окна к Вике спиной стояла какая-то женщина в теплом малиновом халате, что-то в ее фигуре казалось удивительно знакомым. У Вики екнуло сердце. Мама!.. Но когда женщина обернулась и Вика увидела незнакомое худощавое усталое лицо, она невольно потупила взгляд и прошла мимо, стараясь не глядеть...

Пятая палата! Девушка в халате взялась за большую медную ручку, вновь строго посмотрела на отца и, как показалось Вике, особенно строго на нее.

— Пять минут! — повторила она.— И никаких разговоров, которые могут волновать.

Отец покорно кивнул головой, плечи его опустились, и он как-то неловко, на цыпочках вошел в приоткрытую дверь. Вика вошла за ним.

Палата оказалась большой, светлой. В ней стояло четыре кровати, по две с каждой стороны.

Отец остановился. И тихо стоял, не проронив ни слова. Только подойдя ближе, Вика увидела обострившееся, бледное лицо матери. Мать смотрела на нее со слабой улыбкой. Ладони ее тонких рук, вытянутых поверх одеяла, разошлись и опять безвольно упали. «Вот видите, какая напасть»,— будто хотела вымолвить мать.

Вика стояла рядом, ощущая новое, совсем незнакомое, странное чувство. Что-то мешало ей подойти и обнять мать, как это она делала еще вчера утром и всю жизнь с тех пор, как себя помнит. Словно между ней и матерью что-то пролегло, невидимое, но страшное, и это их разлучило. Сама мысль об этом была для Вики невыносима.

Она прислонилась к спинке кровати и так осталась стоять.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил отец, опускаясь на стул; он старался говорить бодро.

Мать улыбнулась.

— Теперь легче,— проговорила она,— скоро поправлюсь! Врачи говорят, все пройдет бесследно. А как ты, доченька?

— Хорошо, мамочка! — прошептала Вика.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил отец.

— Ничего,— сказала мать.

— Ну, об этом я поговорю с врачами.— Отец помолчал.— А шофера будут судить,— мрачно добавил он.

Мать покачала головой.

— Ведь был свисток,— сказала она.

Отец приподнял брови.

— Свисток?!

Но мать не ответила. Она поднесла руку ко лбу.

— Голова,— сказала мать.

Вика смотрела в ее лицо, почти такое же белое, как подушка, и боялась заплакать. Ей было очень жаль мать. Сейчас они уйдут, а она останется здесь со своей болью.

В палату неслышно вошла сестра. Она подала знак, что пора уходить.

Отец нагнулся к матери и поцеловал ее в щеку. Вика тоже поцеловала, потом отец взял ее за руку и повел к двери. У порога Вика оглянулась, но лица матери уже не разглядела.

Опять они шли длинными коридорами. Белесые двери, белесые столы и душный запах лекарств.

Один поворот коридора, другой, новая дверь, широкая лестница...

Как только старая толстая няня повесила на гвоздь халат, Вика упала на грудь отца и зарыдала.

— Ну, это уж совсем ни к чему,— сказал отец.— Перестань плакать, а то в следующий раз тебя не пустят.

Он вытер ей платком глаза, и они направились к выходу, провожаемые сочувственным взглядом санитарки, дежурившей у вешалки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дневник так и остался неподписанным. Сережа пошел в школу с тяжелым сердцем. Все, что произошло дома: приход милицейского лейтенанта, неожиданное возвращение отца и, наконец, тяжкие слова, которые бросил ему заядлый хулиган Митька Косач: «Твой отец убил человека!» (И надо же так соврать, а ведь ребята поверили!),— все это положило начало трудным испытаниям в его жизни.

Даже Сережкин друг, Васька Сапрыкин, и тот не вступился. Ну ладно. С Васькой еще будет разговор. А Юрка? Сколько раз он, Сережка, защищал Юрку, когда его хотели бить? И вот, пожалуйста. Видно, нет дружбы на земле!..

И хотя в классе не было ни одного мальчишки с его двора, Сережа сердито запихнул портфель в парту и сел, ни на кого не глядя.

После уроков, на улице, к нему подошел Юрка. Высокий, с курносым румяным лицом, он шагал, размахивая портфелем, словно примериваясь, где бы его перекинуть через забор.

— Отца еще не увезли? — спросил он.

Сережа остановился, глаза его сузились.

— Проходи, барбос!

— Так он же кого-то убил! И лейтенант протокол составил.

Сережа подошел к нему вплотную.

— Не смей так о моем отце говорить! Слышишь? — Он постоял мгновение, повернулся и быстро зашагал прочь.

Скорее, скорее домой! Никогда еще Сережка так не торопился. Вбежал в ворота, завернул за угол, одним махом взлетел на крыльцо. И вверх — через две-три ступеньки! С шумом распахнулась дверь. Мать, испуганно обернувшись, чуть слышно шепнула:

— Тише. Отец спит!

Спит! Сережка успокоенно вздохнул и, тихо ступая, прошел в свой угол.

Отец спал на кровати, укрывшись пиджаком. Жидкие сбившиеся волосы прикрывали лоб; большая, с набухшими венами рука была неудобно поджата. Очевидно, она затекла, и во сне отец чувствовал это, он поводил плечом и наконец, всхрапнув, перевернулся на другой бок.

Мать осторожно и бесшумно доставала из таза вымытые тарелки и перетирала их полотенцем.

Сережка снял ботинки и остался в носках.

— Почему папа дома? — прошептал он.— Уволили?

Мать покачала головой.

— Нет! Раньше отпустили.

— Почему?

— Тише! — Она подала знак, чтобы он подошел поближе.— Ходил в больницу! — прошептала она ему на ухо.

— К этой женщине?

— Да.

— Видел ее?

— Нет. Его не пустили.

Сережа взглянул на мать. Ее глаза смотрели поверх его головы.

— Отец хочет поговорить с ее мужем,— сказала она.

— Зачем?

— Рассказать все, как было...

— А зачем? — снова спросил Сережа.— Прощения будет просить?

Отец пошевелился.

— Тише,— снова шепнула мать,— разбудим...

За окном раздался звук трубы. Корней Петрович занял свое место в сарае. Может, еще раз сходить к нему? Посоветоваться?

Отец вдруг открыл глаза и сел.

— Который час? — спросил он.

— Четыре,— сказала мать.

Отец стал молча обуваться.

— Я пойду с тобой,— сказал Сережа.

— А тебе зачем?

— Нас будет двое.

Мать сказала:

— Отец и без тебя обойдется!

— Я пойду! — повторил Сережа.

Отец взглянул на него и усмехнулся:

— Ну что ж, пойдем!

Мать вздохнула и промолчала.

Одевшись, они спустились вниз, не торопясь, прошли мимо сидевших во дворе старух. Отец даже поговорил немного с Варварой, спросил ее о здоровье, получила ли она письмо от сына из Ленинграда. Варвара отвечала охотно, но в глазах ее светилось любопытство. За спиной Андрея Федоровича многозначительно переглядывались две старухи, а одна из них подавала Варваре быстрые знаки: «Давай, давай, спрашивай!»

Стоя чуть позади отца, Сережка видел весь этот безмолвный разговор и потянул его за рукав.

— Ну пошли!..

Отец сказал Варваре напоследок что-то веселое и двинулся к воротам. Они вышли на улицу и свернули направо. Отец шел чуть впереди, и Сережка старался его не обгонять.

— Они живут на Малой Бронной,— сказал отец.— У аптеки.

Сережа молчал.

— В больнице мне дали точный адрес,— продолжал отец.— Говорят, у нее муж инженер. В технике понимать должен...

Сережа шел и думал:

«Неужели отец будет просить прощения? Он ведь не виноват!»

— Ты не виноват? — спросил он отца, хотя не сомневался в ответе.

— Нет! — ответил отец.

— Зачем же ты тогда идешь?

Отец приостановился.

— Сказать, что я не виноват,— проговорил он.

— А если дядька будет драться?

— Не будет он драться!

— А ты откуда знаешь?

— Не будет он драться,— сказал отец.— Он человек культурный, инженер. А если ты боишься, ступай домой.

— Я не боюсь,— сказал Сережа,— но зачем тебе идти?

— Тебе уже двенадцать лет,— рассердился отец,— и ты не маленький! Я ведь сбил человека.

Где-то в глубине души Сережа боялся. Никогда он не боялся, когда шел рядом с отцом, а сейчас боялся. И боялся потому, что теперь беззащитным был не он, а отец.

Они свернули в Спиридоньевский переулок и молча дошли до аптеки. Несколько раз навстречу попадались ребята из их школы, но Сережа проходил мимо, не заговаривая с ними.

И вдруг он увидел Юрку. Юрка выходил из аптеки, заметил его, хотел метнуться в другую сторону, но Сережа строго окликнул его:

— Юрка!

Юрка вздрогнул и подошел с виноватым видом.

— Надо быть вежливым и здороваться,— сказал Сережа.

— Здравствуйте, Андрей Федорович!

— Здравствуй, Юра! — сказал отец и удивленно взглянул на ребят.

— А теперь иди! — сказал Сережа.

Юрка бросился бежать по переулку.

— Ты чего? — спросил отец.

— Так, ничего. Между прочим,— хмуро ответил Сережа,— учить их надо!

Они остановились около подъезда. Отец взглянул на бумагу.

— Второй этаж!

Сережка поднял голову. Сколько раз он проходил тут, но никогда эти окна его не интересовали. А сейчас?

— П о д о ж д е ш ь здесь? — неуверенно спросил отец.

Сережка мотнул головой. Нет уж, одного отца он не пустит. Он первым вошел в подъезд. А за ним стал медленно подниматься по лестнице отец.

На средней площадке между лестничными пролетами отец вдруг остановился и застегнул пиджак на все пуговицы. На его лице появилось новое выражение. В нерешительности он топтался на месте.

— Ты что? — обернулся Сережа.

— Может быть, и правда не стоит идти? — сказал отец.

Сережа молчал. Сейчас, когда они уже были на лестнице, его также пугали закрытые наглухо двери.

Неожиданно дверь распахнулась, и на площадку вышла какая-то девчонка. Как только она обернулась, он сразу же узнал ее. И она тоже его сразу узнала. Ну и противный же у нее голос!

— Папа! Папа! Он опять здесь!

Сережа хотел было бежать, но ноги словно приросли к ступенькам. На него смотрел отец, не понимая, почему так отчаянно кричит девочка. Кого она испугалась?

Тотчас же из глубины квартиры появился высокий толстяк в очках, тот самый, от которого Сережа едва спасся. Толстяк тоже сразу узнал его.

— Ты чего тут хулиганишь?! — закричал он.— Убирайся прочь!

— Я... я ничего...— проговорил Сережка замирающим голосом и стал отступать, пятясь вниз по лестнице.

Толстяк стоял на лестничной площадке и кричал:

— Погоди, я разыщу твоих родителей! Мерзкий мальчишка!..

Тут отец наконец понял, что ругают Сережу, расправил плечи и медленно пошел вверх навстречу толстяку.

— Вы что шумите? — спросил он, сердито хмуря брови.— Что он вам сделал?..

— А вы кто такой?! — вызывающе спросил толстяк и вдруг обернулся к девочке.— Уходи! — строго приказал он ей.— Иди в квартиру! — Девочка неохотно повиновалась, а толстяк встал, загораживая двери.— Что вам нужно? Что вы вмешиваетесь? — повторил он, с негодованием глядя на неожиданного заступника негодного мальчишки.

— Раз вмешиваюсь, значит, имею право. А вы свои угрозы бросьте...

Толстяк задохнулся от гнева.

— Ну, знаете ли... Нечего лезть в заступники.

— Это мой сын! И я не позволю! — вскипел отец. Он схватил толстяка за лацканы пиджака и встряхнул.— Ах ты! Да я из тебя душу вытряхну!

Сережка никогда еще не видел отца в таком состоянии. Очевидно, беда, которая на него свалилась, совсем вывела его из себя.

— Папа, не надо! — крикнул Сережа.

В это мгновение толстяк рванулся, перепрыгнул через порог и захлопнул за собой дверь.

На площадке сразу стало тихо-тихо. Отец посмотрел вниз на Сережу и негромко сказал:

— Пойди сюда!

— Не пойду! — ответил Сережа.

— Ты здесь уже бывал?

— Нет.

— А что этой девчонке сделал?

— Ничего,— сказал Сережа.— Они обознались.

— Ну ладно,— сказал отец,— дома разберусь. Где бумажка с адресом?

— У тебя в левом кармане...

Отец, покопавшись, нашел наконец смятую бумажку.

— Квартира шесть,— сказал он.

На площадку выходили две двери. Пятая квартира — налево, шестая — направо. Отец взглянул на номер, опять сверяя с бумажкой, и хмуро пожевал губами. Шестой номер был как раз на той двери, за которой скрылся толстяк.

— Ты что? — спросил Сережа снизу, видя, что отец медлит.

— Они одни в квартире живут? Не знаешь?

— Не знаю,— сказал Сережа.

Отец потоптался немного, а затем осторожно нажал на кнопку звонка и услышал, как звякнул звонок в глубине квартиры.

Раздались шаркающие шаги, и знакомый бас сердито рявкнул:

— Кто там?

— Мне нужно товарища Потехина! — сказал отец и настороженно прислушался.

Щелкнул замок.

— Опять вы?! — враждебно прозвучало из-за приоткрытой двери, которую придерживала цепочка.— Что вам еще нужно?

— Мне нужно видеть товарища Потехина,—сказал отец.

— Товарищ Потехин перед вами! А дальше что?..— Толстяк продолжал стоять, отделенный порогом и цепочкой. Рука его крепко держала дверь.

Отец помолчал.

— Нам нужно поговорить,— наконец сказал он.

— О чем же? О воспитании вашего сынка?

— Нет,— сказал отец,— нам нужно поговорить о случае...

— Каком случае?

— С вашей женой... Я шофер,— сказал отец.— Я хочу вам сказать...

— Шофер? Вы шофер?! Слушайте, вы! — закричал толстяк.— Не смейте больше ходить в больницу и добиваться свидания с моей женой! И пусть ваше начальство ко мне не звонит! Вам ничего не поможет!

— Я только хотел...— проговорил отец.

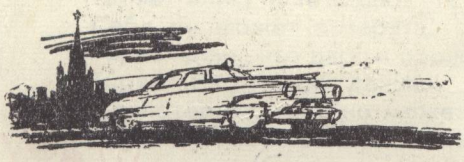
— Об этом вы скажете на суде!..

И дверь с грохотом захлопнулась.

Отец, сутулясь, прошел мимо Сережи.

Они молча шли по улице. Отец впереди, а он за ним, ощущая себя самым несчастным, самым плохим на свете человеком. На углу Спиридоньевского переулка отец остановился, сказал, что ему надо вернуться на работу, и пошел в сторону площади Восстания.

(Продолжение в следующем номере)

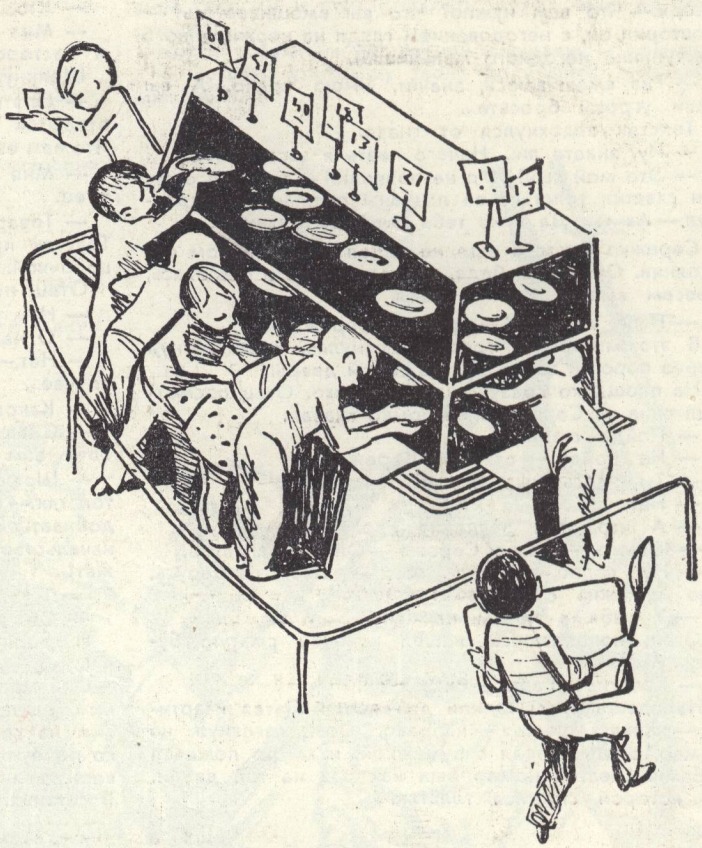


С. МАРШАК

НОВЫЕ СТИХИ

Рисунки Е. Медведева.

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ? ИЛИ НЕТ



Есть на свете или нет
Без буфетчика буфет?

Есть ли касса без кассира
И дорожная сума,
Что в трамвае с пассажира
За проезд берет сама?

Есть ли в школах гардеробы
Без надзора сторожих,
Гардеробы, где никто бы
Не надел калош чужих?

Есть ли скатерть-самобранка —
Выбирай что хочешь сам,
Так как блюд официантка
Не разносит по столам?

Есть ли двери без затворов
И цепочек у жильцов?
Стадион без контролеров?
Магазин без продавцов?

Есть ли где-нибудь читальня,
Где ты сам достанешь том
С ближней полки или дальней
И вернешь его потом?

Но со всеми чудесами,
Что рождаются у нас,
Верно, встретились вы сами
Или встретитесь не раз.

СТАРУХА И ВНУК

Старуха ворчала на внука:
— Уймись, иль возьмет тебя
бука!

А чуть он подрос,
Он задал вопрос:
— А что эта бука за штука?

Из Джанни Родари

Вслед за грозою четко и ярко
В небе встает семицветная арка.

Мост триумфальный в цветах и знаменах —
Солнцу, гонителю туч побежденных.

Любо смотреть, как пылает над нами
В радуге красное, синее знамя.

Жаль, что волшебное это виденье
Очень короткое длится мгновенье.

Чтобы его нам дождаться опять,
Нового ливня приходится ждать.

Эх, кабы радуга в ясной лазури
Вдруг расцвела без дождя и без бури!

Праздником был бы для каждой страны

Мир без войны,
А не после войны!

ТАРАТОРКА

Вот тараторка для ребят:
Когда молчат, не говорят.

Когда стоят на том же месте,
Не совершают путешествий.

Что далеко, не очень близко.
Что высоко, не слишком низко.

Нельзя приехать, не уехав,
И грызть орех, коль нет орехов.

Никто сидеть не может стоя,
Лить из порожнего в пустое.

Нельзя писать на белом мелом
И называть безделье делом.

СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

Мне довелось увидеть то,
Чего не видывал никто:
По переулку шло пальто.

Народ вокруг понять не мог,
Кто это движется без ног.

А это был ты знаешь, кто?
Парнишка в папином пальто.

РАСТЕРЯХА

Вот Джованино-растеряха.
Теряет он за часом час,
Теряет голову от страха,
Когда, проспав, приходит в класс.
Теряет очередь, зевая,
Когда в дороге ждет трамвая,
Теряет книгу и тетрадь,
Себя он может потерять,
Теряет день, что даром прожит,
Теряет следующий день...
Но потерять одно не может —
Свою же собственную лень!

РУЧЕЕК ДЫМА

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки А. А. Кокорина.

I

С Виктором, или просто Витей, Желтиков познакомился через Макея Егоровича.

Макей Егорович служил на стадионе дворником. Занимал у входа маленькую сторожку. Стадион принадлежал заводу «Металлист». А Желтиков служил на заводе чертежником.

Знакомство произошло поздней осенью.

Стадион был пуст. Дожди испортили поле и беговые дорожки. А играть в хоккей еще не начали: ждали морозов, чтобы залить лед.

И хотя стадион находился в центре города, он напоминал в эти дни пригород — стога сена, рощи, скамейки. Вокруг стогов были разбросаны лопаты и грабли. Валялись перевернутые тачки.

Чертежник Желтиков сидел у Макея Егоровича в сторожке и говорил, что не знает, у кого пристроить на зиму свой автомобиль.

Пять лет он работал сверхурочно и без отпусков — собирал на него деньги, а теперь вот некуда с автомобилем деваться. Сам, конечно, виноват. Получил его недавно. Во всех общественных гаражах места уже заняты. Автомобиль ему требуется изучать. А как он будет изучать его на улице под снегом?

— Надо к Вите сходить,— сказал Макей Егорович.— Поговорить с ним.

— А кто это, Витя?

— Шофер со стадиона.

Макей Егорович показал из окна сторожки на здание гаража.

Прежде Желтиков его не замечал, потому что гараж закрывала листва деревьев. А сейчас деревья стояли голые, и он был виден — низенький, с чистыми белыми стенами

и красной кирпичной трубой, из которой вытекал ручеек дыма.

— А когда можно с Витей поговорить? Пойти к нему?

— Теперь и пойдем.

В воротах гаража была прорезана калитка. Макей Егорович открыл ее и заглянул внутрь. Темно. Крикнул:

— Витя! Виктор!

Никакого ответа.

— В истопницкой, наверное.

Макей Егорович и Желтиков обогнули гараж, где была другая калитка.

— Тут он,— сказал Макей Егорович и вошел в истопницкую.

Желтиков тоже вошел.

У открытой печки сидел на корточках человек в кожаном пальто. Шапки на нем не было. Светлые, коротко остриженные волосы торчали во все стороны. Он подкладывал в печку дрова.

Неожиданно Желтиков увидел другое, что его очень удивило: сверху из полумрака на него смотрел петух, настоящий, живой.

Потом Желтикову показалось, что сбоку, в большом ящике с деревянными прутьями, кто-то ворочается и скребется.

Витя поднялся, и Макей Егорович познакомил с ним Желтикова.

Чертежник сказал, зачем пришел.

— А какая у вас машина? — спросил Витя. Он взял кружку, зачерпнул воды из ведра и полез по дровам, сложенным вдоль стены, туда, где был петух.

— «Москвич».

— Пригоняйте своего «Москвича».— Слышно было, как Витя выливал в жестянку воду.— «Москвич» маленький. Разместимся.

Глаза у Желтикова привыкли к темноте, и он разглядел в ящике, сквозь деревянные прутья, голубей.

— Только я еще не очень умею сам ездить.

— Что? Прав нет?

— Права есть. Недавно вот получил.

— Понятно. А где ваша машина?

— Я живу в Сокольниках.

— Помочь пригнать?

— Да, если вас не затруднит.

— Нет. Ничего. Не затруднит.

Петух, запрокидывая голову, с удовольствием пил воду.

Витя спрыгнул с поленьев, поставил на скамейку кружку. Тут же из кулька захватил в ладонь пшеницы и насыпал голубям.

— Хотите осмотреть гараж? — спросил он.

— Да, если можно.

В гараже Витя повернул выключатель — вспыхнули четыре мощные лампы.

Желтиков увидел большой грузовик «ЗИЛ-150», металлическую бочку, верстак с разобранным инструментом, корзину, полную зеленых капустных листов. Увидел огромную щетку и ковш, которые цепляют зимой к машинам, убирающим на улицах снег.

— Мое имущество,— сказал Витя.— Где-нибудь приткнем вашего «Москвича».

В гараже было так тесно, что Желтиков не понимал, где еще можно приткнуть его «Москвича».

— А сколько я должен буду вам платить?

— Платить? А разве я говорил про деньги?

Желтиков понял, что Витя обиделся.

— Извините.

— Вы просили выручить вас — я, как мог, выручил.

— Спасибо.

Витя вскочил на колесо грузовика и заглянул в кузов. Сказал:

— Подайте лучше пучок сена. Оно за бочкой лежит.

Чертежник достал пучок сена и, ничего не понимая, подал Вите.

Витя бросил сено в кузов. В кузове кто-то захрустел, зацокал.

— Хотите взглянуть?

Чертежник тоже полез на колесо. Ему хотелось, чтобы Витя поскорее забыл его слова про деньги. С другой стороны, на другое колесо, влез Макей Егорович.

В кузове грузовика сидели два кролика. Перед ними стояла миска с водой.

Только Желтиков спрыгнул с колеса, как чуть не наступил на что-то живое. Это ока-

зался маленький кот с хвостом, похожим на выпрямленную проволоку.

— Тоже мое имущество,— сказал Витя.— Кошариком зовут.

— Автомобилист,— сказал Макей Егорович.— Как приметит, где автомобиль, залезает под него и сидит.

— Вы разводите кроликов? — спросил чертежник Витю.

— Нет. Это кролики приятеля. Два братца.

— А петух?

— Петуха я нашел. Летом еще. Больной он был. Поправился, ничего.

— А голуби?

— Голубей ребята принесли из соседнего двора. Некуда на зиму пристроить. Так что — кого нашел, кого принесли, а кто сам пришел. Кошарик пришел. Понравилось ему, и поселился под грузовиком.

2

Желтиков часто приходил в гараж. Надевал Витину спецовку, огрубевшую от засохшего солидола, и приступал к изучению своего автомобиля.

Если он лазил под автомобиль, то встречал там Кошарика. Потому что, когда Витя уезжал на грузовике, Кошарик перебирался под «Москвича». Братцы кролики на это время устраивались в углу, где хранились тряпки.

Желтиков лежал на спине и разглядывал автомобиль снизу — кардан, передний мост, задний мост, амортизаторы, рессоры,— а Кошарик, потревоженный им, сердито изгибал проволоку хвоста и дышал то справа, то слева в самое ухо.

Желтиков был еще полным новичком. Делал много смешного и глупого. Вползал под автомобиль и выползал из-под автомобиля бесчисленное количество раз: то забывал взять необходимый по размеру гаечный ключ, то, работая на спине, клал этот самый ключ или отвертку так неудачно, что не мог потом нашарить их.

Приходилось опять выползать, становиться на четвереньки и глядеть, где и что лежит. Колени и локти очень после этого болели.

Кошарик насмешливо щурился из-под машины и как-то странно моргал одним глазом. Желтиков не сомневался, что думал про него Кошарик нечто нелестное.

Иногда тихонько подскакивал какой-нибудь братец кролик. Во рту у него торчал капустный лист, который он вытащил из корзины и теперь дожевывал.

Кролики интересовались, что Желтиков ремонтирует в новом, только что купленном автомобиле.

Они перепрыгивали через его ноги на полу, хрустели капустой и, очевидно, ждали, когда же он будет на этом автомобиле ездить.

3

На футбольном поле залили каток. Витя прицепил к грузовику щетку и ковш и в снежные дни чистил лед.

Однажды он сказал Желтикову:

— Садитесь за руль. Будет вам практика.

Желтиков с радостью согласился. Они ездили по кругу и гнали снег ковшом и щеткой от середины все дальше к краю.

Водить тяжелую машину — хорошая практика. И на пустом катке это безопасно.

Из людей попадался только Макей Егорович. Он тоже влезал в кабину, и они ездили втроем. Курили сигареты и разговаривали.

Если Желтиков долго оставался в гараже, он с Витей перекусывал: пил молоко с булками.

Витя садился на подножку «ЗИЛа». Чертежник устраивался на железных козелках, которые подставляют под машину, когда ее поднимают, «вывешивают» для ремонта.

Стаканы они полоскали в бензине. Витя откручивал пробку бензобака в грузовике и засовывал в бензобак стаканы. Смеялся: чище будут, чем в воде. Стаканы быстро высыхали и действительно становились чистыми.

Иногда молоко в бутылках замерзало, и

его надо было отогревать. Витя ставил бутылки около печки.

Если печка была уже холодной, Витя опять использовал грузовик. Бутылки устраивал под капотом в моторе и мотор заводил. А чтобы отработанные газы не попадали в гараж, надевал на выхлопную трубу резиновый шланг и конец его выбрасывал через калитку наружу.

Мотор быстро согревал бутылки.

Появлялся Кошарик. Ему тоже хотелось перекусить. Витя снимал у «Москвича» колпак с колеса и наливал в него, как в миску, молока. Ставил перед Кошариком.

Когда требовалось умыться, Витя открывал в радиаторе грузовика краник — извольте, горячая вода.

У Вити всегда все было под рукой.

4

Однажды Желтиков пришел в гараж, поглядел — следов на снегу перед воротами нет: значит, Витя еще не выезжал.

Желтиков достал из кармана газету, скрутил из нее факел, поджег его и отогрел замок. А то у него был случай, когда он не сумел попасть в гараж, не сумел справиться с замерзшим замком, пока не появился Витя и не обучил его, как это делается.

С тех пор он всегда приносил с собой газету и спички.

Желтиков открыл калитку гаража, включил свет. На пороге стоял щенок.

«Новый квартирант»,— догадался Желтиков.

Братцы кролики, как всегда, сидели в кузове «ЗИЛа». Кошарик, как всегда, сидел под «Москвичом». Он теперь окончательно перебрался из-под грузовика под легковую машину.

Щенок, очевидно, еще не выбрал собственного места и чувствовал себя несчастным.

Желтиков переоделся в спецовку и тотчас оказался на полу на спине с торчащими в стороны ногами. Здесь, под автомобилем, он, конечно, встретился с Кошариком.

Сегодня ему нужно было сладить с тормозами, потому что в прошлый раз, занимаясь ими, он что-то подпортил: из медной трубки пролилась розового цвета жидкость.

Он начал крутить гайки — изучать.

Щенок, мучаясь любопытством, заглянул под машину: что там такое Желтиков вертит-крутит?..

Кошарик немедленно ринулся на щенка, и вспыхнула драка. Они запутались в ногах у Желтикова, а Желтиков запутался ногами в них.

В кузове взволнованно запрыгали братцы кролики, а в истопницкой закукарекал петух.

Так они дрались в общем шуме — Кошарик лапами, щенок зубами, а Желтиков лежал на спине и отмахивался ногами. При этом он стукнулся головой о глушитель.

Драка кончилась.

Из кузова грузовика выглядывали братцы кролики. Щенок спрятался за металлическую бочку. Кошарик стоял посредине гаража и издавал звуки, точно закипевший на плите чайник. Хвост его был, как проволока только уже хорошо выпрямленная.

Чертежник сидел на полу, приложив к голове, где была шишка, холодный гаечный ключ.

В этот момент калитка распахнулась, и в гараж вошел Витя.

— Что случилось?

Чертежник промолчал — не хотел выдавать Кошарика. Из-за бочки выполз щенок.

— Это Барбосин,— сказал Витя, показывая щенка.— Вы еще не знакомы?

— Уже познакомились,— ответил Желтиков.— Он, что, сам пришел или вы его нашли?

— Сам пришел. Позавчера.

5

Вите надо было вывезти со стадиона мусор. Макей Егорович и Желтиков помогли Вите нагрузить его в «ЗИЛ».

Когда они передохнули после погрузки, Витя сказал Желтикову:

— Садитесь за руль.

Желтиков сел. Выезд предстоял серьезный: надо было проехать через весь город. И он поехал.

Витя сидел рядом, и поэтому ехал Желтиков смело.

Витя говорил ему, наставляя:

— Предположим, вы нарушили правила движения — развернулись, где запрещено, превысили скорость или еще что-нибудь. Это я на будущее, когда начнете ездить самостоятельно. Инспектор вам — фр-р-р! — засвистел. Приказывает, значит, остановиться. Неприятность, конечно. Что вы должны делать?

Желтиков не знал, что он должен делать.

— А вы должны отвести машину в сторонку, к тротуару, и не ждать, когда инспектор сам к вам подойдет, а выскочить из машины и побежать к нему навстречу «на полусогнутых». Извиниться. «Да я... да мы... виноват, признаю ошибку... за ваших львят... за вашу львицу...» В этом роде что-нибудь. Инспектор оценит и простит. Вполне допустимый факт.

Желтиков, слушая Витю, зазевался и выехал на перекресток на желтый свет.

— Фр-р-р!

Желтиков остановил грузовик и похолодел от страха.

— Ну? — сказал Витя как можно спокойнее.— Машину отведите в сторону, к тротуару. Не мешайте движению на перекрестке.

Желтиков отвел машину в сторону, к тротуару. И оба они, Желтиков и Витя, выскочили из кабины и «на полусогнутых» побежали к инспектору.

6

Барбосин оказался личностью общительной. Он быстро наладил дружеские отношения с Кошариком, с петухом, с братцами кроликами, с Макеем Егоровичем и вообще со всеми на стадионе.

Каждое хоккейное состязание было для Барбосина радостью. На стадион приходило много народа, приходил весь завод. И стадион уже не был похож на пригород, а становился шумным и веселым городом.

Витя и Барбосин отправлялись на трибуны. Витя смотрел состязание, кричал, подбадривал своих игроков. А Барбосин бегал и прыгал. Он подбадривал сам себя.

Кошарик на трибуны не ходил. Братцы кролики тоже не ходили. И петух не ходил. Они не выносили шума. Отсиживались в гараже, где вытекал из трубы ручеек дыма.

7

Чертежник Желтиков доремонтировал свой новый неремонтированный автомобиль до того, что он стал нуждаться в ремонте: разладилось зажигание, забарахлил карбюратор, в тормозную систему попал воздух. Замолчал сигнал, как будто его отрезало. И что уж самое нелепое — Желтиков проколол камеру. Никуда не ездил, а оказался со спущенным баллоном.

Желтикову было стыдно перед Витей, и он продолжал пытаться сам все наладить и восстановить.

Кошарик переселился из-под его автомобиля снова под грузовик. Переселился он потому, что Желтиков, занимаясь тормозами, проливал тормозную жидкость. А в этой жидкости был ацетон, который резко пахнул.

Барбосин окончательно устроился за металлической бочкой, куда впервые спрятался от Кошарика. Ему там нравилось лежать на сене.

Петух кричал теперь очень часто. Может быть, потому, что время шло к весне.

Наведывались мальчишки — интересовались, как чувствуют себя голуби. Скоро они заберут их домой.

Чертежник Желтиков тоже ждал весну, потому что впервые должен был уехать на автомобиле в путешествие. Правда, автомобиль стоял сломанный.

Желтикову казалось, что Витя ничего не замечает. Но Витя все замечал. Однажды он сказал:

— Пора привести его в порядок.

Желтиков очень обрадовался этим Витиным словам.

8

Весна.

Свалялся, как старая шерсть, снег. В рощах запахло свежими деревьями. На хоккейном поле расплескались глубокие озера. С крыши гаража падали капли и стучались в землю — будили ее. Солнце отогрело замок, и его больше не надо было греть факелом.

9

Желтикова провожали все: Витя, Макей Егорович, Кошарик, Барбосин, петух и братцы кролики.

Витя, как обычно, был в кожаном пальто и без шапки. Торчали светлые, коротко остриженные волосы.

У открытых ворот гаража стоял «ЗИЛ-150». Витя недавно снял с него щетку и ковш.

«Москвич», чистый и сверкающий, стоял рядом. В каждом его стекле было солнце.

Тихо гудел мотор.

Желтиков собрался садиться в «Москвич». Витя отмотал сзади с крючьев своего грузовика длинный трос. Сказал:

— Откройте багажник.

Желтиков открыл.

Витя положил в багажник трос.

— На всякий случай. Пригодится в дальней дороге.

Чертежник Желтиков хотел сказать что-нибудь очень хорошее и доброе очень хорошему и доброму Вите, но вдруг, не сговариваясь, они просто крепко обнялись.

Народы говорят войне: «НЕТ!»

Мир — это жизнь, счастье детей, надежда на будущее. Для нас мир — это коммунизм, который мы строим. Придет время, и мир на земле будет таким же привычным, как воздух. Но сейчас еще есть враги мира, поджигатели войны. Они бряцают оружием, страшнее которого не было — ядерным, угрожая жизни всего человечества. Поэтому защита мира сегодня — самое главное для честных людей.

Важнейшее событие наших дней — Московский Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Как навсегда избавиться от войн? Этот вопрос волнует все народы земного шара.

Вверху изображен знак, который стал международным. Он означает протест против атомного оружия.

1. Демонстрации и походы за мир и разоружение прошли почти во всех городах Канады. На снимке: демонстранты у здания парламента в Оттаве.

2. Пикеты борцов за мир у призывного пункта в Нью-Йорке. Жители города протестуют против ядерного оружия.

3. Несколько тысяч датчан собрались у здания американского посольства, чтобы передать президенту США Кеннеди требование прекратить испытания атомных бомб.

ПРОЩАЙ, КЫЗЫЛКУМ!

И. ВЕЧНАЯ.

Фото А. Клементьева.

«АТЛ»

«Афганец» дует с юга. Он поднимает над древней Бухарой серые столбы пыли и мчится в Газлинскую степь. Степь плоская, как стол. Маленькие кусты саксаула рассыпались по ней, будто ежи пасутся. Опалит их жаром «афганец» и несется в пески, загибая по пути волнистые гребни. И чем дальше к Аралу, тем выше песчаные волны, тем цепче костлявые ветки саксаула...

Мы ныряем по волнам-барханам на артиллерийском тягаче. «Афганец» нас нагоняет. Швыряет в щели кабины песок, облаком вздувает накрученный гусеницами рыжий шлейф. Все кругом белесое, мутное: воздух, барханы, саксаул. Солнца не видно. Да и небо словно упало на землю, смешалось с песком.

Ахат, водитель тягача, включает фары. Под самым нашим носом возникает крутая, с двухэтажный дом, сыпучая гора. Тягач с бешеным ревом взлетает на нее. С непривычки чуть-чуть страшно. Голова запрокинулась, ноги ползут вверх — вот-вот назад перекувырнет! А вниз катить... Ох! Сердце падает, будто срываешься в пропасть. И вдруг: «Трах-бабах!» — громовой залп. Это гусеницы, подпрыгнув, хлопают о жесткие колеса.

— Хорошо?—кричит мне в ухо Ахат. И смеется: — Как в танке!

Тягач «АТЛ» — настоящая боевая машина. Он и правда почти как танк, только без брони. В крыше кабины открывается люк, есть разноцветные лампочки световой сигнализации для связи командира с орудийным расчетом. Но воюет наш «танк» необычно.

Здесь, в пустыне Кызылкум, сраженье ведут строители. Они штурмуют пески встречными колоннами: с юго-востока — от Газлинской степи и с северо-запада — от Аму-Дарьи. На 166 километров протянулась линия фронта — начало самого мощного в мире газопровода Бухара — Урал. И, как на всяком фронте, есть тут и разведчики, и саперы, и артиллерия, и танки...

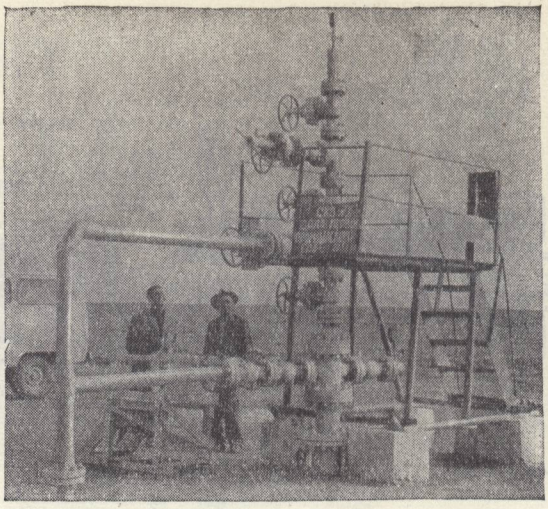
Вот «АТЛ» спускается с гребня бархана на волнистую ленту трассы. Впереди виден тракторный поезд. Стосильный «челябинец» тащит сорокавосьмиметровую трубу — плеть. Прямо на нас уставилось черное жерло. Диаметр его больше тысячи миллиметров. Чем не артиллерия! Тягач обгоняет могучий ствол «тыщовки». Уплывает назад, в белесую мглу, крупная на нем надпись мелом: «Да здравствует коммунизм!». Уплывает усталое лицо тракториста, махнувшего рукой озабоченному Ахату: «Все в порядке. Помощь не требуется»...

Водитель тягача Ахат Давлетов.

Беснуется на трассе «афганец», стелет в ложбинах молочную муть. Но поздно. Люди здесь уже прошли. Два длинных-длинных песчаных валка уходят от Газли в непроглядную даль, перекатываясь по застывшим волнам. Один повыше и пошире — там легла «тыщовка», по которой пойдет газ, другой поменьше — там «пятисотка» водовода, она принесет в Газлинскую степь, на промыслы, воду Аму-Дарьи.

На спидометре у вездехода-тягача многие тысячи километров. Сколько раз он пересек песчаное море! Сколько раз проходил там, где буксуют самые толстые резиновые колеса! Проворный, неутомимый, он несет большую службу в армии строителей газопровода: и диспетчер он, и снабженец, и грузчик, и автобус...

Не очень легко быть даже просто пассажиром в этом «танке». И все-таки скажу вам: с поездками по Кызылкуму мне здорово повезло. Благодаря тягачу на моем пассажирском счету десятки необыкновенных наблюдений и встреч...



В Газлинской степи. Эта «елка» может давать в сутки миллион кубометров газа.

ГОЛУБОЙ ВОЛШЕБНИК

О «Конвасе» вы, конечно, слыхали. Это репортерский киноаппарат. Тот самый, что путешествовал в космос вместе с Германом Титовым. Он считается лучшим в мире и носит сокращенное имя своего автора — советского конструктора Константина Васильева.

Так вот, первое мое знакомство в Кызылкуме было с «Конвасом». Случилось это на 156-м километре, в большом лагере строителей на подступах к Аму-Дарье. Стояло тут десятка два вагончиков на колесах. В одном жили москвичи: известный кинооператор Мамедов и его молодой ассистент Анатолий. На верхней полке у них лежал «Конвас».

Он снимает большой фильм. По словам Джаваншира Мусаевича, это будет целая поэма о природном газе. О том, как он образуется в глубинах земли, как его находят и добывают, как пускают по трубам в города, на заводы, как превращается газ в энергию, резиновые шины, корпуса станков и кораблей, ткани, стекло, пищу растений и даже... в кровеносные сосуды. Фантазия? Нет. «Конвас» никогда ничего не придумывает.

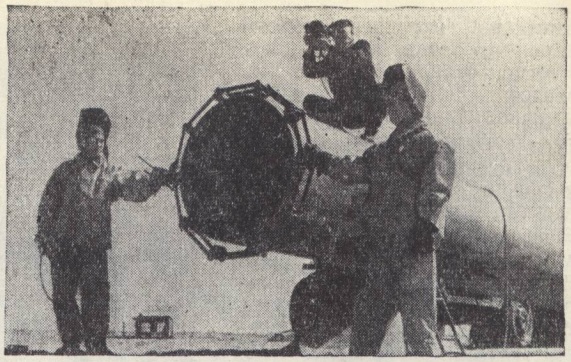
Есть числа, которые трудно с чем-нибудь сравнить. Например, 60 триллионов. Столько кубометров газа накопила природа в своих подземных хранилищах на территории нашей страны. Это треть мировых запасов! И одна из самых обширных кладовых — в недрах Газлинской степи.

Среди кустиков саксаула недавно появились коренастые стальные деревца — «елки» промысловых газовых скважин. Они уже дают голубое топливо Ташкенту и городам Казахстана. От этих «елок», которых пока несколько, а скоро будет десятки и сотни, и начинается газовая магистраль на Урал. Ей «Конвас» посвятит центральные эпизоды. Ведь это самый длинный, самый трудный по условиям строительства газопровод. Он пройдет по пустыням, где ни разу не ступала нога человека, по хлопковым плантациям и целинным полям, через многие сотни рек, оврагов, дорог и гор. Больше четырех тысяч километров труб предстоит уложить строителям. А сколько перевернуть песка, камней и земли!

Когда эти работы будут закончены, на Урал хлынет энергия, могучая, как три Братские ГЭС. На уральских заводах забушует голубое пламя. «Конвас» покажет, как оно будет плавить чугун без кокса и доменных печей, варить сталь, вращать турбины. Но это не все. На Урале бухарскому газу откроется путь в Европейскую часть страны. Впервые в СССР будет создана единая система газопроводов, которая свяжет в одно кольцо все газовые промыслы. А это значит, что в любое время с помощью автоматики и телевидения тысячи городов, заводов, электростанций смогут получать нужное им количество газа. А газа к концу семилетки природа даст нам столько, что его хватит, чтобы заменить весь уголь, добываемый сейчас в Донецком, Московском и Печорском бассейнах!

...Под впечатлением рассказа о будущем фильме я выхожу из вагончика кинооператоров. Над лагерем уже опустился вечер. В черном мартовском небе дрожат крупные звезды. Светят электричеством окна кочевого городка.

Под окнами, прямо на песке, сидят, отдыхают экскаваторщики. У них новость: сегодня сделан последний взрыв. Это возле Аму-Дарьи, за границей барханов. Скалистый участок там выбрали специально для опор навесного моста, который перенесет газопровод через реку. Взрывники прощаются с Кызылкумом. Они уезжают к берегам Арала пробивать каменистое плато Устюрт — труднейшее дело!..



Так работает «Конвас». А что будет на экране? Громадная плеть, подплывающая к этому «дулу».

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК

В пустыне не стояла тишина. И ночью и в рассветный час, когда над барханами летал свежий ветерок, то близко, то издалека слышался гул моторов. По звуку можно было отгадать, что это: ползет ли трактор-плетевоз, снует ли взад-вперед бульдозер, кряхтит экскаватор или заявляет о себе горластый сварочный агрегат.

Армия покорителей пустыни с ног до головы вооружена первоклассной, новой и мощной техникой.

Впереди механизированного отряда идут землеройщики. Бульдозеры срезают верхушки барханов — «планируют» трассу. Потом они роют траншею. Трактор привозит плети, сваренные из трех-четырех двенадцатиметровых труб. Гусеничный кран-трубоукладчик подтягивает плеть к газопроводу. Слесари «центруют» стык, подгоняя края труб, а электросварщики скрепляют их прочными огненными швами. Готово! Теперь очередь изолировщиков. Их машины идут плотным строем. Впереди, посредине, сзади — трубоукладчики. Они поднимают трубу, и весь поезд катит по ней, как по монорельсу. Очистная машина соскребает с трубы железными щетками ржавчину и окалину. Валки изоляционной машины обмазывают трубу черным и липким, как вакса, битумом, а две вращающиеся катушки бинтуют ее плотной бумажной лентой.

Потом трубоукладчики кладут трубу в траншею. И вот опять появляется бульдозер. На этот раз он замыкает шествие, засыпая траншею песком. Позади него только пустыня да длинный-длинный песчаный валок...

Можно часами смотреть на этот поток механизмов. Дух захватывает: конвейер через пустыню!

Но машины сами ничего не делают. Конвейером управляют мастера-строители.

Как бы далеко ни уходили в экспедицию геологи, они возвращаются домой. Прилетают домой летчики, приплывают капитаны кораблей. У строителей трубопроводов нет постоянной прописки в городах и селах. Эти люди всегда в пути, всегда на колесах и гусеницах. Тайга и степь, горы и болота... А теперь песок.

Неохотно уступает мертвые свои километры пустыня. Оползают бока траншей, стачивает механизмы песок, норовит забиться под изоляционную ленту... И все-таки машины идут. Ровно и четко.

Мужество... Какое оно? Над этим вопросом каждый из вас, небось, размышлял. И, должно быть, представлялись вам тревожные происшествия — аварии, опасности, спасение жизни товарищей. Ведь бывает работа, где все это может случиться. У строителей газопровода именно такая работа. И все-таки... Все-

Вера и щенок — неразлучные друзья. Они живут в походном городке, вместе путешествуют по трассе. Справа — Верина мама; она работает поваром. Отец Веры — машинист трубоукладчика.

таки вы получите совсем иное представление о мужестве, если побываете на трассе.

Однажды мы разговорились с бульдозеристом Ураком Надировым. Родился он в Самарканде, а работал и в Сибири и на Кавказе, строил газопроводы Ставрополь — Москва и Бухара— Ташкент. Больше ста километров «перепахал» он в Кызылкуме. Воображаете, какие горы песка! А текуч этот проклятый песок, как вода. И беспощаден.

— Можно самого себя барханом засыпать, если забудешь о ветре,— сказал Надиров и тут же улыбнулся: — Только такого случая не было. Беду мы к себе не приглашаем...

На крыше вагончика живут голуби — любимцы и спутники монтажников бригады Кузнецова.

Родителей трехлетней Наташи Гнедь называют на трассе «хирургами». У них брезентовые костюмы, которые пахнут искрами. Наташке это нравится. Она родилась на трассе и уже понимает, что отец и мать ее — электросварщики.

Работают они так. Подходят с двух сторон к стыку, надевают перчатки, опускают на лицо железные маски и начинают сшивать металл тонкими палочками электродов — точь-в-точь хирургическая операция. Ответственность большая. Шов надо делать ровным и плотным, неважно, стоишь ли ты на лесенке или лежишь под трубой на спине. К тому же мешает ветер: путает огненные капли стали и шлака, и даже маленькие песчинки могут погубить работу. Их сразу заметит в шве магнитная лента контролера, и трубу придется вырезать.

— Но у нас с Антониной такого происшествия не было,— сказал мне Алексей Васильевич Гнедь.— Брака не допускаем.

Десять лет работает на трассах машинист трубоукладчика Ахмитдян Садреддинов. Двигал он свой кран по болотным топям и «подвешивался» тросами над обледенелой пропастью. Но таких огромных труб да еще с «напряжением» — ведь сталь сопротивляется рельефной укладке по барханам — раньше не поднимал. Однако и с трубоукладчиком ничего «аварийного» не происходило.

— Двигаемся нормально,— сказал Садреддинов.

Так говорили почти все строители. И только один раз мне довелось услышать «чрезвычайную историю». Рассказал ее тракторист Михаил Парканов. Он возит плети. Каждый день у него тринадцатичасовой рейс, девяносто километров туда и обратно — самая трудная работа.

— Посадил я четырехтрубную плеть верхом на бархан,— сказал Парканов.— Прицепы ни с места. Все как полагается.

— Почему как полагается? — удивилась я.

— Да ведь посадил я нарочно — для кино, Мамедов мой трактор снимал. Едва-едва потом вытащили. А вообще такое бывает. Сами знаете нашу дорогу. И буксуем, и прицепы ломаются...

Да, не простое это понятие — мужество. Надо, конечно, иметь силу и смелость, чтобы встретить трудности лицом к лицу. Но еще больше силы, стойкости, знаний нужно, чтобы побеждать их вот так — без всяких аварий и происшествий.

И когда мне приходилось смотреть на машинный конвейер — этот железный, разрывающий пустыню поток, я думала не о машинах, а о людях. Простых, добрых и сильных людях в сапогах и спецовках, запорошенных, как мукой, рыжеватым песком. Настоящие они мастера мужества!

«ЕРШ»

Уже несколько месяцев штурмовали пустыню встречные колонны. Их соединение было назначено на 1 мая, но строители намного обогнали график, и до конца работ в Кызылкуме оставались считанные дни.

То и дело мы засекали цифры на спидометре тягача. Восемь... шесть... четыре километра осталось пройти монтажникам! Уже далеко на обочины траншеи легли тяжелые плети «тыщовки», и где-то посередине пути обменялись первым рукопожатием бульдозеристы. Наверное, при этом один сказал, какова на Аму-Дарье рыбалка, а второй передал привет из Бухары...

Сидеть в такие дни у вагончиков, да еще на 96-м километре, в районе ожидаемой встречи, было сущим наказанием. Но кинооператоры делали вид, что трасса их почти не интересует. Анатолий брал книгу и уходил в барханы загорать. Мамедов «омолаживал» бензином свой пиджак, который не знаю, как через огонь и воду, а уж через трубы-то прошел не один раз. Приходилось терпеть: цветная пленка, взятая с пятикратным запасом, была на исходе.

И вдруг пришла радиограмма: «В 17 часов на 50-м километре из газопровода вылетает «ерш».

Тут-то все кончилось или, вернее, началось. «Конвас» вынесен из вагончика, положен под скамейку тягача, и тот, закрутив над городком песчаные водовороты, с ревом понесся на юг.

Событие предстояло волнующее: первая продувка газопровода газом. Он должен пойти от промыслов по готовому участку магистрали.

Я тоже спешила к месту события и дорогой ломала голову над загадочным «ершом». О нем уже знала вся трасса. Говорили, что «ерш» вылетает из трубы, как пуля, и что разглядеть его в это время невозможно.

Продувка. Густыми клубами валит из «тыщовки» песок, подхваченный воздухом и газом.

Но я увидела «ерш» на 50-м километре сразу. Он стоял у края траншеи, из которой поднималось дуло разрезанной «тыщовки». Массивная такая стальная катушка, обмотанная железными щетками, и толщиною, как диаметр трубы, больше метра. Это был не тот «ерш», о котором сообщала радиограмма. Тот прилетит сюда от нулевого пикета, а этот подхватит эстафету и помчится на 99-й километр. Трудно было поверить, что такая увесистая штука «летает», да притом, крутясь волчком вокруг своей оси, очищает трубу изнутри от ржавчины и грязи.

А около траншеи кипела работа. Монтажники резали и сваривали целую систему коленчатых труб. На песке лежал большой кран. Его потом вмонтируют в газопровод, чтобы регулировать прохождение газа.

Неожиданно послышался свист. Все бросились к траншее. Из приподнятой «тыщовки» шел воздух. Через минуту она уже извергала ветер. Ветер превратился в бурю. Запахло газом, и главный инженер треста приказал всем отойти и потушить папиросы.

Мысли наши невольно обратились к нулевому пикету. Где-то там, на газлинских промыслах, операторы подключили скважину, и богатырь-газ, промаявшись бог знает сколько миллионов лет в подземелье, изо всех сил хлынул в просторное стальное русло...

«Тыщовка» шипела, хлопала, гудела, как гигантский примус. Летел песок. Густыми клубами он обрушивался на насыпь и тучей поднимался в самое небо. На уверенном, всегда спокойном лице главного инженера отразилось волнение. Где сейчас «ерш»? Пролетит или не пролетит пятьдесят километров? По инструкции ведь ему полагалось лететь двадцать пять. Но по инструкции не проложили бы и трассу. Нет еще таких инструкций о газопроводах в пустыне...

Песчаные клубы уже начали светлеть. И вдруг что-то сильно треснуло, фыркнуло, ударившись о насыпь, взбило мощный фонтан песка... Ура! «Ерш»! Он отлетел на целые сотни метров.

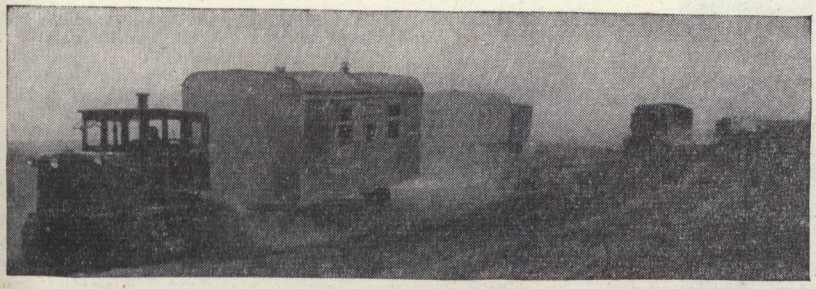
А из «тыщовки» под давлением в пятнадцать атмосфер шел голубой и прозрачный газ. Первый газ в сторону Урала!

ВСТРЕЧА

Многое из того, что снимал на кинопленку «Конвас», было первым в истории. И многое — неповторимым. Когда в будущем году «тыщовка» дойдет до Челябинска, строители вернутся в Кызылкум, чтобы протянуть вторую «нитку» — к Свердловску. Но уже никто не увидит здесь рядом с «тыщовкой» «пятисотку» водовода, что идет от Аму-Дарьи на промыслы, в новый город Газли. «Конвас» захватил момент, как встретились и разошлись — каждый по своей «нитке» — изолировочные поезда. За ними уже делали свое дело бульдозеры, и стальные трубы навсегда уходили под землю. Как добрый памятник о походе, останутся на трассе отводы «пятисотки». Будут здесь водопои для овец—три миллиона овец поселятся в обновленной пустыне.

Но главным событием в песках было соединение встречных колонн на «тыщовке».

...Несколько месяцев развевался на 103-м километре красный флаг. О нем писали в газетах. К нему стремились



Отряд строителей уезжает в Кунград, к аральским берегам.

обе колонны. Аму-Дарьинская (она вышла на трассу позднее) двигалась очень быстро. Но «газлинцы» оказались быстрее. Бригада коммунистического труда монтажников Семена Кузнецова, завоевавшая славу еще в походе из Бухары в Ташкент, первой поравнялась с флагом. Поддержал честь колонны и командир изолировочного поезда Василий Бевзюк, тоже ташкентский герой, между прочим, наш с вами общий знакомый по фильму «Люди голубого огня».

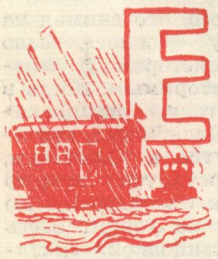
И вот 29 марта на 108-м километре они встретились. Не как соперники — как победители.

Последний стык сваривали на следующий день, когда, закончив работу, сошли со своих «рельсов» изолировщики.

Был митинг, было много гостей, строителям вручали подарки от Бухарского обкома комсомола. А потом подошли к «тыщовке» два электросварщика в узбекских халатах, подаренных гостями: Евгений Истратов из бригады Кузнецова — ему посчастливилось варить на нулевом пикете самый первый стык — и Алексей Гнедь из встречной бригады — он тоже варил первый стык, только у берега Аму-Дарьи. Оба хорошие мастера, оба коммунисты.

Забинтованная «нитка» уже лежала в траншее. И только там, где бумажные бинты с двух сторон обрывались, ее приподняли тросы трубоукладчиков. Здесь был последний стык. Сварщики приставили к нему свои лесенки, опустили маски. Раздались аплодисменты и крики «ура». Зажужжал «Конвас». Электроды коснулись металла. Зажглись прощальные голубые звезды. Сварщики повели по металлу огненный шов.

СОВСЕМ НЕ ТАКАЯ!



Еще накануне на трассе бесновался необычно ранний в этом году «афганец». Умолкали моторы. Прятались в свой домик на крыше вагончика белые голуби—любимцы и спутники бригады Кузнецова. А в самих вагончиках на 96-м километре трещали окна и двери. И вдруг — вот уж чего я не ожидала — хлынул проливной дождь. Словно кто его заказал для праздника: ни одна автомашина, везшая из Бухары подарки и гостей, не забуксовала в песке.

Под вечер над пустыней открылось необычно яркое голубое небо. Барханы были красивы. Дымчато-зелеными чешуйчатыми листочками оделись кусты белого саксаула. Цвели и колосились редкие травинки весенних однодневок-эфемеров, а ребристый, как на речном дне, песок был совсем розовым. Наберешь его в ладонь, а на ней красные песчинки. Оттого и название такое у пустыни: Кызылкум — красные пески...

Мы едем с Ахатом на артиллерийском тягаче. Ныряем по барханам. Очень он веселый и хороший человек, Ахат Давлетов! Кто бы ни встретился на пути: водовоз, экскаваторщик, кочегар, разогревающий в котле битум,— всем поможет. Говорит: закон пустыни!

Ахат мне как-то рассказал о своей жизни. По национальности он башкир. С детства помогал трактористам в колхозе, а восемнадцати лет был уже командиром танка на фронте. С боями прошел от Воронежа до Калининграда. Потом работал в геодезических экспедициях по Оби и Иртышу, на Южном Сахалине и в нефтеразведке Средней Азии. Ставил Ахат первые четыре палатки в том месте, где сейчас стоит столица газовых промыслов Газли. И вот теперь — трасса. Я видела, как Ахат возвращался из рейсов на рассвете и тут же, в кабине, засыпал, чтобы через час снова быть на посту, везти на работу бригаду Кузнецова, а потом спешить за соляркой и по дороге, забыв о себе, веселить попутчиков-пассажиров и сочувственно спрашивать их:

— Еще не устали, друзья?

Трудная, беспокойная судьба. Но попробуй-ка скажи Ахату или кому-нибудь из строителей такое. Обязательно ответит:

— Нам работа не пытка. Нам просто жить неинтересно без такой работы. Вон трассу-то куда ведем — до самого Урала!..

Последний раз мы едем с Ахатом. Обгоняем длинную вереницу тракторов. Они везут цистерны, прицепы, вагончики. На кабинах, вагончиках и даже на ноже одного бульдозера надпись: «На Урал!». Это строительный отряд уезжает из Кызылкума в Кунград, к аральским берегам.

Тягач взлетает на гребень бархана. В чистом воздухе отсюда далеко видна трасса, два бесконечных, уже растрепанных ветром песчаных валка.

— Вот,— кричит мне в ухо Ахат,— изучали мы в школе по географии пустыню. Думали: верблюды, кочевники, юрты... Теперь своими глазами ее увидели... Немножко она не такая, а?

Не такая, хороший вы человек, Ахат, совсем не такая!

ПРОЩАЙ, КЫЗЫЛКУМ!

Снимки кинооператора Д. М. Мамедова.

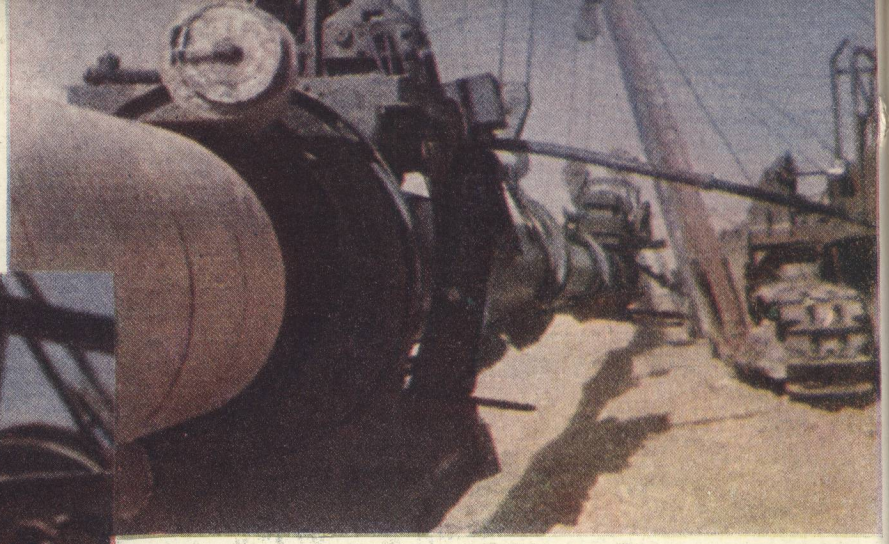
Пустыня. Куда ни взгляни, песок, песок и песок...

Мертвую тишину песков нарушил работяга-плетевоз.

Врезается в барханы бульдозер. Он роет траншею, в которую ляжет газопровод.

Антонину и Алексея Гнедь на трассе называют «хирургами».

Машинист трубоукладчика Николай Бевзюк.



Катушки изоляционной машины бинтуют трубу плотной бумажной лентой.

Бульдозер засыпает траншею с «тыщовкой». Вдали — колонна изолировщиков на «пятисотке» водовода.

Митинг в день победы над пустыней.

Последний шов.

ПРО ЖИЗНЬ ВЕСЕЛУЮ, ЛАГЕРНУЮ

Во многих лагерях затейливый пионерский народ придумывает увлекательные дела, любопытные игры, занимательные походы.

Вот мы и решили: соберем-ка интересные лагерные дела на нашей вклейке — пусть все ребята о них узнают!

Не прошло и часа после приезда, как ребята познакомились, и стало ясно, что все, даже девчонки, мечтают о межпланетных путешествиях.

Дело это, конечно, не шуточное, но раз уж решили,— нечего и откладывать в долгий ящик.

Подыскали стартовую площадку. Стали думать, как ракету соорудить. Главное, чтобы она побольше народу вместила!

Потом решили: если уж лететь, то обязательно вести научные исследования. Тут и выяснилось, что некоторые ребята даже истории авиации не знают.

Поговорили с вожатым, раздобыли нужные книги, стали готовиться. Кто-то и предложил: «Смастерим модели всех самолетов от самых первых до последних!..»

И смастерили. Не все, конечно, но многие. Если честно говорить, летать они не могли. Но очень были похожи на настоящие.

Перед стартом каждый космонавт сделал в альбоме запись: какой он хочет увидеть землю, когда вернется. Путешествовать-то ребята собирались долго: все-таки межпланетное путешествие с научными целями!..

А однажды девочки придумали: устроим конкурс стряпух. И чтоб мальчишки участвовали — всем отрядом. Отряд для лагеря готовит ужин. Потом другой отряд, третий... А судьи решают: кто лучше?

Мальчишки сначала не хотели становиться поварами, а потом и они увлеклись игрой. Интересно все-таки, когда из каких-нибудь обыкновенных макарон получается необыкновенно вкусный торт. И судьи присуждают твоему отряду первую премию!..

Как-то в одном лагере ребята построили в лесу шалаш. Точь-в-точь такой, как в Разливе у Ильича. Разбили у шалаша костровую площадку, стали там проводить сборы, дискуссии, встречи.

Приехали члены бригады коммунистического труда, пригласили их к ленинскому шалашу. Пришли ребята из соседнего лагеря — у шалаша устроили встречу. Празднуют день рождения кого-то из ребят — все собираются у шалаша.

Карнавалы в лагере устраивают часто. А у этого карнавала были особые правила. Каждое звено выращивает на клумбах цветы.

А потом, на празднике, звенья превращаются в цветы со своей клумбы. Костюмы, конечно, все делают сами.

Началось все с пустяка. Читали как-то пионеры октябрятам книгу Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». Видят: глаза у малышей горят, рты открыли, слушают. Решили: пока будут книгу читать, построят где-нибудь в таинственном месте необитаемый остров, на который попал Робинзон Крузо.

А потом поведут туда в поход малышей. Так и сделали. Нашли за лесом речку, на речке небольшой островок. А на островке — все, как у Робинзона.

Стали октябрята и младшие пионеры в поход на остров собираться. Все снаряжение сами готовили и даже подарки Робинзону Крузо.

А разве не здорово придумали эти ребята? В двух километрах от лагеря раскинули палаточный лагерь-спутник. Попасть туда, правда, не так просто: не всякому ведь доверишь жить три дня самостоятельно, без вожатых и воспитателей.

А что вы придумали в своем лагере, чем особенно гордитесь? Не забудьте написать нам об этом!

ГЛОБУСЯТА — есть такой народ!

Не ищите страну глобусят на карте: все равно не найдете. И в учебниках географии ее тоже нет. Глобусята живут на Урале, в городе Свердловске. Там, во Дворце пионеров, на втором этаже, помещается географическое общество «Глобус», члены которого и называют себя «глобусятами».

Возраст у глобусят самый различный. В общество входят и те любители родной природы, которые уже окончили школу, и даже такие почетные члены, как профессор Владимир Алексеевич Батманов, автор многих книг о природе, которые вы, возможно, читали, или же «дедушка Мо» — Модест Осипович Клер, тоже профессор и знаток Урала.

Но здесь мы расскажем не о почетных членах общества, а о самых обыкновенных глобусятах, ваших сверстниках. И не о всех, конечно, а о некоторых. Но по ним вы сможете судить и об остальных, обо всех, кто избрал своим девизом слова Герцена: «Ничего не делается само собой, без усилий и воли, без жертв и труда».

Итак, знакомьтесь! Вот они, глобусята!

ТАИНСТВЕННЫЙ КЛЮЧИК

Засушенные цветы все вы видели и сами, наверно, сушили. Я тоже видела и тоже сушила. И, признаться, они мне никогда не нравились, эти засушенные мною цветы: серые, тусклые, унылое какое-то напоминание о живых ландышах и незабудках.

А вот когда юные ботаники «Глобуса» показали мне цветы, засушенные ими, я невольно вскрикнула: «Как красиво!»

— Красиво? — улыбнулся один из глобусят. — А ну, Ира, покажи наши грибы!

И мне показали то, чего я еще никогда не видела. Передо мной на столе лежали засушенные грибы: мухомор со своей красной шишковатой шапочкой, тоненькие опята, осанистый боровик — мечта каждого грибника... Зеленый мох окружал их ножки, их шляпки лоснились... Казалось, передо мной на белых листочках — картинки, изображения грибов, талантливо написанные сочными красками. Но это были не картинки, а настоящие, всамделишные грибы, но только плоские, наклеенные на бумагу. Они сохранили цвет и очертания, от них даже исходил тонкий грибной запах...

— Да как вы это делаете?

— Как? Очень просто. Ира! Ира Боршакова, расскажи!

— Вы берете гриб. Отделяете ножку от шляпки... — тоном опытного инструктора начала Ира и улыбнулась улыбкой веселой тринадцатилетней девочки, — вы разрезаете ножку и шляпку надвое, продольно... А потом ножичком изнутри снимаете мякоть, слой за слоем... Только это надо делать очень осторожно, чтобы кожица не порвалась: она ведь тоненькая... Потом вы берете лист бумаги, промазанный желатином, прилепляете к нему весь гриб, вернее, всю оболочку гриба и прикрываете влажной тряпочкой... Пусть полежит, пока не засохнет... Но не забывайте следить, чтоб он не пересох и не заплесневел. Вот, собственно, и все. Очень просто. Только...

— Что «только»?..

— Только почему-то не у всех это получается. К нам ведь часто приходят другие ребята. И взрослые даже. Всем нравятся наши грибы... Объяснишь им, и они как будто все поймут, но потом некоторые жалуются: «Не получилось»...

— Как же так, у других не получается, а у вас получается? Вы что же, секрет такой знаете?

В разговор вступает руководительница ботанической группы Зоя Григорьевна.

— Секрет не секрет... — говорит она. — А есть такой ключик. Без него не откроешь ни одной тайны природы...

— Извините, Зоя Григорьевна... Но ведь мы говорили о засушивании грибов, о деле, так сказать, техническом... При чем тут тайна природы?

— На первый взгляд ни при чем. Но только на первый. Если бы вы видели наших глобусят на природе, вы, может, и поняли бы, почему им удается это, так сказать, «техническое» дело... Для них все растения, как живые... Да вы поговорите с ребятами...

И, поговорив с ребятами, я убедилась, что Зоя Григорьевна права: между засушиванием цветов и отношением к живым цветам и травам есть прямая связь.

...Весна. Березы покрыты зеленой дымкой. Кстати, «зеленая дымка» — это технический термин для ботаников-фенологов, наблюдающих за сезонными изменениями в природе. Итак, на березах — зеленая дымка. Глобусята впервые в этом году выходят в лес и радостно приветствуют своих старых друзей, окликая их по именам:

— Багульник!.. Багульник цветет!

— Дриада! Дриада!..

Дриада для ребят не просто растеньице. Она живая свидетельница того, что некогда в этих местах проходил ледник. И низенький папоротник-многоножка возбуждает у глобусят особое, бережное чувство: он же вымирающий, реликтовый!..

— Следы белых!

Вы оборачиваетесь... Где они, эти следы?.. У ног растет обычный подорожник. Но, оказывается, именно так называли подорожник когда-то американские индейцы. Эту травку завезли к ним из Европы испанские моряки, и индейцы воспринимали подорожник как страшный след испанских завоевателей...

А ромашка, скромная ромашка, у нас в России при Петре была «контрабандистом». Она «контрабандой» проникла к нам вместе с пшеницей из-за рубежа.

Чуть ли не о каждой уральской травке или цветке знают глобусята какую-нибудь историю. А когда знаешь судьбу цветка, то невольно относишься к нему внимательней: не поломаешь, не помнешь зря. Ребята не просто собирают гербарий, они вместе с тем приобщаются к тайнам природы.

— Ведь чем хороши наши засушенные цветы... — говорит Зоя Григорьевна. — Во-первых, их засушили в естественном положении: все лепесточки, все листики положены так, как им свойственно в природе. А окраска сохраняется потому, что во время засушивания

Осторожно укладывают юные ботаники цветы между страницами газет. Так делается гербарий.

за цветком любовно следят, чтобы не пересох... Любовь к природе — вот наш таинственный ключик. Ведь когда по-настоящему любишь растения, даже в пальцах появляется особое чувство. Пальцами ощущаешь: «Стоп! Дальше резать нельзя!» Поэтому нашим ребятам и удается засушивание грибов, а это и вправду довольно тонкое искусство...

— Ну, а другие? Другие, скажем, читатели «Пионера», могут овладеть этим искусством?.. Вы можете передать им ваш таинственный ключик?

— А зачем его передавать? Он сам дается в руки каждому, кто с любовью изучает природу... Пусть попробуют засушить гриб и напишут нам, как у них получается... Передайте им. Хорошо?

Я обещала.

И вот я передала вам то, что мне рассказали в «Глобусе». Если будете засушивать грибы, напишите нам, а мы сообщим глобусятам. Напишите, хорошо ли у вас получилось. Похожи ли грибы на настоящие? Дался ли он вам в руки, таинственный ключик?

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Это оно, лето!.. Отцвела черемуха. Все крупнее листья на дубах и липах, и юные фенологи отмечают это в своих дневниках.

Лето!.. Широко раскрылась книга природы, книга, которую можно читать без конца, без конца открывая в ней что-то новое. Туристы уходят в походы по род-

Глобусята путешествуют по Уральским горам.

ному Уралу, прекрасней которого, по их словам, нет и который и в самом деле прекрасен. Вот они, горы — они еще живописней, чем в сказах уральского писателя Бажова, вот таинственная тайга...

«Тайга!.. Как-то по-иному произносишь это слово при виде ее! Тайга с ее завалами, через которые приходится продираться, с буреломами, где не ощущается твердость почвы, с богатой растительностью, с вечной сыростью, где деревья подгнивают на корню...» — восторженно пишет один из глобусят, путешественников по тайге.

Но много значительного и интересного можно наблюдать и не уходя далеко от Свердловска — в парке глобусят, на биостанции.

Разве не любопытно, притаившись в зарослях кустов, исподтишка наблюдать жизнь птиц? Вот малиновка с колечком на лапке... Вспомнила, наверно, места, где ее окольцевали птенцом, и вот вернулась сюда!.. Звонко болтая между собой, хлопочут скворцы возле домика, который заботливо подготовили для них ребята. Вдруг волнение, сердитые птичьи голоса, шумная перепалка!.. И впрямь перепалка: скворцы гонят нахального воробья.

А сколько неожиданного можно увидеть на большом пруду, куда слетаются дикие утки, где плавают белые лебеди-кликуны! Историю этих лебедей рассказали мне старожилы «Глобуса».

Хотя с тех пор прошло несколько лет, ребята не могут вспоминать об этом без волнения.

Сначала лебедей было только два: супружеская пара — лебедь и лебедка, их принесли колхозники с Черного озера. Три года плавали лебеди вдвоем, красивые, величавые.

Как-то, приехав на дальний остров, ребята увидели, что лебеди на суше и озабоченно снуют взад и вперед.

— Смотрите! Лебедка гнездо строит! — воскликнула Валентина Васильевна. — Это — событие, ребята! Лебеди редко размножаются в неволе.

С тех пор ребята стали внимательней наблюдать за лебедями. Большое круглое гнездо было готово, и лебедка села на яйца. Лебедь-самец охранял ее, как неусыпный страж. Он и раньше был сурового нрава, а теперь к нему было прямо страшно подойти: он бросался на ребят, рвал клювом одежду, больно клевался... Но подходить все-таки приходилось: нужно было кормить лебедку. Ребята вооружались веслами и лопатами. Это был «лебяжий патруль». Патрульным удалось подглядеть, что в гнезде шесть яиц.

Тридцать пять дней сидела лебедка на яйцах. А на тридцать шестой ребята с ликованием увидели на пруду целое лебяжье семейство: папу, маму и трех маленьких лебедят...

— Но почему же их только трое? — с удивлением заметила Таня Шварцман. — Ведь яиц-то было шесть!

Побежали к гнезду — на мягкой подстилке сиротливо белели три целехоньких яйца. Лебедка не возвратилась к ним. Ребята подумали-подумали и понесли яйца биологу Виктору Ивановичу.

— Это — жировое яйцо, — сказал Виктор Иванович, осмотрев одно из яиц. — А в этих двух — слышите? — бьются зародыши. Это уже большие птенцы. Пожалуй, их можно было бы вывести искусственно.

Эту ночь руководительница животноводческого кружка Валентина Васильевна с Таней и Люсей провели в парке, в дощатом павильоне. Пока одна дежурила, две другие спали. Нет, они тоже не спали, внимательно прислушиваясь к тому, что происходит в коробке, где под лучами отражающей лампы лежали лебяжьи яйца.

Среди ночи раздался слабый треск. Таня — она дежурила — наклонилась к короб-

А может быть, сегодня энтомологов ждет открытие?..

ку. Одно яйцо лопнуло, кусочек скорлупки отскочил, а из дырки показалась мокрая головка с клювиком.

Таня вскрикнула и стала помогать лебеденку разламывать скорлупу. К Тане подбежали Валентина Васильевна с Люсей. Все три были без памяти от радости.

Второй лебеденок появился на свет уже под утро. Он был значительно меньше первого и такой слабенький, что его пришлось вынимать из скорлупы.

Целыми днями «лебяжьи мамы» Таня и Люся возились со своими питомцами. Помогали им и другие ребята. Лебедят кормили рублеными яйцами, зеленью. Они росли, но плохо, гораздо медленней, чем их братишки и сестренки на пруду.

— Может быть, это потому, что они не на воде? — решили девочки и потащили Пушка и Малыша к пруду.

Первым спустили на воду Пушка.

— А вдруг он потонет? — испуганно спросила Таня.

Ребята, собравшиеся поглядеть на первое плавание лебедят, засмеялись:

— Чудачина ты, Танька!.. Как же он потонет? Он же водоплавающий...

— Ой, тонет! — Таня с криком бросилась к лебеденку. Он уже погрузился по шейку в воду, еще миг — и захлебнулся бы. Ребята молчали, смущенные. Как ни странно, но водоплавающий лебеденок и вправду не мог плавать.

Подоспевшая Валентина Васильевна разъяснила недоразумение. Оказывается, перья новорожденных лебедят не намокают в воде потому, что мать смазывает их жиром из своей железы. Собственная железа лебедят, выделяющая «смазку», развивается позже.

Прошло время. Пушок и Малыш стали плавать не хуже своих братьев.

Тут мы приближаемся к печальной развязке, о которой Таня до сих пор не может вспоминать без вздоха. Однажды, когда Пушок был на воде, вдалеке показалось все лебяжье семейство. Лебеденок поплыл им навстречу. Таня и другие ребята видели это и радовались предстоящему свиданию родных.

Все произошло мгновенно. Лебедь-самец рванулся вперед. Плеск крыльев, шипение, крик. Лебедь-отец убил Пушка ударом своего крепкого клюва.

Чучело Пушка до сих пор хранится в музее глобусят. Я видела его. Это была уже большая, по-видимому, сильная птица.

Не менее трагично сложилась и судьба Малыша. Правда, ребята теперь зорко охраняли его от встречи с отцом. Но беда пришла с неожиданной стороны. Ребята поместили в вольер, где жил Малыш, старую ежиху. Нужно сказать, что с одним небольшим ежиком Малыш был уже знаком и даже ел с ним из одной кормушки. Но, видно, еж на ежа не

Представьте, какое это было дерево. А таких немало на Урале!..

приходится. Утром ребята нашли Малыша с перегрызенным горлом.

Как упустили они из виду, что еж все-таки хищник? Как не подумали, что их доверчивый Малыш не умеет защищаться?

НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ ОТКРЫТИЙ

Печальная история лебедят по-своему поучительна. Она говорит о неожиданностях, которые таит в себе природа.

«Злой» лебедь, «злая» ежиха? Но ведь лебедь разъярился, защищая свое потомство от чужака, не мог же он знать, что «чужак» — родной его сын? Да и в ежихе действовал инстинкт. Нет злых, нет добрых зверей, есть только животные полезные и вредные для нас, людей. Но и в этом вопросе разобраться-то может только тот, кто терпеливо и внимательно изучает книгу природы.

От одной очень хорошей девочки я услышала такие запальчивые слова:

— Всех бабочек надо уничтожать!

— И тебе не жаль их? Они же такие красивые! Прямо летающие цветы!

— Какие там цветы?! Они вредные. Из их яичек — гусеницы, а гусеницы вредней всех! Уничтожить всех бабочек — и гусениц не будет.

Ну, а если бы люди послушали эту девочку и уничтожили всех бабочек? Что бы тогда получилось?

Спросите об этом у старших глобусят-энтомологов, у тех, кто глубоко изучает жизнь насекомых. Спросите у Алеши Метелева, у Бори Эккеля.

— Если уничтожить всех бабочек, природа омертвеет, — сказал бы вам Боря. — Ведь бабочки — опылители, они переносят пыльцу с цветка на цветок...

— Да и не все гусеницы такие уж вредные, — задумчиво добавил бы Алеша. — Например, гусеница такой красивой бабочки, как «Павлиний глаз», ест только крапиву. Разве жалко крапивы! Пусть ест на здоровье!

Алеше можно поверить: он занимался бабочками несколько лет. До тех пор, пока руководитель кружка — биолог, замечательный знаток уральской фауны и флоры — Борис Петрович Евлиев не «заразил» его своей страстью к жукам.

— Жуки — непочатый край открытий! — часто говорит Борис Петрович.

Должно быть, так оно и есть. Мы убедились в этом, читая отрывок из дневника одного юного энтомолога:

«Этот день ничем не отличался от других. Я в то время не задумывался о подробностях, потому что не знал, что мы будем вспоминать этот день. С морилкой и сачком я отправился на поиски насекомых. В этот день мы с ребятами собрали богатый материал — бабочек и жуков разных размеров и оттенков.

И вот оказалось, что среди них есть жук, неизвестный зоологам. Мы не могли найти его в определителе. Названия жука не знал никто из наших зоологов. Мы отправили жука в Москву, но и в Москве не смогли определить название жука.

Не исключена воз-

Глобусята обрабатывают материал, собранный в походе.

можность, что это — открытие и нам очень приятно сознавать, что мы являемся открывателями нового вида жуков».

Возможно ли, что это на самом деле открытие? Вполне возможно. На земле открыто и названо восемьсот тысяч видов насекомых, а ученые предполагают, что их существует не меньше двух миллионов видов. Стало быть, один миллион двести тысяч видов людям еще предстоит открыть. Почему бы и не оказаться юным энтомологам «Глобуса» в числе открывателей? Но пусть это и не вполне открытие, пусть ребята нашли не новый, а просто редкий вид жука. Разве это не интересно? Да и среди открытого уже вида могут встретиться новые разновидности, и открытые виды изучены недостаточно глубоко.

Расспросите Алешу Метелева о божьих коровках, скромных божьих коровках, в поисках которых он лазает по лесам и садам. Алеша расскажет вам множество вещей, которых вы и не знаете.

Отдаете ли вы себе отчет, каким страшным врагом человека может оказаться крошечная тля? Дай ей возможность беспрепятственно размножаться — и потомство одной тли за один только год может покрыть весь земной шар и объесть всю земную зелень.

От этой страшной участи спасает землю маленькая божья коровка — беспощадный пожиратель тлей. У каждой коровки — своя специальность: яблоневая коровка ест яблоневую тлю, виноградная — виноградную, розанная — розанную... Все божьи коровки полезны. Все? Нет, опять-таки не все. Между полезными божьими коровками есть одна вредная — коровка бахчевая, она вредит овощам.

Вот почему нельзя поступать так, как предлагала девочка, о которой я говорила в начале главы. Уничтожать вредителей необходимо, но нужно хорошо разобраться, **кого** уничтожать, **когда** уничтожать, **как** уничтожать. Для этого требуется и широта знаний и осторожность в выводах. Только глубоко ознакомившись с насекомыми и с литературой о них, юный энтомолог с сачком и морилкой станет тем, кем он должен быть, — чутким другом живой природы, истинным защитником наших полей и лесов.

ТО, О ЧЕМ ЗДЕСЬ НЕ СКАЗАНО

Как всегда бывает в коротком рассказе, несказанного здесь больше, чем сказанного. Мы не успели сказать о многих глобусятах. Мы не упомянули:

о минералогах, собирающих для «Глобуса» замечательные камни Урала;

о животноводах, заботливо выращивающих кроликов и кур;

о следопытах, изучающих следы животных;

о юных историках, идущих по следу больших событий;

и еще о многих других... Простите, друзья!

И то, о чем сказано, сказано бегло. Но если вы, ребята, захотите еще что-нибудь узнать о глобусятах, — напишите им по адресу: город Свердловск, Дворец пионеров, обществу «Глобус».

Расскажите им о вашем крае, о ваших походах, о ваших находках и открытиях. У глобусят много друзей в других городах. И вы тоже можете стать дальними, но верными друзьями «Глобуса».

Ю. НОВИКОВА

Тень свастики

Перед американским сенатом в Вашингтоне предстал немолодой субъект с тупой физиономией бандита. Слушалось необычное дело.

Отвечая сенаторам, субъект заявил, что государственный секретарь Раск и несколько других членов американского правительства вовлечены якобы в тайный сговор и хотят «продать» Соединенные Штаты... коммунистам.

Это был нелепейший бред, но на субъекта не надели смирительную рубашку. Напротив, почтенные сенаторы слушали его целых два дня. Два дня он «разоблачал» «опасную нерешительность» правительства. Он требовал не больше, не меньше, как мировой войны и ядерных взрывов. Однако его не посадили в тюрьму даже за хулиганство, когда он тут же, в зале, полез с кулаком на журналистов. Его слова встречали с восторгом, его называли «великим американцем».

В сенат он явился в сопровождении молодчиков со свастикой на рукавах. Кто же он такой? Уокер, отставной генерал-майор, кандидат в американские гитлеры.

Его фашистская партия носит название «общество Джона Бэрча». Таких «обществ» и «групп» в Америке сотни. В то время как Коммунистическую партию США жестоко преследует закон, бэрчисты и им подобные сколачивают штурмовые отряды, забивают подвалы оружием. У них покровители в госдепартаменте, полиции, среди миллионеров и военщины. Только бэрчисты завербовали в свой лагерь сто тысяч разного сорта чиновников и капиталовладельцев. В фашистском комитете четыре бывших президента Объединения промышленности США, короли нефти, стали, оружия.

Что толкает этих всесильных в объятия уокеров? Страх. Они трясутся за свои капиталы, видя, как колесо истории неуклонно поворачивает в сторону мира и социализма.

Не только в Америке поднимают голову фашисты. Наследники Гитлера есть и во Франции, Англии, Италии — почти во всех капиталистических странах. Вот они на снимках, вот их черные дела — посмотрите!..

И. Петрова

Эти наглые головорезы называют себя «цветом американской нации». Они рвутся к власти, чтобы задушить народы в газовых камерах...

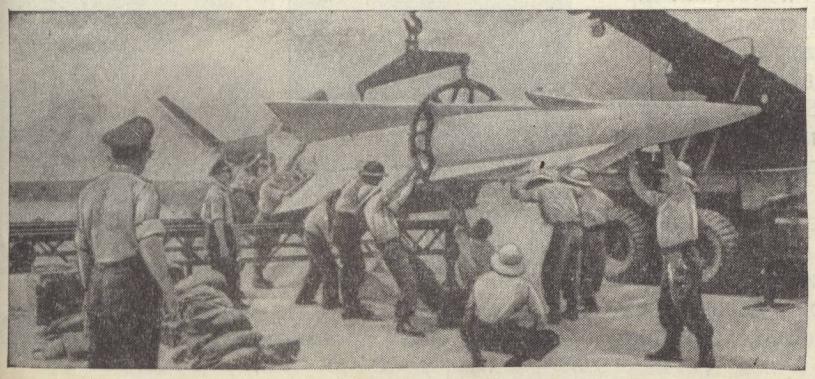
Автомат и дубинка — это все, что они обещают народу. Вы видите, как в швейцарском городе Берне полиция разгоняет демонстрацию крестьян. По приказу чиновников-мракобесов на мирных людей пущены слезоточивые газы.

...А пока они у себя на родине поджигают фермы и «спасают» «белых граждан» от негров. Двуногие звери линчевали в Лоплярвилле негритянского юношу Мака Паркера. Это его сестра, невеста и родственники на похоронах.

Больше всего они ненавидят мир. «Запад стал жертвой культуры и безопасности! Это ведет к загниванию разума!» — вопит главарь французских фашистов-оасовцев Аргу, повторяя гитлеровские бредни. В пригороде Парижа Исси-ле-Мулино перед домом, где должна была открыться конференция сторонников мира, фашисты взорвали бомбу, спрятанную в легковой машине. Дом был разрушен, много людей убито и ранено. На кровавом счету оасовцев тысячи таких диверсий, взрывов и убийств.

Они оголтелые колонизаторы. По их безумным «теориям» народы Восточной Европы, Африки, Азии и Латинской Америки—варвары и дикари, заслуживающие в лучшем случае рабства. Эти выродки со свастикой приехали в Алжир из Западной Германии. Вместе с оасовцами они обливали бензином и заживо сжигали сотни алжирских стариков, женщин и детей.

Их девиз — «Вооружайтесь!». Вспоминая гитлеровские походы, бэрчисты «пророчат»: «Германии снова придется спасать Запад!» И вот на территории Соединенных Штатов западногерманские офицеры, бывшие нацисты, проводят военные учения.



Дух бесноватого «фюрера» витает над Западной Германией. Эта табличка с названием улицы «Адольф-Гитлер-штрассе» висит в Баварии на здании полицейского комиссариата.

Расист Ганс Глобке — сподвижник канцлера Аденауэра. Во времена Гитлера Глобке был организатором убийства миллионов евреев.

Генерал Хойзингер был правой рукой Гитлера, автором разбойничьих планов нападения на СССР и Великобританию. Сейчас он активно сотрудничает с американской военщиной.

Т. ПРИТУЛА,

Д. БИЛЕНКИН

НЕВИДИМЫЕ УЗОРЫ

В ясный летний день над лугом невесомыми лоскутками порхают бабочки. Сколько их! Голубые, лиловые, коричневые, с узорами, без узоров... Но больше всего светло-желтых. Это лимонницы, скромные, невзрачные бабочки наших мест. Им ли равняться красотой с траурницей, махаоном! У тех крылья, точно кусочек яркого ковра, а у лимонницы что? Одноцветные крылья без намека на узор, так ведь?

Ничего подобного. Крылья лимонницы испещрены красивым рисунком. Только мы его не видим. Не подозреваем о его существовании.

«Как так не видим? — скажете вы. — Мы же не слепые!»

Не слепые, но...

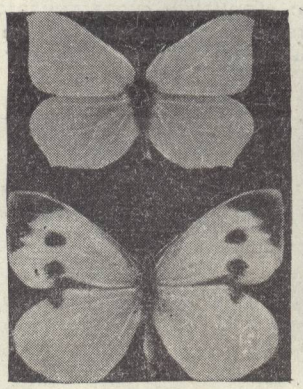
Поставим на пути узкого луча солнца стеклянную призму. Одноцветный луч вдруг распадется ярким спектром. Фиолетовая полоса, рядом синяя, зеленая, желтая, красная... Как в радуге! Мы разложили солнечный свет на составляющие цвета.

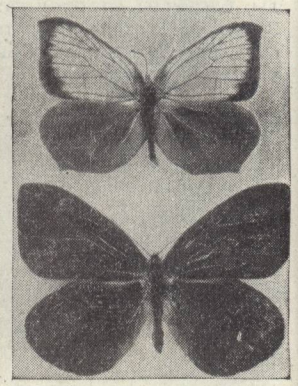
Но все ли они нам видны? Нет. За красной полосой и фиолетовой для нас начинается темнота. Однако положим ладонь рядом с красной полосой. Чувствуете тепло? Это действуют не видимые глазом тепловые, иначе, инфракрасные, лучи. А рядом с фиолетовой полоской поместим-ка крупинку вещества, которое химики называют сернокислым свинцом. Что это? Серая крупинка внезапно вспыхнула ярко-желтым огнем. На нее попали тоже не видимые глазом лучи — ультрафиолетовые.

Вот и получается: хоть мы и не слепые, а двух цветов не видим — инфракрасного и ультрафиолетового. Рисунок же на крылья лимонницы нанесен как раз ультрафиолетовой «краской». Поэтому мы и не подозреваем, что наша знакомая невзрачная бабочка-лимонница очень красива.

Но зачем лимоннице эта тайная красота? А затем, что для многих насекомых она никакая не тайная: они видят ультрафиолетовый свет! Мир для насекомых окрашен совсем иначе, чем для человека. Для нас, к примеру, одуванчик желтый и только желтый. А для пчелы он двухцветный: серединка этого цветка ультрафиолетовая.

Не будем, однако, завидовать. Для той же пчелы алые зори, маки, красные звездочки гвоздик черны. Она не видит красного цвета.





Это бабочки-лимонницы. Такими видим их мы (левое фото), а такими они видят друг друга (фото справа).

„Изобретения" природы

Все это, конечно, любопытно. Однако не все ли равно нам, каким воспринимают мир животные, что различает пчела, как устроены органы чувств бабочек, змей, лягушек?

Совсем не все равно.

В конце прошлого года американские ученые объявили, что для улучшения качества космических исследований они занимаются изучением строения... глаз морской рыбы — мечехвоста!

Рыбы и космос, какая тут связь? Оказывается, самая прямая. Глаза мечехвоста обладают редкостным свойством. Они усиливают контраст между краями видимого предмета и фоном, на котором он находится. А это — чрезвычайно ценное качество для космических фотосъемок и телевизионных передач. Чем отчетливее будет снимок, скажем, Луны или Марса, тем больше ученые смогут узнать об этих хотя и близких, но загадочных небесных телах. И инженеры пытаются сейчас создать электронный прибор, который работал бы, как глаз мечехвоста.

Итак, зрением животных заинтересовалась техника. Может быть, это просто случайность? Ведь биология и техника раньше почти не соприкасались. Биолог описывал живой мир нашей планеты, препарировал лягушек, а инженер строил мощные динамомашины, запускал в небо первые самолеты. Пути этих специалистов не пересекались.

В Средней Азии водится змея щитомордик, а в Америке живет гремучая змея, похожая на нашу гадюку. Обеих змей называют ямкоголовыми: у них на голове две ямки — вторая пара ноздрей. Зачем гремучей змее четыре ноздри, когда ее ближайшие родичи прекрасно обходятся двумя?

Не думайте, что этот вопрос возник тотчас, как биологи познакомились с гремучей змеей. Наука развивается так: сначала описывается явление, а уж потом изучаются его причины. Иначе нельзя. Попробуйте, например, понять, отчего бывает дождь, не зная, что он льется из туч.

Так вот, биология долгое время больше описывала животных, чем выясняла, как видит сова ночью или зачем гремучей змее четыре ноздри. Ведь на земле так много животных и так различно они устроены!

И выяснением того, что представляют собой «лишние» ноздри гремучей змеи, биологи занялись лишь недавно. Оказалось, что «лишние» ноздри вовсе не ноздри, а совершенно особый орган чувств. С его помощью змея «видит» тепло, инфракрасный свет. Эти ее «ноздри» улавливают разницу температур в тысячные доли градуса. Они позволяют змее свободно ориентироваться ночью, узнавать предметы, расстояние до них.

В голове совы сидит крошечный приборчик ночного видения, безукоризненно точный, надежный. Как такой приборчик пригодился бы человеку! Человек смог бы носить его вместо очков и видеть ночью. Смог бы точнейшим образом контролировать на расстоянии ничтожные температурные изменения сложных химических и физических процессов на заводах.

Природа — гениальный конструктор. Ее устройства — те же «ноздри» змеи — испытывались и улучшались в течение многих тысяч и миллионов лет. Так почему бы технике не скопировать, не создать эти устройства?

Новая наука

Создать... Об этом недавно не могло быть и речи. Знали мы, какие процессы надо воспроизводить? Нет, потому что было не ясно, что происходит в тканях, нервных окончаниях «живых приборов». Нет, потому что не было ни подходящих материалов, ни компактных конструкций. Сама мысль об искусственных органах чувств недавно казалась дерзкой. А сейчас?

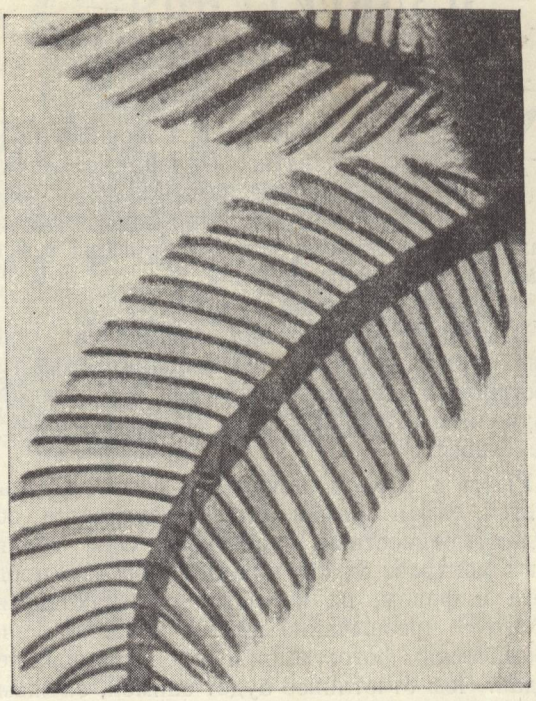
Вряд ли теперь найдется человек, который ничего не слышал бы об электронно-счетных машинах. Тех машинах, которые считают в тысячи раз быстрее самых лучших вычислителей; которые командуют выплавкой стали и составляют каталоги звезд; помогают конструировать буровые станки и планировать перевозки грузов. Но вот что интересно: работают эти машины в общем по той же схеме, что и нервная система животных.

Предположим, ухо собаки ловит крик хозяина: «Шарик!» В ушах звук воздействует на окончания слухового нерва, и сообщение передается по нервным путям в мозг, там перерабатывается в образ. Собака узнает свою кличку, мозг тотчас отвечает на раздражение

и дает соответствующую команду мышцам. Собака бежит к хозяину, виляя хвостом. Схема упрощенная, но верная. На ней же строится и работа кибернетических машин. Машина получает из внешнего мира сигнал, передает его в свой «электронный мозг», где он перерабатывается.

Так с развитием электроники появилась возможность искусственно воспроизводить биологические процессы, а значит, создавать искусственные органы чувств, столь надежные и удобные, как и природные.

Небольшие, надежные, удобные... Но ведь именно такие приборы сейчас, как никогда раньше, нужны технике! Это понятно: чем больше таких приборов будет находиться, скажем, на спутнике, тем больше сведений они смогут передать, тем точнее они будут. Как видите, сама жизнь потребовала союза биологии и техники. Поэтому сейчас возникла новая наука — биоэлектроника, сокращенно бионика. Наука, которая изучает биологические процессы в организме животных, устройство их нервной системы, чтобы создавать новые приборы и машины.



Ученые предполагают, что усики насекомых служат не только для обоняния, они помогают насекомым «видеть» тепло, инфракрасный свет.

БИОНИКА ПОМОЖЕТ ИНЖЕНЕРАМ

У мух и комаров позади крыльев есть маленький орган, похожий на булавку: головка на тонком черенке. Называется он жужжальцем. Назначение этого органа долго оставалось загадкой: зачем он насекомым? «А затем, — ответили наконец биологи, — что без него насекомые не могли бы летать. При полете жужжальца дрожат, причем их головки описывают в воздухе дугу. Но вот насекомое изменило направление полета. Черенок жужжальца натягивается, и сигнал об этом идет в мозг. Так насекомые отмечают малейшие отклонения полета».

Что сделали инженеры, когда узнали об этом приборе насекомых? Они использовали принцип работы жужжалец и сделали прибор, мгновенно определяющий изменения полета самолетов. Прежний прибор не успевал сигнализировать при сверхзвуковых скоростях, а «искусственному жужжальцу» скорость не помеха.

Биологи установили, что глаз мухи устроен совершенно иначе, чем глаз человека, что муха видит сразу много изображений предмета. Движущееся тело переходит из одного изображения в другое, и насекомое может определить скорость его движения гораздо точнее человека. Сейчас создан искусственный «глаз мухи», определяющий скорость самолета...

Наблюдали вы когда-нибудь за жабами? Насекомые могут тучей кружить над ней, жаба, казалось, не замечает их. Но стоит какому-нибудь комару оказаться поблизости, жаба мгновенно, с блистательной точностью выбрасывает свой язычок, и кончено: неосторожный комар проглочен. В чем дело, почему жаба замечает насекомых лишь на определенном расстоянии?

А причина в том, что от глаз жабы к мозгу идут две группы нервов. По первой идет сигнал о форме насекомого, а по второй — о степени контраста между насекомым и фоном. Причем сигналы посылаются лишь в том случае, если насекомое оказывается на расстоянии, чуть большем... языка жабы! Более дальних насекомых жаба попросту не видит: зачем отвлекаться тем, что недостижимо? А своеобразное «разделение труда» между глазными нервами существует для того, чтобы безошибочней определить положение, скорость полета и расстояние, отделяющее охотницу от добычи.

Сейчас за рубежом строится кибернетическая машина, которая сама должна читать любой текст — книжный, рукописный. И «читающее устройство» машины использует как раз принцип жабьего глаза. Один узел «электронного мозга» следит за формой знака, другой — за контрастностью.

Но все это лишь первые шаги бионики, ведь это еще очень молодая наука.

Вот, например, загадка мормиуса. Эта небольшая рыбка охотится в мутной воде. Она находит свою добычу с помощью... радиолокатора. Да, да, рыбка посылает электромагнитные сигналы, те отражаются от предметов, и особый «радиоприемник» рыбы улавливает вернувшееся эхо. Крошечный радиолокатор работает точно так же, как и сделанный человеческими руками. Это интересно, но еще интересней другое: наши радиолокаторы не могут работать под водой, а радиолокатор мормиуса может. В чем разгадка? В высокой чувствительности приемника, в особых качествах передатчика? Мы не знаем. А узнать не мешало бы: радиолокатор, действующий под водой, очень пригодился бы и рыбакам и ученым-океанологам.

Это только один пример, а их множество. Молодые птицы, родившиеся на севере, улетают осенью на юг. Они пересекают моря, пустыни, горы и никогда не сбиваются с пути, которым летали их родители, даже если последних нет с ними. Какая великолепная система ориентации! Великолепная, но пока не очень понятная, и потому нет возможности создать такую же искусственную. А она была бы не лишней путешественникам.

А тайны строения и работы человеческого мозга? Открывая их, ученые дают возможность инженерам строить электронные машины, которые могли бы работать не по программе, как сейчас, а сами бы находили лучшее решение тех или иных задач, думали бы.

До бесконечности много секретов у живой природы, разгадка которых могла бы очень помочь нам, людям. Внимательней, с уважением и любовью приглядывайтесь к повадкам и поведению насекомых, земноводных, птиц — в них ключ к изумительным техническим достижениям будущего. Какая-нибудь бабочка, жук многому могут научить нас... Только внимательней смотрите! Ведь не случайно один из крупнейших физиков нашего времени, академик И. Е. Тамм, сказал однажды, что развитие важнейших отраслей техники скоро в значительной мере будет определяться успехами биологии.

Жужжальца насекомых отмечают малейшие отклонения в полете. Они подсказали конструкторам, как построить «искусственное жужжальце» — прибор для самолетов, летающих со сверхзвуковой скоростью.

Валерий МЕДВЕДЕВ

Рисунки
Ю. Владимирова,
Ф. Терлецкого.

Баранкин! будь человеком!

(Продолжение)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я — КАПУСТНИК и КОСТЯ — МАХАОН

СОБЫТИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

ВРЕДИТЕЛЬ, ИЗВЕСТНЫЙ НАСЕЛЕНИЮ...

Пока мы с Костей Малининым шептали наперегонки слова заклинания и сосредоточивались, кошки во главе с нашей Муськой тоже не теряли времени даром. Осторожно перебирая лапами, они подкрадывались к нам все ближе.

«Ладно, Муська,— мелькнуло у меня в голове,— если я останусь в живых, я с тобой дома рассчитаюсь!»

Больше о кошках я решил не думать, так как это мне мешало превращаться в бабочку. Теперь я все свое внимание сосредоточил на цветах, на жизни, в которой не надо вить гнезда и строить скворечники, а нужно только порхать с цветка на цветок, греться на солнце и есть один сладкий нектар, но вместо этого мне, как назло, в голову все время лез проклятый овес, и перед глазами продолжали мелькать воробьи, кошки, Венька с рогаткой и всякая подобная чепуха из моей воробьиной жизни.

Я расстроился, открыл глаза и увидел, что расстояние между мною и кошками значительно сократилось. Тогда я расстроился еще сильнее и решил больше не закрывать глаза — будь что будет.

Сделав еще несколько шагов, кошки вдруг остановились и стали друг на друга фыркать и толкаться.

«Совещаются, кому кого есть,— подумал я,— делят двух воробьев на трех кошек. Ну и пусть... Теперь уж я наверняка не успею превратиться в бабочку...»

— Я уверен: без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я
Превращаюсь в мотылька!

Поспорив между собой, кошки разделились: одна стала подкрадываться к Косте, а Муська со своей подругой направилась ко мне. «Вот хитрюга! Знает, что одна со мной все равно не справится... И что я ей такого сделал,— подумал я, не сводя глаз с Муськи,— только один раз чернилами облил, и то нечаянно...»

В трех шагах от меня Муська и ее помощница замерли на месте. Они присели, выгнули спины трамвайной дугой и заурчали. Царапая железную крышу когтями, приготовились к прыжку. «Собираются прыгать! Значит, мы с Костей не превратились в бабочек...— подумал я.— Не успели!.. Значит, все пропало!..» Мне стало холодно. По телу пробежали мурашки. Очевидно, это были последние мурашки в моей жизни... Я уже хотел крикнуть: «Прощай, Малинин! Извини, что я втянул тебя в такую историю!..» Но здесь с кошками случилось что-то непонятное: они выпучили глаза, фыркнули и вместо того, чтобы прыгнуть вперед, изо всех сил прыгнули в обратную сторону от нас. Шерсть у кошек поднялась дыбом; покрутив головами, все трое еще раз подскочили на месте и дунули в чердачное окно.

Они исчезли так быстро и неожиданно, словно позади нас с Костей увидели огромную собаку. Я оглянулся: никакой собаки сзади не было. Зато я увидел бабочкины крылья, которые торчали за моей спиной, как два паруса.

Так вот почему кошки так испугались: на их глазах из съедобного воробья я превратился в несъедобную бабочку! Успел все-таки! Вот здорово! Я пошевелил маленькими треугольными крыльями и повернулся к Косте Малинину, чтобы поделиться с ним своей радостью, но от неожиданности вытаращил глаза. Рядом со мной, на том самом месте, где несколько минут назад лежал пластом и чуть слышно чирикал полуживой воробей-Малинин, теперь сидела прекрасная бабочка с огромными треугольными крыльями черно-зеленого цвета.

Такую красивую бабочку я еще никогда не видел, даже на картинках в книжке.

Не может же быть, чтобы Малинину Косте удалось превратиться в такое красивое насекомое. Нет, эта бабочка, безусловно, настоящая, сразу видно. А если это настоящая бабочка, то где же тогда мой друг Малинин?.. Уж не свалился ли он от страха с крыши на мостовую (я посмотрел вниз), а может быть, Костю в суматохе незаметно для меня все-таки успела сцапать кошка (я посмотрел в чердачное окно)? А может быть, он испугался кошек и улетел на соседнее дерево (я повернулся и стал разглядывать растущий рядом с домом тополь)?

— Чего ты крутишься, как на уроке? — спросила меня вдруг красивая бабочка голосом Кости Малинина.

Я уставился на бабочку и спросил не своим голосом:

— А ты кто такая?

— Не кто такая, а кто такой!

— А кто ты такой?

— Да ты что, Баранкин, ты нарочно не узнаешь меня, что ли?

— Малинин, это ты?

— А то кто же? Не узнал?

— Да, попробуй тебя узнай!.. Вот это превратился так превратился!.. А я уж испугался, думал, с тобой что случилось.

— Как же! Держи карман шире! — сказал Малинин, разводя крыльями.

Я даже не мог отвести от Кости глаз, такой он был необычный.

— Костя,— сказал я,— а как же ты называешься?

— Как я называюсь? Очень просто!... Сейчас вспомню. Крылья у меня сверху черно-зеленые?

— Черно-зеленые.

— А с обратной стороны?

— Коричневато-черные.

— С золотыми точками?

— С точками... И еще на каждом крыле по половине луны и по целой радуге.

— Все ясно! Я превратился в махаона из семейства парусников.

— А я?

— А ты превратился в этого... Ну-ка, повернись!..

Я повернулся. Малинин критически осмотрел меня с ног до головы.

— Так...— сказал он.— Крылья у тебя маленькие, желтенькие, с черными пятнышками... Понятно... Ты превратился в этого... во вредителя.

— В какого вредителя?

— В огородного. Известного населению под названием — капустник из семейства белянок...

— Вот тебе раз! А почему я превратился в капустника, а ты в махаона?

— Почему, почему! Откуда я знаю! Наверно, потому, что махаоны водятся на Дальнем Востоке, а я жил три года в Хабаровске. А ты водишься в средней полосе России.

— А это точно?

— Точно! У меня же коллекция была! Я все породы бабочек знаю... Я махаон, а ты вредитель.

— Вредитель! От тебя очень много пользы! Если хочешь знать, так капустником быть даже лучше, чем махаоном.

— Это почему же?

— Потому что у тебя крылья расфуфыренные, как у девчонки. Мне, например, с такими крыльями было бы просто стыдно появиться среди ребят... то-есть среди мотыльков...

— Стыдно — и появляйся со своими!

— И появлюсь!

Я взлетел над крышей и сделал пробный круг возле чердачного окна. Крылья у меня были, конечно, не такие удобные и прочные, как у воробья, но летать на них было можно.

— Ну, как? — спросил меня Костя.

— Порядок! — ответил я.— Только есть очень хочется.

— Ну, это дело поправимое,— сказал Малинин.— Сейчас я тебя угощу нектаром. Нектар пить — это тебе не овес клевать! Это, брат, знаешь, какая вкусная штука!.. Просто пальчики оближешь! Летим скорее!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТОЕ

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Мы с Костей сделали еще один прощальный разворот над чердаком и уже хотели лететь за нектаром, как вдруг Костя Малинин заметил на стене дома маленькую желтенькую бабочку. Она сидела над железным желобом, вцепившись лапками в кирпичную стенку, сложив крылья, как прочитанную книгу.

— Настоящая! — сказал Костя Малинин.— Не то что мы с тобой. Привет бабочкам! — крикнул он, помахав в воздухе лапкой.— Это крушинница.

— Ну и пусть! — сказал я.— Давай скорее летим за нектаром!

— Подожди! Надо с ней познакомиться!

— Вот не было печали! Эх ты, девчатник!

— Здравствуйте, бабочка! — сказал Костя Малинин, цепляясь за стенку рядом с крушинницей.

— Костя-махаон — девчатник! Костя-махаон — девчатник! — стал дразнить я Малинина, летая над самой его головой.

— Привет крушинницам! — сказал Костя.

— Позор девчатникам! — сказал я.

Костя еще раз поздоровался с бабочкой, но она продолжала сидеть молча и неподвижно, не обращая на Малинина никакого внимания.

— Воображает из себя! — сказал я.— Так тебе и надо.

— Да нет, она не воображает,— сказал Костя, внимательно разглядывая крушинницу.— Она спит.

— Спящая красавица!.. Понятно!.. Проснитесь, Спящая красавица! С вами хочет познакомиться сам Костя-махаон из семейства парусников!

Шерсть у кошек поднялась дыбом. Покрутив головами, они еще раз подскочили на месте и дунули в чердачное окно.

Я сел рядом со спящей бабочкой и потормошил ее лапкой.

— Бесполезно! — сказал Костя.— Теперь ее, хоть из пушки пали, не разбудишь. Она ведь на всю зиму уснула.

— Почему это на всю зиму?

— Потому что у бабочек такой закон природы!

— Чего ты врешь, Малинин, какой еще закон природы?

— Да честное слово! Все бабочки осенью умирают или засыпают до самой весны. У них даже расписание есть, когда кому засыпать.

— Подожди, а как же мы с тобой? — встревожился я.

— Что мы?

— Мы с тобой тоже бабочки, значит, мы тоже заснем по расписанию?

— Вообще-то... раз мы бабочки, значит, тоже, наверное, должны уснуть... когда-нибудь...

Меня это «открытие» просто ошеломило.

— Так зачем же мы тогда с тобой превращались в бабочек,— заорал я на Костю,— если мы каждую минуту можем заснуть да еще на всю зиму! Мы же на один день только превращались, а уснем вдруг — и каникулы зимние проспим, и на коньках не покатаемся, и в хоккей не поиграем. Эх, Малинин, Малинин!

— Чего ты психуешь? — сказал Костя.— Тебе же пока спать не хочется?

— Нет еще.

— Ну и лети за нектаром, а там будет видно!

— Что значит «там будет видно»? А если я усну на лету и проснусь только весной, превращусь в человека, а на экзаменах что буду делать? По всем предметам двоек нахватаю из-за тебя.

— Подумаешь,— сказал Костя,— дома его спать не уложишь, а здесь он, видите ли, боится на лету уснуть. Не бойся, не уснешь, я отвечаю!

— Не усну?

— Конечно, не уснешь. Осенью засыпают какие бабочки? Обыкновенные. А мы с тобой бабочки необыкновенные.

— А какие же мы?

— Мы с тобой человекообразные бабочки, вот какие! — заорал на меня Малинин.

— Ну и что? — заорал я на Малинина.

— А то, что на человекообразных бабочек этот закон природы, может быть, не распространяется!

— Не распространяется, а может быть, и распространяется!

Я хотел еще немного поругать Костю Малинина за его легкомыслие и особенно за то, что он имел коллекцию бабочек, а скрыл от меня такой ужасный закон природы, но в это время над нами, шумя крыльями, пролетел воробей и тут же вернулся обратно.

При виде воробья Малинин почему-то сразу перестал на меня орать, съежился и полез прятаться под крышу.

Воробей прицепился к стенке недалеко от меня и нацелился на меня одним глазом. Он показался мне почему-то очень знакомым. Когда он повернулся боком, я увидел, что у воробья нет хвоста. Теперь я его узнал сразу: это был тот самый куцый воробей, с которым я подрался на дворе из-за овса.

— Здорово, Чепчик! — крикнул я своему старому знакомому.— Ты на меня не сердишься?

— Баранкин, прячься сейчас же! — услышал я за спиной Костин голос.— Он тебя склюет!

— Кто это меня склюет?

Не успел я крикнуть, как выскочивший из-под крыши Малинин схватил меня за лапу и утащил под железный желоб.

В эту же секунду бесхвостый воробей оказался на моем месте. Обнаружив мое исчезновение, он повертел во все стороны головой, подобрался к спящей крушиннице, внимательно ее осмотрел, клюнул, моментально проглотил и полетел как ни в чем не бывало дальше.

В ту же секунду бесхвостый воробей клюнул и проглотил крушинницу.

Я посмотрел из-под крыши вслед улетавшему воробью, потом уставился на Малинина.

— Я тебя забыл предупредить, Баранкин,— сказал Костя виноватым голосом,— что настоящие воробьи очень любят есть бабочек, так что ты не очень-то старайся попадаться им на глаза...

Мне, конечно, очень хотелось высказать Косте все, что я думал в эту минуту и о нем и о жизни бабочек, но я молча сложил лапы на груди и сдержался. В конце концов я не Малинин, это он расхныкался, когда устал быть воробьем. А я Баранкин! Уж если я превратился в бабочку, то я все трудности и всякие нечеловеческие мучения буду переживать молча, как настоящий мужчина. Тем более, что у меня и сил-то не было ругаться с Малининым, так мне хотелось есть в эту минуту.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

КЕПКА-ЗЕНИТКА...

Подождав, пока воробей улетит подальше, мы с Костей осторожно вылетели из-под крыши и направились за нектаром к видневшейся внизу клумбе с цветами.

— Цветы только вверху опасны,— сказал Малинин,— а к земле чем ближе, тем безопаснее. В крайнем случае увидишь воробья — маскируйся.

«Маскируйся! А если, пока я буду есть нектар, меня самого съедят, тогда что?..» Меня так и подмывало задать этот вопрос Малинину, но я снова сдержался и промолчал.

Цветов на клумбе было очень много — и красных, и белых, и розовых, и синих — и от всех шел чудесный запах.

У меня от одного запаха слюнки потекли и даже голова закружилась. Я уже не слушал, что говорил мне Костя. Я самостоятельно выбрал самый большой цветок и закружился над ним, выбирая место для посадки.

— Дави его! — раздался внезапно за моей спиной чей-то пронзительный голос.

Я перевернулся в воздухе и увидел невдалеке двух мальчиков с лопатами — они размахивали руками и бежали по направлению ко мне, громко топая.

— Это непарный шелкопряд! Дави! Я его знаю! — крикнул один из них и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистнул.

Так как я, по словам Кости, был капустник и к непарному шелкопряду не имел никакого отноше-

ния, то я не обратил на крик ребят никакого внимания. Я опять спокойно перевернулся в воздухе и снова закружился над тем самым большим цветком, от которого так вкусно пахло нектаром. В это время сзади меня накрыла огромная тень, что-то свистнуло возле крыла и сильным толчком воздуха бросило на землю.

— Ура! Сбили! — закричал один из мальчишек, закружив кепку над головой. Голос этого мальчишки мне показался знакомым.

— Не, не сбили! — сказал другой мальчишка.— Он спрятался среди цветов! Ищи!

И второго мальчишки голос мне тоже показался знакомым. Я присмотрелся получше к истребителям непарных шелкопрядов и узнал в них своих одноклассников — Веньку Смирнова (того самого Веньку, что стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были еще воробьями) и Генку Коромыслова (Венькиного прихлебателя).

«Ладно, Венька!— подумал я про себя.— Твое счастье, что я сейчас бабочка, а то бы я рассчитался с тобой за все!!!» Тем временем Венька и Генка стали рыскать по траве и искать меня среди цветов. Но я не растерялся. Я, как только упал на землю, сразу же сложил крылья вместе и сделал вид, что я не бабочка, а сухой березовый листик. Ребята топтались рядом со мной, один из них даже отшвырнул меня носком ботинка. Подождав, когда они повернутся ко мне спиной, я подпрыгнул и взлетел в небо.

— Вот он! — заорали истребители непарных шелкопрядов, но было уже поздно. Я уже взмыл высоко в воздух и оказался рядом с Малининым Костей.

— Я тебе кричу «улетай»! — завопил на меня перепуганный Костя.— А ты в цветок лезешь!

— Так ведь они кричали «дави шелкопряда», а ты сказал, что я капустник!

— Больно эти оболтусы разбираются в бабочках! — сказал Костя, опускаясь на электрические часы, висевшие на столбе над клумбой.

Я посмотрел, который час, и почесал лапой затылок. На часах было уже ровно двенадцать, а наша жизнь опять шла совсем не так, как ее расписывал Костя Малинин. Есть хотелось все больше и больше, а Венька с Генкой так и не отходили от клумбы. Они подмигивали мне, махали руками, кивали головой и терпеливо ждали, когда я снова спущусь на клумбу. (Как же! Нашли дурака!) Я думал, что им все-таки надоест ждать, и они уйдут, и тогда уж мы с Костей наедимся нектара, но эти лоботрясы стали опять свистеть, прыгать, размахивать кепками и называть меня всякими обидными именами и прозвищами.

— От вредителей слышу! — крикнул я, разозлившись.— Зинка Фокина вас в саду на воскресник ждет, а вы здесь с бабочками прохлаждаетесь!..

После этого Генка запустил в нас кепкой, а Венька полез на столб и сорвался.

— Здесь не позавтракаешь! — сказал Костя так, словно он знал, о чем я в эту минуту думаю.

Генка запустил в нас кепкой, а Венька полез на столб.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

ПРОЩАЙТЕ, РЕБЯТА!.. МОЖЕТ, БОЛЬШЕ НЕ УВИДИМСЯ...

— Знаешь что,— сказал я Косте,— давай лучше слетаем на какой-нибудь огород. Там сейчас хорошо, все поспело: и репа, и морковь, и капуста! И цветы там есть. И народу не так много.

— Эх ты, капустник несчастный,— сказал Костя,— с тобой сейчас нельзя летать на огород.

— Почему?

— Потому что сейчас на всех огородах таких вредителей, как ты, травят.

— Чем травят?

— Чем? Разными химическими ядами...

После таких слов у меня просто крылья опустились и перед глазами поплыли какие-то разноцветные круги.

— Что же это получается? — возмутился я.— На улице того и гляди крылья оборвут, в огороде травят, в небе воробьи клюют. Для чего же мы тогда превращались с тобой в бабочек — чтобы с голоду подохнуть?

— Ладно, Баранкин,— сказал Костя,— не расстраивайся. Угощу я тебя нектаром! Полетели!

— Куда полетели?

— В школьный сад!

— Там же ребята деревья сажают!

— Вот и хорошо! Мы там и нектара в цветнике до отвала наедимся и заодно с нашими ребятами увидимся...

Костя Малинин сказал это так, словно он очень соскучился по нашему классу.

— В школу так в школу! — сказал я. Мне и самому тоже почему-то захотелось увидеться с ребятами из нашего класса. Даже не знаю, почему. И хотя в эту минуту мне больше всего на свете хотелось есть, мне вдруг гораздо больше захотелось просто пролететь мимо здания нашей школы, мимо родного класса, с которым у меня было связано столько замечательных воспоминаний. Кто сказал «замечательных»?.. Что это со мной происходит? Я, кажется, начинаю уже сходить с ума от этого голода. Чтобы прийти в себя, я взял и встряхнулся, как собака после купания. И правильно сделал, потому что после встряхивания все мои жалобные мысли, как брызги, разлетелись в разные стороны, и мне сразу же стало легче. И теперь я мог думать о встрече мужественно, без всяких переживаний, не то что Костя Малинин. У него, как только он заговорил о ребятах, глаза сделались какие-то большие-пребольшие и, по-моему, даже мокрые-премокрые.

— Там и позавтракаем! — сказал грустно Костя Малинин.

— И пообедаем... и поужинаем...— сказал я бодрым голосом, чувствуя, что одного завтрака мне будет маловато.

Спорхнув с часов, мы наперегонки полетели к школьному саду. Первый раз в жизни мы мчались в школу с Костей Малининым с такой скоростью, с какой обычно спешили из школы домой. Я, конечно, был уверен, что прилечу в сад первым. Каково же было мое удивление, когда я сразу же отстал от Малинина на три дома! Я сначала даже не поверил своим глазам. У нас в классе Костя считался самым слабосильным парнем, а со мной на уроках физкультуры даже никто не пытался тягаться. Уж по физкультуре у меня в дневнике всегда была пятерка. (Только моя мать почему-то никогда не считала эту пятерку настоящей.) Я решил поднажать и замахал своими желтыми треугольниками, как сумасшедший, но и это не помогло ни капельки. На своих расфуфыренных крыльях Костя-махаон летел, как по линейке, а я все время проваливался в какие-то воздушные ямы, шатался из стороны в сторону, кувыркался и падал то на одно крыло, то на другое. Заметив, что я отстал, Костя Малинин, к моему стыду, вернулся обратно и сказал мне, Баранкину, первому силачу в классе, слова, которые я не забуду никогда в жизни: «Эй, ты, капустник! Ты не можешь лететь побыстрее? Что ты все время отстаешь?» Сказав это, он назло мне опять легко обогнал меня, потом опять вернулся, опять обогнал, крикнул: «Баранкин! Ты что летишь, как пирог с капустой? Жми на все педали! Нектар близко!» (Этих слов я Малинину тоже никогда не прощу.) Когда он, загребая своими крыльями, как веслами, еще раз пролетел, торжествуя надо мной, я взял и схватил его за задние лапы и таким образом прицепился к Малинину на буксир. Убедившись, что я больше от него не отстаю, Костя перестал осыпать меня всякими ядовитыми словечками и как ни пробовал от меня оторваться, теперь у него из этого ничего не получилось.

— Что-то тяжело лететь стало! — сказал Костя.

— А по-моему, лететь стало гораздо легче! — сказал я и подумал про себя: «Пусть Костя поработает за двоих, раз у него такие крылья. Я же таскал его на своем хвосте, когда был воробьем, теперь могу и отдохнуть немного». Сложив крылья, я скользил по воздуху вслед за Малининым, для вида изредка помахивая своими равнобедренными треугольниками. Так, на буксире Костя Малинин доставил меня до самой школы, до того самого места, где в школьном саду наш класс сажал деревья.

— Тормози! Приехали! — крикнул я Косте, когда он пыхтя перетянул меня через верхушку дерева и потащил мимо ограды к кирпичному зданию нашей школы. Опустившись на один из подоконников на высоте третьего этажа, мы подползли к самому краю и посмотрели вниз. В саду кипела работа. Ребята, весело переговариваясь, копали ямки, бережно опускали в землю саженцы и поливали их из леек водой. Костя Сергеев нарочно перемазался весь землей и строил всякие рожи, и все смеялись. Все были довольны! Всем было хорошо!..

— Ну и пусть работают! — сказал Костя.— Они работают, а мы будем есть нектар. Если бы они узнали, что мы сейчас будем есть настоящий нектар, они бы нам наверняка позавидовали...

— Кому это «нам»? — сказал я.

— Нам... бабочкам...— сказал Костя Малинин неуверенным голосом.

Я вспомнил «Спящую красавицу», которую во сне склевал бесхвостый воробей, прислушался к урчанию в своем голодном желудке, посмотрел с ненавистью на воробьев, шныряющих с ветки на ветку в школьном саду, и сказал:

— Да уж, конечно... Они бы нам позавидовали...— Я сказал это без всякого энтузиазма, отвернулся от ребят и увидел, как в школьные ворота влетели на велосипеде Мишка Яковлев и Алик Новиков (он сидел на багажнике).

Что-то громко крича, они подкатили прямо к Зинке Фокиной и, соскочив на землю, стали о чем-то рассказывать ей и окружившим их ребятам. В саду наступила тишина. Никто внизу больше не смеялся, не шутил, а Костя Сергеев даже вытер платком с лица землю и перестал кривляться.

— Что-нибудь случилось...—сказал Костя.

Я промолчал. Мишка и Алик, поговорив со старостой нашего класса, снова сели на велосипеды и укатили. Зинка Фокина посмотрела из-под руки им вслед, затем подозвала к себе еще троих наших ребят, отобрала у них лопаты и дала какое-то задание.

Ребята выбежали на улицу и разошлись в разные стороны.

— Ищут кого-то...— сказал Малинин.

— Не кого-то, а нас с тобой! — сказал я Косте.

— Ну и пусть! — сказал Костя.— Они будут искать, а мы будем есть нектар... Полетели!..

Я промолчал. Есть, конечно, хотелось все сильней и сильней, и нектар был близко... Но воробьи тоже были совсем рядом, и их чириканье совершенно отбивало у меня аппетит.

«Как бы они нас не склевали с Костей!..» — подумал я, глядя на воробьев, шныряющих среди клумб с цветами. Подумал я об одном, а сказал, конечно, совсем другое.

— Летим! — сказал я громко и решительно... и добавил тихо про себя: «Прощайте, ребята! Если нас с Костей склюют воробьи, то мы, наверное, больше никогда не увидимся!..»

Нацелившись на клумбу с цветами, я распустил крылья и прыгнул ласточкой с подоконника вниз, словно с купальной вышки в холодную воду...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

ПЧЕЛА В ПИЖАМЕ...

В воздухе от цветов запахло вкусно, словно на кухне от маминого печенья, у меня потекли слюнки и опять закружилась голова. Я сложил крылья, нацелился в середину самого большого цветка и нырнул в него вниз головой, но промахнулся (не удивительно!) и воткнулся в траву по самые пятки своих задних ног. Пришлось выбираться из травы и начинать все сначала. На этот раз я забрался на цветок по стеблю и запустил хоботок в самую середину цветка, туда, где, по моим расчетам, должен был находиться нектар. Однако долгожданного нектара в цветке не оказалось. Запах нектара был, а самого нектара не было. Пахло хорошо, точь-в-точь как в мамином пустом флакончике из-под духов, а поживиться было нечем. Тогда я взял и забрался в цветок прямо с головой, так что у меня наружу только одни крылья и ноги торчали, стал шарить в темноте хоботком по стенкам, но в это самое время

Смотрю, из цветка вылезает... только не бабочка, а пчела, самая настоящая пчела.

из цветка кто-то полез мне навстречу. Я решил, что это какая-нибудь посторонняя бабочка успела раньше меня забраться в цветок и слопать весь нектар. От одной этой мысли меня прямо зло разобрало. Ты из-за этого нектара, можно сказать, жизнью рискуешь, а у тебя его из-под самого носа слизывают! Я взял и боднул бабочку головой. Бабочка угрожающе загудела и боднула меня, затем она уперлась своей головой в мою голову и выдавила меня из цветка наружу, как зубную пасту из тюбика. Я со злости ударил крыльями по тычинкам с такой силой, что цветочная пыльца поднялась столбом и окутала меня, словно облаком. Я от этой пыльцы чуть не задохнулся.

— Ладно, бабочка! — сказал я, разгоняя крыльями пыльцу.— Только появись на свет, я тебе все ноги... А-а-п-чхи!!! Я тебе покажу, как чужой нектар... А-а-п-чхи!..

Пока я чихал, смотрю, из цветка вылезает... Только не бабочка, а пчела, самая настоящая пчела, вся полосатая, словно она в пижаме. Вылезла это она из цветка и уставилась на меня своими буркалами. Она на меня смотрит, а я сижу на краю цветка, и чихаю на нее, и, главное, удержаться никак не могу. А пчела, видно, так растерялась, что даже гудеть перестала. Я чихаю, а она лапкой утирается, я чихаю, а она утирается и молчит. Раз десять я, наверное, на пчелу чихнул, не меньше, я потом опомнился и даже в ужас пришел. «Баранкин,— сказал я сам себе,— на кого ты чихаешь, Баранкин? Ты на пчелу чихаешь, несчастный капустник... Вот она сейчас тебе («Ап-чхи!») как сделает противочихательную прививку, тогда ты будешь знать («Ап-чхи!»), как чихать на пчел!.. Тебя ведь в деревне, когда ты был человеком, кусали один раз пчелы, так что ты («Ап-чхи!») знаешь, чем это пахнет?»

«Знаю!» — ответил я сам себе и как сидел на краю цветка, так и повалился навзничь в траву.

— Ап-чхи! — донеслось откуда-то снизу из-под цветка, от самой травы.— Ап-чхи!

Перевернувшись несколько раз через голову и смотав поскорее свой пустой хоботок, я выровнял над самой травой свой полет и стал улепетывать от пчелы в кусты, подальше от цветочных клумб, через дорожку, за деревья, туда, где среди стволов мелькало что-то пестрое, похожее на крылья Кости Малинина.

Я думал, что Малинин позорно бросил меня одного посреди клумбы,— оказывается, его в кусты тоже загнала пчела, она и сейчас все еще металась за ним и что-то грозно гудела на своем пчелином языке.

«Так ему и надо! — подумал я, наблюдая, как пчела усердно гоняется за Костей.— Жалко, что пчела только одна. Я бы сейчас сам напустил на Малинина еще штук сто пчел, чтобы он в следующий раз не болтал языком и не вводил в заблуждение своих товарищей. «Будем порхать с цветка на цветок!..» «Нектара наедимся!..» Вот и пусть сейчас его пчелы угостят таким «нектаром», чтоб ему в другой раз не захотелось больше превращаться в бабочку. Ап-чхи!»

— Спасите! — закричал в это время Малинин.— Баранкин! Где ты? Ой, мама!

Мне хотелось, чтобы пчела подольше погонялась за Костей и как следует его проучила, но когда он закричал да еще таким жалобным голосом, мне его даже жалко стало. И потом я вспомнил, что Малинин не человек, а бабочка, его пчела ужалит, а он возьмет и заболеет или даже погибнет от пчелиного яда. Что я с ним тогда буду делать?.. Я ведь не знаю, как бабочки переносят укусы пчел, а может быть, они их вообще не переносят...

Схватив в лапы легонький сучок, я подлетел к пчеле сзади и ударил ее по голове. Оглушенная ударом, пчела свалилась в кусты, а у меня от голода потемнело в глазах, и я, кренясь на один бок, стал падать в траву...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Я ПОНИМАЮ СВОЮ ОШИБКУ, НО В ДЕЙСТВИЕ ВСТУПАЕТ УЖАСНЫЙ ЗАКОН ПРИРОДЫ...

Когда я открыл глаза, я увидел, что лежу на берегу большой лужи, а возле меня сидит мой лучший друг Малинин и обмахивает меня своими расписными крыльями.

— Что с тобой? — спросил меня Костя.

— Так... полежать захотелось...— сказал я.— Апчхи!.. Что такое?.. Никак не могу прочихаться!..

— Знаешь, где еще можно поесть нектара? — сказал Костя.

— Иди ты со своим нектаром знаешь куда!.. Апчхи!..— Я смерил Малинина презрительным взглядом с ног до головы и чуть не расхохотался. Он сидел на берегу лужи, весь перемазанный цветочной пыльцой, одно крыло у него торчало торчком, а другое повисло, как ухо у собаки. И вид у него был такой несчастный-пренесчастный, что мне его опять стало ужасно жалко, но на этот раз я взял себя в руки.

Собрав последние силы, я пополз молча к луже и стал с наслаждением пить из нее обыкновенную дождевую воду.

Малинин попробовал еще раз заговорить со мной, но я теперь на все его вопросы отвечал молчанием. Я решил с ним вообще больше никогда в жизни не разговаривать.

Я демонстративно пил из лужи сырую воду (это вместо обещанного нектара!) и размышлял. Неужели я все-таки ошибся? Да нет, не может же быть, чтобы на земле не было такой жизни, о которой я мечтал там, на лавочке во дворе. Есть такая жизнь, и я ее во что бы то ни стало найду! Просто мы с Малининым Костей, очевидно, не там ее искали. Конечно, наше превращение в бабочек и воробьев было ошибкой. Теперь-то уж это было совершенно ясно. Их жизнь выглядела только со стороны прекрасной, а на самом деле при ближайшем рассмотрении она оказалась просто невыносимой. Но почему?.. Я сидел, молча пил воду, думал, думал и решил, что такой жизни, о которой мы мечтали с Костей, наверное, вообще на земле нет... В это время мимо меня пробежал по берегу лужи муравей. Муравей то бежал, то останавливался, а я смотрел на него и продолжал мучительно думать... Если такой жизни нет на земле... то, может быть, она есть там... под землей... и если от всяких хлопот и забот нельзя улететь, так, может, от них можно просто взять и спрятаться... взять и скрыться от них... предположим, в том же муравейнике... Я проводил взглядом муравья и с сомнением покачал головой. Спрятаться в муравейнике, конечно, можно, а как быть с муравьями?.. Они же, можно сказать, знаменитые работяги... Сколько я ни наблюдал за ними, никогда я не видел, чтобы муравьи просто сидели бы на месте и ничего не делали. Все время они или куда-то бегут или откуда-то возвращаются и всегда с собой тащат или какой-нибудь листик, или комочек земли, или хвойную иголку. Как ни посмотришь на муравейник, все время они его ремонтируют, с утра до вечера. Вот так превратишься в муравьев, а они возьмут и заставят вместе с ними пыхтеть... Нет, уж лучше еще раз превратиться во что-нибудь другое, только не в муравья! А в кого? В кого же все-таки нужно превратиться так, чтобы опять не влопаться в эти ужасные перепалки и передряги, из которых мы с Костей еле ноги унесли? В кого же надо превратиться? В кого?

И тут я вдруг почему-то вспомнил, как в тот злополучный день на общем собрании Валька Черевaткин почему-то обозвал нас трутнями! Тру-тня-ми! Минуточку! Минуточку! А что такое трутни? А трутни — это, между прочим, и есть такие существа, которые ведут такую жизнь, о которой мы мечтали с Костей на лавке! Тогда почему же мы превратились в воробьев и в бабочек, если мы мечтали о жизни трутней? Вот дураки! Какие же мы с Костей были беспросветные дураки!

— Малинин! — закричал я (когда я понял нашу ошибку, я, конечно, сразу же перестал сердиться на Костю и решил тотчас же поделиться с ним своим открытием).— Малинин! — закричал я.— Ох, и дураки мы с тобой, Малинин!!!

— Конечно, дураки! — согласился со мной охотно Малинин.— Особенно ты, Баранкин...

— Да я-то, я просто круглый идиот, Малинин! И как это мне сразу в голову не пришло! Сколько зря времени потеряли!

— Вот именно! — отозвался Костя.

— И зачем нам надо было превращаться с тобой в воробьев и бабочек?

— Вот я тебя и хочу об этом спросить, Баранкин! — сказал Малинин.— Зачем нам надо было с тобой превращаться в бабочек и воробьев?

— Когда нам надо было сразу же превратиться в трутней!

— Как в трутней? Почему в трутней? — закричал Костя Малинин испуганным голосом.

— Потому в трутней, что трутни потому и называются трутнями, что они в жизни ничего не делают или делают только то, что им захочется! А ведь это и есть наша с тобой мечта, Малинин!

— Знаешь, Баранкин! — сказал Малинин каким-то противным голосом.— Я из-за тебя уже столько истратил сил на то, чтобы ничего не делать, что уж лучше бы я все это время что-нибудь делал!

— Малинин! — закричал я.— Но ведь я тоже не меньше твоего на это сил потратил! А теперь мы с тобой превратимся в трутней и от всего этого и отдохнем!

— Как превратимся? — завопил Костя Малинин.— Опять превратимся? Ну знаешь, Баранкин! Хватит с меня, Баранкин! Я и так за эти два раза напревращался по горло!..

— Костенька! Так ведь те же два раза не в счет! Раз не в того, в кого надо, превращались, значит, не считается ведь?..

— Почему это не считается?

— Потому что надо же нам в конце концов превратиться в того, в кого надо было превратиться. А превратиться нам надо было в трутней!..

— Да в каких трутней?..— спросил Костя вдруг каким-то спокойным и даже безразличным тоном.

— Ну что ты? — сказал я.— Что ты... не знаешь, что ли, какие бывают из себя трутни?

— Не знаю я, какие из себя бывают трутни,— ответил Малинин, почему-то потягиваясь и зевая.

— Ну что ты, Костя,— сказал я, немного растерявшись,— ты должен знать, какие бывают они из себя...

— Почему это я должен? А ты сам-то, Баранкин, знаешь?

Я хотел по инерции закричать, что я, конечно, знаю, какие трутни бывают из себя, но поперхнулся и ничего не сказал, потому что, честно говоря, я... я не имел ни малейшего представления о том, как выглядят эти самые изумительные трутни, в которых нам давно бы следовало превратиться с Костей Малининым! Вместо этого я произнес совсем другое.

— Ну что ты, Малинин,— сказал я,— помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала про трутней... и рисунки показывала.

— Не помню,— сказал Малинин,— и ты не можешь помнить.

— Это почему?

— Потому что на этом уроке мы с тобой вместе изобретали новый язык.

Это правда, на том уроке мы с Костей действительно оба не слушали Нину Николаевну: в это время мы изобретали новый язык. Задача была труд-

ная, нужно было изобрести такой язык, который на всем земном шаре понимали бы только два человека — я и Костя Малинин. Поэтому нам, конечно, было не до Нины Николаевны и не до трутней...

— Подожди, Малинин,— сказал я,— но ты же иногда посматривал на доску?

— Ну и что?

— Так, может, ты хоть случайно запомнил, как выглядят эти трутни?

— Ничего я не запомнил,— сказал Малинин, снова потягиваясь и зевая.

— А ты, может, мне это нарочно говоришь, чтоб не превращаться в трутней?

— Да честное слово...

Это был ужасный удар. Ни я, ни Малинин не имели ни малейшего представления о том, как выглядят трутни, в которых нам следовало превратиться. Это что же получается? Значит, перепревращение отменяется? Значит, перепревращение не состоится? А как же оно может состояться, Баранкин, если ты не представляешь, как выглядит то, во что ты должен перевоплотиться!..

И зачем только я на том уроке занимался посторонним делом! Эх, Баранкин, Баранкин! Нину Николаевну надо было слушать, а не новый язык изобретать!

— Тру... тру... тру...— вдруг ни с того ни с сего забормотал Малинин себе под нос.— Вспомнил... Пчелки такие маленькие... с кры... с кры... с кры...

С этими словами Малинин как-то странно закачался и стал валиться набок.

— С кры... с кры... с кры... с крылышками! — подхватил я.— Правильно, Малинин!..— Теперь я тоже вспомнил, вспомнил рисунок трутней, что висел на доске в нашем классе. Это были пчелы, такие маленькие пчелы с небольшими прозрачными крылышками...

Все! Вот теперь наконец-то мы отдохнем с Костей по-настоящему, как полагается! Отдохнем от всего на свете. Все надежды, весь мой энтузиазм и даже впустую растраченные силы — все, все вернулось ко мне!

— Вставай, Малинин! — закричал я на Костю.— Нечего тебе тут разлеживаться! Надо работать! — сказал я, подразумевая под словом «работать» то самое единственно правильное, единственно верное, единственно целесообразное превращение в трутней, которое предстояло нам сейчас совершить с Костей Малининым.

— Вставай же, Малинин! — завопил я не своим голосом, весь дрожа от нетерпения и желания поскорее пополнить Костиной и моей персоной ряды трутней на земном шаре.

Однако мои радостные крики почему-то не произвели на Костю никакого впечатления.

Малинин все еще продолжал лежать на боку, что-то забормотал мне в ответ, но я не понял ни одного слова.

— Что ты говоришь? — спросил я его.

— Хрры...— сказал Костя.

— Костя, да что с тобой? — закричал я на Малинина изо всех сил и стал трясти его за лапу.— Ты что... Ты притворяешься, что спишь, что ли? Значит, не хочешь все-таки превращаться в трутней, ну и черт с тобой, я один могу!

— Хрры! — отозвался Малинин и тут же начал чуть слышно бормотать такую чепуху, что я сразу понял: Костя не притворяется, он спит! Костя Малинин спит! Он уснул. Вспомнил про трутней и уснул в последний момент! Уснул в такую минуту! Перед таким превращением! Уснул по всем ужасным правилам и законам природы, по которым осенью засыпают все настоящие бабочки... Уснул и даже не предупредил меня, а еще говорил, что этот «закон» на нас, на человекообразных бабочек, не распространяется, а сам взял и уснул, как та самая «Спящая красавица», которую склевал воробей. Хорошо, что поблизости нет воробьев. Нет?.. Пока нет, а долго ли им появиться? Надо будить Костю Малинина, скорей будить... Будить, пока не поздно, пока не появились проклятые воробьи!

Я теребил Костю за лапы, я толкал его в бок, я дергал его за крылья, но все было напрасно: Костя Малинин не просыпался.

Мне стало не по себе.

— Костя! — заорал я.— Проснись сейчас же! Слышишь? Или мы с тобой на всю жизнь поссоримся.

— Хрррь...— сказал Костя Малинин.

«Если он заснул, как человек, то я его, конечно, разбужу,— подумал я,— а если он заснул, как бабочка, до самой весны, да еще по расписанию, то я его все равно разбужу! Я должен его разбудить во что бы то ни стало! Надо ему... Что ему надо? Нет, надо его!.. Что его надо?.. Знаю!.. Надо его облить водой!..»

Я слетел с камушка к луже и стал набирать через хоботок воду, как вдруг тут же услышал приближение из-за кустов голосов ребят из нашего класса.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

ТАКАЯ «БАБОЧКА», КАК Я, У НИХ В КОЛЛЕКЦИИ ЕСТЬ...

— Несправедливо! — сказал Костя Семенов, появляясь из-за куста.— Мы здесь все работаем, а Баранкин и Малинин где-нибудь в кино сидят.

Все зашумели, а я подумал про себя: «Вам бы такую картину показать, какую мы с Костей видели!..»

— Правильно говорит Семенов! — сказала Вера Большова.— Если работать, так всем, а не работать, так тоже всем...

— Баранкин с Малининым сбежали, а Смирнов и Пенкин вообще не явились! — сказал Костя Семенов.

«Вот еще не вовремя приперлись сюда...— подумал я, прячась за кустик травы.— Интересно, долго они собираются здесь торчать или нет?..»

— Да выгнать этого Баранкина из школы, и все! — закричала Эрка не своим голосом.— Хватит с ним нянчиться! Такую стенгазету испортил!

(Так вот кто предлагал на том собрании выгнать нас с Костей из школы! Ладно, Кузякина! Подожди!)

— Куда его выгнать? — сказала Фокина.— На улицу, что ли?

— Почему на улицу? — ответила Кузякина.— Перевести в триста пятнадцатую школу...

— А почему в триста пятнадцатую? — спросил Семенов.

— Потому что мы с этой школой соревнуемся. Вот и пусть Баранкин там получает двойки! Нам это будет даже выгодно!

— Значит, ты, Эра, предлагаешь перевести в другую школу Юрины двойки? — сказала Фокина.— А что с Баранкиным делать?

— Ладно, вы тут разбирайтесь, а мы пошли газировки выпить,— сказал Костя Семенов.

— Надоело про этого Баранкина слушать,— добавил Валя Череваткин.— Пошли.

— Юннатов прошу остаться! — сказала Фокина.

Часть ребят ушла, а девчонки расселись на полянке вокруг Зинки Фокиной, хихикая и о чем-то переговариваясь между собой.

— Тише, девочки!— сказала Зинка Фокина, раскрывая толстую книгу.— Не отвлекайтесь, пожалуйста! Темой нашего сегодняшнего занятия являются...

— Бабочки! Бабочки! — заверещали девчонки все вместе, размахивая сачками.

— Правильно! Бабочки! — подтвердила Зинка и стала листать книгу.

Бабочки? Это что значит? Это значит... я и Костя — тема сегодняшнего занятия. Ну, знаете!.. Я чуть было не поперхнулся той самой водой, которой собрался опрыскать Костю Малинина. Вот тебе раз! Теперь мне понятно, зачем эти юннатички-лунатички с собой сачки притащили... чтобы ловить нас... бабочек... Пожалуй, в таких условиях будить Костю даже опасно (я выпустил из хоботка воду). Проснется еще, крыльями как замахает спросонок, а девчонки его тут цап-царап... Что же с ним делать? Вот задача! Спрятать его, что ли? Вон клочок газеты, взять и прикрыть его бумагой, чтобы его никто не видел... Я вцепился в клочок газеты и стал тащить его в сторону Кости Малинина.

Зинка Фокина поправила очки, откашлялась и стала читать ужасно противным голосом:

— Бабочки — одно из интереснейших явлений в мире насекомых...

Я вцепился в клочок газеты и с новыми силами поволок его через дорожку (самое опасное место! Как бы не заметили!). Перетащив бумагу через дорожку, я залез в траву и оглянулся. Все было как будто бы в порядке. Костя Малинин продолжал как ни в чем не бывало храпеть во сне. Девчонки сидели смирно. Фокина продолжала бубнить:

— ...Большое значение бабочки имеют и для хозяйственной деятельности человека...

— Ой, Зиночка! Бабочка! Бабочка! — закричала вдруг одна из юннаток нечеловеческим голосом.

Я повернулся на голос и замер.

— Где? Где бабочка? Какая бабочка? — загалдели сразу все девчонки.

— Да вот же! Возле лужицы в траве! Неужели вы не видите?!

Зинка Фокина закрыла книгу, впилась в траву глазами и насторожилась, как собака-ищейка. Я от ужаса просто вспотел.

«Все пропало! — мелькнуло у меня в голове.— Кого-то из нас заметили! Но кого? Меня или Костю?.. Только бы не Костю, только бы не Костю!..»

Наступила тишина. Я стоял, как дурак, возле клочка газеты, утирая лапой пот со лба, и глядел на девчонок. Мне казалось, что они все смотрели на Костю Малинина, а я стоял, как дурак, и смотрел на них (а что я еще мог делать?).

— Так,— сказала Фокина, поправляя очки и глядя куда-то в мою сторону,— капустница из семейства белянок. Не обращайте внимания, девочки! Такая бабочка у нас в гербарии есть!..— Она снова уткнула свой нос в книгу, а я от радости даже разозлился.

«У них в гербарии есть такая бабочка, как я! Как же! Держите карман шире! Юннатики-лунатики!»

Я сделал лапой «нос» девчонкам, которые после слов Фокиной сразу же потеряли ко мне всякий интерес. Впрочем, теперь мне это было на руку, теперь я мог, не привлекая к себе внимания, в два счета загородить Костю клочком газеты от глаз девчонок.

На счет «раз» я подтащил бумажный клочок к Косте, на счет «два» я стал поднимать клочок на ребро. Но взявшийся неизвестно откуда ветер вырвал бумагу из моих лап и понес над травой.

— Ой, Зиночка! — снова заверещала одна из юннаток, как будто ее змея ужалила.— Вы только посмотрите, какая бабочка! По-моему, у нас такой в гербарии нет!

— Девочки! Вы перестанете отвлекаться? — сказала Фокина недовольным голосом. Она отвела свой взгляд от книги и так и застыла с вытаращенными глазами.

— Что такое?..— зашептала она испуганно.— Не может быть! Ой, девочки! Я, наверное, сплю! Ущипните меня! Ой, девочки! Да ведь это же ма-ха-он! Самый настоящий махаон из Уссурийского края... Как же он здесь очутился? Махаон в нашем городе? Вот чудеса! Поразительное явление! Целое открытие! Тема для научного доклада!

Бормоча эти слова, Фокина успела тихонечко взять у одной из своих приспешниц сачок, подняться, сделать шаг вперед и застыть на одной ноге.

Итак, случилось то, чего я боялся больше всего на свете: кружок юннатов во главе с Зинкой Фокиной обнаружил спящего махаона, то есть не махаона, а спящего Костю Малинина, и сейчас моему лучшему другу грозила, быть может, самая смертельная опасность из всех опасностей, каким мы подвергались с ним все это время.

— Девочки! — скомандовала шепотом Фокина остолбеневшим юннаткам.— Окружайте, только тихо. Чур, ловить буду я сама!

Молча, с сачками на изготовку девчонки стали окружать спящего Малинина, того самого Костю Малинина, которого они по своему неведению считали махаоном, чудом залетевшим в наш город из далекого Уссурийского края!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

В МОРИЛКУ... ПОТОМ В СУШИЛКУ... И В РАСПРЯМИЛКУ!..

— Сейчас мы его поймаем! — причитала Фокина, качаясь на одной ноге и боясь спугнуть Костю.— Поймаем — и в морилку... Потом в сушилку... Потом в распрямилку...

— Х-р-ы...— донесся до меня голос сладко спящего Малинина. Костя спал и даже не предполагал, какую страшную гибель готовила ему староста нашего класса Зинка Фокина.

Нельзя было терять ни одной минуты, ни одной секунды.

Тем более, что вернувшиеся с улицы ребята тут же присоединились к Зинке Фокиной и выразили самое горячее желание поймать Костю Малинина, то есть махаона, и посадить его в морилку. Появившиеся вместе с ребятами Венька Смирнов и Генка Коромыслов тоже решили принять участие в этом ужасном деле. Венька растолкал девчонок, взглянул на Костю Малинина и заорал: «Да мы же этого типа с Генкой недавно на улице ловили!..»

Зинка Фокина, вместо того чтобы сделать Смирнову и Коромыслову выговор за опоздание на воскресник, только зашипела на Веньку, а девчата, воспользовавшись суматохой, оттеснили всех ребят в кусты и стали осторожно сжимать вокруг Малинина Кости смертельный круг.

Что же делать? Что же делать?

Я выпорхнул из травы и налетел на Зинку Фокину и стал виться вокруг ее правого уха и умолять ее, чтобы она оставила в покое Костю Малинина.

— Зиночка! — кричал я.— Остановись! Это же не бабочка! Это человек в виде бабочки! Не махаон это! Это Малинин! — Но Зинка Фокина отмахнулась от меня, как от надоедливой мухи.

— Девочки! Да что же вы делаете! — кричал я изо всех сил, но они все словно оглохли и ослепли, они меня не видели и не слышали, словно я и вообще не существовал на свете.

Страшное кольцо продолжало сжиматься вокруг Кости Малинина все тесней и тесней.

Я заметался, потом взлетел вверх, оставалось только одно, только одно — сбить спящего Малинина с камня (взять его на таран!): быть может, он хоть от удара проснется. Сложив крылья, я ринулся вниз, скользнул над травой и что есть силы ударил Костю головой в бок. От сильного удара в голове у меня все помутилось и перед глазами поплыла радуга, а Костя сорвался с камня, подпрыгнул, подлетел, проснулся в воздухе и, как очумелый, закрутил глазами.

— Костя! Делай свечку! Свечку делай! — заорал я не своим голосом.

— Какую еще свечку? — сказал ничего не соображающий Костя Малинин, протирая заспанные глаза.

Тогда я схватил его за лапу и потащил за собой в небо круто вверх (и откуда у меня только сила взялась?). В одну секунду я поднял Костю Малинина, как на лифте, выше кустов.

Внизу, где-то там, под нами, раздался дикий визг девчонок.

— Это что, большая перемена? — спросил меня Костя одуревшим от сна голосом и закрыл глаза.

— Какая еще перемена? — сказал я и наподдал Косте сзади лапой, чтобы он хоть немного пришел в себя. В глазах у меня все еще продолжало сверкать какое-то северное сияние.— Ты что, еще не проснулся, что ли?

— Сейчас, сейчас! — сказал Малинин.— Сейчас я наемся нектара и сяду за геометрию. А этому Мишке надо крылья оборвать...

— Какому Мишке?

— Яковлеву... из семейства отличников. Чтобы он не соглашался в другой раз заниматься с нами в воскресенье...

Малинин хотел сказать что-то еще, но вдруг перестал махать крыльями, громко захрапел и начал валиться в кусты, в самую гущину листьев.

— Костя! Не засыпай! Пропадешь! — рявкнул я на своего друга и стал валиться вслед за ним в кусты сирени, цепляясь на лету крыльями за сучки и листья.

От удара о ветку Костя опять проснулся. По ветке взад-вперед ползали муравьи, они мельтешились у меня под ногами, и мне пришлось двум из них дать хорошего пинка, чтобы они не путались под ногами в такой, можно сказать, критический момент.

— Сейчас же превращайся из бабочки в трутня, слышишь? — сказал я Косте, разгоняя муравьев.

— В какого трутня? Из какой бабочки? Ты что, Баранкин, свихнулся, что ли? — сказал Малинин и повалился на бок. Вероятно, у спящего Малинина так все перепуталось в голове, что он уже вообще ничего не соображал.

Тогда я его приподнял за крылья.

— Превращайся в трутня! Слышишь, Малинин?..

— Как это может человек превратиться в трутня? Ты, Баранкин, фантазей... из семейства человеев... то есть че-ло-ве-ков... то есть... я спать хочу...— сказал Малинин и повалился в другую сторону.

Было слышно, как по саду с криками и визгом продолжали рыскать девчонки. Если они заметили в кустах яркие крылья Кости-махаона, мы пропали.

— Ты превратишься в трутня или нет? Последний раз тебя спрашиваю,— спросил я, снова поднимая упавшего на бок Малинина, при этом я успел лягнуть задними лапами двух нахальных муравьев, которые намеревались заползти мне под самое пузо.

— Ладно, Баранкин! — промычал Костя.— Если уж тебе так хочется... Только я сначала посплю.

— Нет! Сначала ты превратишься в трутня, а потом будешь спать! Слушай мою команду! — Я схватил Костю за передние лапы и стал изо всех сил трясти его, приговаривая:

— Повторяй за мной! Повторяй за мной!

Ни ночью! Ни днем!
Не хочу быть мотыльком!
Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!

Костя спал и даже не предполагал, какую страшную гибель готовила ему Зинка Фокина.

— Вот он где спрятался! — взвизгнул невдалеке голос Зинки Фокиной.— Я так и знала, что он далеко не улетит! Девочки! Окружайте куст!

«Все! Нас обнаружили! Мы пропали!..— подумал я.— Малинин опять заснул! И теперь я с ним уже ничего не смогу поделать!..»

У меня при одной этой мысли опустились крылья, и я даже не стал распихивать муравьев, которые опять поползли с разных сторон.

«Пусть ползают...— произнес я мысленно,— теперь все равно...»

И вдруг именно в эту минуту раздался смех Кости Малинина.

Я с ужасом посмотрел в его сторону (уж не сошел ли он во сне с ума от всех переживаний?) и вижу, как два муравья ползают возле его брюшка и щекочут Костю своими усиками. Они его, значит, щекочут, а он, значит, смеется, тихо, правда, но смеется, потому что Костя Малинин больше всего на свете щекотки боится. И как это я забыл про это! Спасибо муравьям, что надоумили. И главное, когда я его стал вместе с муравьями щекотать, он сразу и глаза открыл и совершенно спать перестал.

Трясется весь, хохочет, заливается, как сумасшедший, лапами за живот хватается и говорит, захлебываясь от смеха:

— Ой, Баранкин! Ха! Ха! Ха! Зачем ты меня щекочешь? Ха! Ха! Ха!

— Ха! Ха! Ха! — отвечаю я Малинину.

Меня тоже в эту минуту разобрал смех, во-первых, на нервной почве, во-вторых, очень уж я обрадовался, что Костя проснулся и пришел в себя. Я от этой нервной радости даже на время забыл о той смертельной опасности, которая все еще продолжала грозить Косте Малинину.

— Да ну вас! — сказал Костя Малинин мне и муравьям, отталкивая меня и их от себя.— Расщекотались здесь! Ха-ха-ха! А что это там за шум? Ха-ха-ха!

И здесь я снова с ужасом вспомнил о том, что грозит моему лучшему другу, и не только вспомнил, но и понял, что, судя по голосам, Зинка с девчонками уже начали окружать наш куст.

— Малинин! — заорал я.— Сию же минуту сосредоточивайся и начинай превращаться в трутня!

— Это еще почему? — спросил Костя, сладко потягиваясь.

— Потому что там Зинка Фокина с юннатками. Они тебя хотят в морилку! Потом в сушилку! Потом в распрямилку!

— Как в морилку? Для чего? — заорал Малинин.

— Для коллекции! — заорал я.

При слове «коллекция» с Малинина сон как рукой сняло, и он, очевидно, сразу все вспомнил и понял, понял и осознал весь ужас положения, в которое мы с ним попали. Еще бы! Что такое «коллекция», Костя знал хорошо, ведь он сам был когда-то юннатом, и у него у самого когда-то была такая коллекция, в которую так хотела сейчас упрятать его Зинка Фокина.

— Что же ты меня сразу не разбудил?

— Я еще тебя не разбудил! Скажи спасибо мурашам. Это они меня надоумили. В общем, скорей повторяй за мной!

Я стал орать Малинину заклинание в самое ухо, а сам вижу, что он меня совсем не слышит, он, очевидно, при слове «коллекция» от ужаса обалдел и вообще перестал понимать, что я от него хочу.

Я ору изо всех сил:

— Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!..

А Малинин все молчит, потом вдруг как заорет:

— Ой, мамочка!
Не хочу быть бабочкой!
Бабочке нехорошо!
Хорошо быть мурашом!

Я сначала даже не понял, что на этот раз мы с Малининым начинаем превращаться в совершенно различных насекомых, и наши пути, как говорится, расходятся. Я направляюсь к трутням, а Малинин идет к муравьям! Зачем он идет к муравьям? Неужели он не соображает, что там его ждет? Да нет, он сейчас, по-моему, вообще ничего не соображает. Он сейчас соображает только одно, что лучше уж быть живым трудящимся муравьем, чем мертвой бабочкой.

Как вы думаете, мог я оставить Малинина одного в такой ситуации? Мог я сам стать долгожданным трутнем, а Малинину позволить превратиться в рабочего муравья? Конечно, не мог! Отвечаю я за Малинина или не отвечаю? Ведь это я его втравил в эту историю, а не он меня.

В эту минуту за кустами в довершение всего раздался какой-то прямо лошадиный топот. Треск ломаемых сучьев. За листвой со всех сторон замелькали разноцветные сачки, несколько девчонок взгромоздились с сачками даже на дерево и тем самым отрезали нам с Костей последний путь к бегству.

Все! Мне не оставалось ничего больше делать, как набрать в легкие побольше воздуха и вложить все свои последние силы в заклинание, которое в горячке придумал этот псих Малинин:

— Ой, мамочка!
Не хочу быть бабочкой! — затараторил я вслед за Костей Малининым:
— Я уверен, хорошо
Быть на свете мурашом!..

Ой, я был в этом не уверен, совсем не уверен! Малинин! И зачем только мы с тобой превращаемся в муравьев?!!

Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной бабочкиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

(Продолжение в следующем номере)

РУБАНОК-СТРУГАНОК

Евгения ГАЙ
и Феликс ЛЕВ

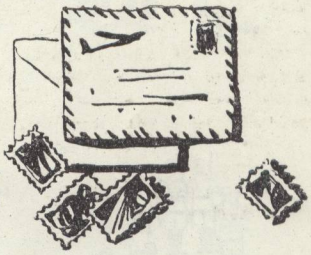
В стружках весь
Стругал Рубанок.
Почему он не Струганок!
А Топор, что рубит-рубит,
Не рубанок. Почему бы!
Может, мастер дядя Ваня
Перепутал их названья!

ЧЕМОДАН

Ариадна ЖУКОВА

Рисунки Г. Карибова.

Чемодан был черный, лакированный, обшитый ярко-желтой кожей по углам. Сильная мужская рука поставила его на весы. Весы показали «12». К чемодану привязали продолговатую картонку, на которой был нарисован стремительно летящий самолет, и подвинули в угол к другим чемоданам — маленьким и большим, худым и пузатым, черным, коричневым, желтым, красным и серым. У меня в руках осталась жесткая зеленая карточка — багажный талон. Теперь весь день я свой чемодан не увижу: он будет путешествовать самостоятельно. Но в самолете я все время вспоминала про чемодан, потому что в нем ехала Дружба.

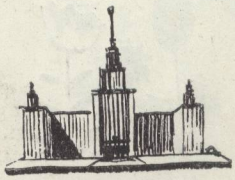


В Семипалатинске была пересадка. Я ходила по краю огромного, выложенного бетонными плитами аэродрома, закрывала лицо от ветра, смотрела на блестящие новенькие самолеты, на локаторы, которые медленно поворачивали свои стрекозиные крылья, и поглядывала, где же мой чемодан? Наконец он проехал мимо меня на маленькой тележке с колесиками — его везли вместе с другими разноцветными чемоданами от сверкающего лаком и нержавеющей сталью «ИЛ-18» к маленькому обшарпанному самолетику, названия которого я не знала. В этом самолетике нам было плохо: у меня замерзли ноги, а на чемодан навалились чужие тяжелые вещи и поцарапали его блестящую кожу. Мы оба были рады, когда высадились в Усть-Каменогорске.

Потом мы тряслись в автобусе по голубым заснеженным полям. Солнце сверкало на далеких белых горах, на широких белых полях и на никелированных замках чемодана.

Наконец мы приехали.

Я вошла в кабинет директора школы имени Ленина в поселке Первомайском, поставила чемодан на стол, вынула из сумки командировку и протянула ее директору.



Директор прочел командировку, потом посмотрел на чемодан.

— А это что такое?

— А это вот!.. — И я раскрыла чемодан.

Директор увидел замечательные вещи: здесь были атласные сияющие открытки, книги, абсолютно новые, только что купленные в магазине и пока еще неизвестно какие, и абсолютно старые — люби-

мые, зачитанные, очень интересные книги. Здесь были марки и значки, игрушки, ракушки, сушеные рыбки и крабы.

Директор потрогал пальцем сушеного краба и спросил еще раз:

— Что же это такое?

— Это Дружба, — сказала я. — Наша школа хочет дружить с вашей. В этом чемодане я привезла вам дружбу пятиклассников 112-й школы Москвы.

Я поглядела в окно — за окном стоял бронзовый Ленин, опираясь на каменную трибуну, а дальше были белые поля, белые горы и ярко-синее небо. Слева выстроились дома — розовые и голубые, зеленоватые и красные, — новые трехэтажные дома большой новостройки. Над домами возвышались подъемные краны.

— Вот вернусь и про все это расскажу ребятам, — сказала я. — А теперь давайте смотреть подарки.

В подарках приехала Москва. Москва была на фотографиях и открытках, в маленьких книжечках путеводителей. Москва была в узких белых конвертах, выпущенных еще к фестивалю. Я раскрыла один конверт. И сразу же, как по волшебству, перед нами поднялся маленький бумажный домик — модель огромного Московского университета. В другом конверте лежала панорама Большого театра.

Потом пошли письма. На конвертах можно было прочесть: «Девочке, которой нравится рисовать», «Любителю голубей», «Коллекционеру марок и открыток», «Тому, кто хочет быть летчиком», «Мальчику, который увлекается Дюма. Ни в коем случае не девчонке». На одном конверте была длинная надпись: «Ученику 5-го класса, который любит рыбную ловлю и биологию. Если это девочка, то той, которая не боится мышей, пиявок и лягушек (жаб), а если мальчишке, то тому, который мало разговаривает.

г. Москва, К-104, Спиридоньевский переулок, д. 5, кв. 12, Эйснер Галя».

Я знала, что было в этом письме: в целлофановом пакетике там лежала сушеная красная рыбка, окутанная ватой, две морские ракушки и крошечный белый зайчик из губки. Еще в конверте была большая, величиной с открытку, переводная картинка, фотографил длинноногой смуглой девчонки, у которой на черных волосах сидел черный галчонок, и письмо:

«Дорогой друг!

Я пишу так, потому что не знаю, как тебя зовут.

Меня зовут Галя. Живу я в Москве. Учусь в школе № 112.

Больше всего я люблю биологию. Дома у меня живут белые мыши, есть аквариум с тепловодными рыбками. Продаются ли у вас тепловодные рыбки? Если нет, то я напишу о них подробно в следующем письме.

В школе мы изучаем английский язык. А какой язык вы изучаете? Как ты учишься? Я учусь хорошо.

Летом я уезжаю на дачу. Любишь ли ты рыбную ловлю? Я люблю, только насаживать на крючок приманку не умею. Но удочкой я ловила только пять раз. Потому что на даче протекает маленький ручеек, в нем рыбы больше двадцати сантиметров не поймаешь. Там только гольцы и пескари.

У меня был ручной галчонок (потом он улетел). С ним я снята на фотографии, которую шлю тебе.

Буду ждать ответа. Галя».

К письму была приложена записка:

«Г. Москва, Фрунзенский район,

ул. Жолтовского, д. № 3, кв. 4, Яшиной Оле.

Этот адрес отдай, пожалуйста, девочке, которая любит вязать».

Директор школы был тронут. Он был черноволосый, в очках,

очень добрый, но часто хотел казаться сердитым. Звали его Георгий Николаевич Зеленский.

— Надо собрать пятиклассников, — сказал Георгий Николаевич, — и торжественно раздать им подарки. Подумать только, подарки из Москвы! — И он осторожно уложил подарки обратно в чемодан и щелкнул двумя никелированными замками.

Несколько часов чемодан смирно пролежал в кабинете директора, а потом я его перетащила в большую комнату, где сидели сразу два класса — 5-й «А» и 5-й «Б». Я поставила чемодан на большой стол, покрытый кумачом, и семьдесят пар глаз принялись внимательно его разглядывать: пятиклассники уже знали, что в чемодане — Дружба.

Прежде чем отдать подарок, я показывала его ребятам. Перед нами вставали бумажные дворцы столицы, сложенные гармошкой цветные виды Москвы блестящей лентой растягивались через весь класс, ребята осторожно брали в руки новенькие яркие книги. Коля Зелепуга прислал в подарок первомайцам целый альбом марок, Алеша Ипатов — большую коробку, где в вате лежали огромный страшный краб, шершавая витая раковина, которая внутри была розовой и сияющей, морская галька, пахнущая солнцем и солью.

Я храбро называла незнакомые фамилии и раздавала подарки, потому что передо мной лежал список учеников, на котором против фамилий было помечено: «собирает марки», «любит голубей», «рисует». Я достала письмо Гали Эйснер и назвала фамилию девочки, о которой учительница написала: «Любит биологию». Я уже протянула письмо и книжку маленькой черноглазой девочке, но в последний момент на всякий случай спросила:

— А ты правда не боишься трогать руками пиявок и жаб?

Девочка посмотрела на меня исподлобья и тихо сказала:

— Боюсь. Я очень боюсь пиявок и жаб.

Вот тебе и раз!

Мой чемодан так удивился, что хлопнул крышкой. Я снова открыла его, выбрала другой подарок и спросила пятиклассниц:

— Кто же из вас не боится мышей, пиявок и жаб?

В крайнем ряду слева поднялась светловолосая девочка, покраснела, как маков цвет, но сказала громко и решительно:

— Я.

— И можешь их трогать руками?

Девочка засмеялась:

— Могу.

— Тогда, значит, это письмо написано как раз тебе.

Я потом узнала, что девочку зовут Люда Кувшинова, она живет на краю поселка и помогает маме ухаживать за коровой, поросятами и курами. Летом она ходит за шесть километров купаться на реку Иртыш. Где уж такой храброй и работящей девочке бояться каких-то маленьких пиявок и жаб!..

Чемодан опустел. Я раздала все подарки. Потом мне стали задавать очень трудные и неожиданные вопросы:

— Сколько этажей в здании университета?

— Из чего сделан памятник Минину и Пожарскому?

— На каком самолете вы летели?

Я сказала, что в университете этажей тридцать, точнее я не знаю, памятник Минину и Пожарскому сделан из бронзы, а может быть, из чугуна, летела я на «ИЛ-18», а потом на каком-то маленьком самолетике, в котором было очень холодно и очень качало. Мальчишки посмотрели на меня с презрением. Уж если бы им выпало счастье лететь из Москвы на Алтай, они точно запомнили бы все самолеты, даже если бы их было целых сто!

Встреча моя с пятиклассниками кончилась. Я вышла на улицу. Мне было приятно идти по хрустящему снегу и нести легкий, пустой чемодан. Мне нравился поселок Первомайский. Мне вообще нравятся новые поселки у больших заводов, а Первомайский был даже не поселком — это был рождающийся город. Будущий город у будущего моря. Через несколько лет мощная ГЭС перегородит Иртыш и к самому Первомайскому подойдет Иртышское море. Уже сейчас строится улица, которая будет набережной. По морю заскользят легкие яхты и тяжело пройдут рыбачьи, груженные серебряной рыбой лодки. Волны, шумя, будут биться о пристань зеленого и белого города — города Первомайска. Кем станут тогда ребята, которые сегодня рассматривают подарки из далекой Москвы?..

Я прожила в Первомайском неделю. Неделю мне в гостиницу носили подарки для москвичей: резные полочки и узорчатые выжженные шкатулки, ракушку из Иртыша, большую, как огурец, коллекцию семян, фантики, марки, письма и книги. Сначала подарки покрыли дно чемодана. Потом они наполнили весь чемодан, потом, как вода в половодье, стали выходить из берегов. Пришлось часть подарков запаковать в отдельный тюк. И все-таки черный, лакированный, нарядный чемодан был набит битком. Он кряхтел и сопел, когда я его закрывала. Он стал некрасивым и пузатым. Замки трещали. Ручка выворачивала нижний бортик наружу. Мне пришлось перевязать его грубой белой веревкой.

Когда в аэропорту чемодан поставили на весы, стрелка показала «20». Двадцать килограммов! Вот сколько весила Дружба, которую я везла из Первомайского в Москву!

Командировка кончилась. Мы с чемоданом вернулись из далекого и интересного путешествия. Я рассказала первомайцам о москвичах, москвичам — о первомайцах. У многих ребят появились далекие хорошие друзья. Я верю, что они будут дружить. Я верю, что они будут встречаться в Москве, около нового моря в Первомайском, на Луне (на одном из писем в Москву Валя Клевцова написала: «Встретимся на Луне»). А когда ребят спросят, с чего началась их дружба, они ответят:

— Она началась с простого черного чемодана, в который мы сложили наши подарки тем, кого мы еще не знали.

А чемодан будет лежать у меня на чердаке и вспоминать времена, когда он был молод, летал на самолетах и, перевязанный веревкой, возил Дружбу.

К тому времени это будет уже чемодан-дедушка.

Случай в зоопарке

В. АЛЕКСАНДРОВА

Рисунки Ф. Лемкуля.

Знаете, что случилось? Носорог тетрадку съел. В клеточку. По арифметике. Для домашних заданий. А были в той тетрадке два примера нерешенных и одна задача с неправильным ответом. Юркина тетрадка. Клюева. Из третьего «Б».

А вышло это так. Сидел Юрка утром за столом. Уроки учил. А под окном ребята в футбол играли. Дошколята, мелюзга. Шумят, кричат, а ударить по мячу как следует не могут. Прямо глядеть невозможно! Ноги чешутся самому гол забить.

«А что? — думает Юрка.—Выскочу на минутку и снова за уроки сяду. Надо же малышам помогать».

Ну и выскочил. Отнял у дошколят мяч. Поучил их малость уму-разуму. Самому бойкому для порядка подзатыльник дал. А до начала занятий всего только час остался.

Сел Юрка снова за арифметику. Решал-решал задачу — никак с ответом не сходится. Взял и подставил к своему неправильному решению правильный ответ из учебника.

«Будет учительница тетрадки проверять, может, и не заметит,— думает Юрка.— Устает она очень с нами. Шалим много».

А с примерами еще хуже получилось. Чтобы их решить, нужно правило знать. А пока правило учить станешь, как раз в школу опоздаешь.

«Пойду к Сережке,— решил Юрка.— Он напротив школы живет. Перепишу у него решение и на урок успею».

И пошел. А идти как раз мимо зоопарка. Видит Юрка на воротах объявление: «Посетите наш зоопарк. Приехал носорог».

А под объявлением картинка нарисована. Не то бык, не то свинья. А на носу действительно рог большущий. Очень интересный зверь. И до того захотелось Юрке на него на живого поглядеть!

«Ладно,— думает,— забегу на минутку, посмотрю одним глазком на носорога. И бегом к Сережке. Невежливо даже не зайти, когда приглашают. Да еще такими буквами огромными».

А в воротах билетерша стоит. Увидела Юрку и руками проход загородила.

— Сегодня,— говорит,— мальчик, выходной день. Сегодня мы только юннатов пускаем. А ты ведь не юннат?

— Почему это не юннат? — отвечает Юрка и даже не краснеет. А чего? Он в самом деле еще в прошлом году собирался в кружок записаться. Только времени все нету.

— Что-то не видела я такого быстроглазого,—засомневалась билетерша.— Новенький ты, что ли? Ну, ступай.

Шагает Юрка по аллейке зоопарка. Улыбается во весь рот. «Вот,— думает,— до чего я хитрый парень! Кого хочешь перехитрю. Запросто!»

А в зоопарке пусто. Людей не видно. Только звери в клетках бегают. Делать им нечего, вот и развлекаются.

Вон лиса рыжая, пушистый хвост. Морда острая, как карандаш. Шея белым шарфом повязана. Носится лиса за решеткой взад-вперед, взад-вперед...

— Эй, лисичка-сестричка!—позвал Юрка.

А она и не оглядывается. Подлез Юрка под деревянную ограду к самой решетке — да как свистнет в два пальца! Отскочила лиса в самый дальний край клетки. А там снова бегать принялась из конца в конец. Будто тренируется.

— Подумаешь,— обиделся Юрка,— воротник на ножках! А тоже... воображает.

Тряхнул Юрка на прощание решетку и дальше пошел. Подразнил голубого песца, пушистого, красноглазого. А тот со страху в свой дом бросился. Домишко у него, как игрушечная будка собачья. В углу клетки стоит. Трусливый песец оказался. Сколько Юрка ногами ни топал, сколько ни свистел возле его клетки, он и кончика хвоста не показал. Тоже, зверь называется!

Подошел Юрка к обезьяннику. Время к холоду. Обезьян, наверно, в зимнее помещение перевели. Посреди застекленной клетки только одна мартышка сидит. Малыша своего нянчит.

Смешной он у нее. Коричневый, мордочка белая. Живот большой, а голова совсем кукольная. Качает его мамаша, а он тихонечко ноет, беззубый рот открывает. А рот у него до самых ушей. А мартышке кажется, что красивей ее сыночка и на свете нет. Увидела она Юрку, засуетилась. Пригладила своему обезьяненку волосы на головке. Подняла его повыше, чтобы Юрке лучше видно было. А сама вся от гордости сияет.

— Сейчас отниму! — крикнул Юрка и вытянул руки, будто и в самом деле хочет этого уродца отнять.

Забеспокоилась обезьяна. Подхватила малыша — и скорей на другой конец клетки. От Юрки подальше.

Но Юрка и туда подобрался.

— Отниму!

Бросила обезьянка одеяло. Малыш у нее на шее повис, а она быстро-быстро стала вверх по канату лезть. Хотел Юрка еще как-нибудь над ней посмеяться, но тут его сзади кто-то за плечо тронул.

Оглянулся Юрка. Видит: девчонка длинноногая в синем халатике, голова белой косынкой повязана.

— Ты кто такой? — спрашивает девчонка.

— А ты сама кто такая?

— Дежурная я. По юннатскому кружку. За порядком слежу. А тебе здесь что нужно?

— Носорог мне нужен. Битый час его ищу. Тоже, порядок называется!

— Да вот он, носорог! — показывает девчонка.

И правда, совсем рядом в огромном загоне стоит черный зверище. И рог у него будто нарочно приставлен. Да не один рог, а целых два на носу торчат.

Свистнул ему Юрка. Носорог и ухом не повел. Стоит и не шевелится. Только кисточка на хвосте чуть-чуть колышется. То ли дышит носорог, то ли ветер шерстью играет.

Девчонка-юннатка скрылась куда-то. Осмелел Юрка. Поднял с земли камешек, бросил в носорога. Попал камень в толстый носорожий бок. А тот и не дрогнул. Будто и сам каменный.

«Ну и тип! — думает Юрка.— Попробуйка такого раздразни! Руку через решетку сунуть? Страшновато что-то. Да и не пролезет».

Достал Юрка из сумки тетрадку. В трубочку ее свернул. Через решетку просунул и ткнул носорога в морду. Легонько ткнул, не больно.

Вдруг носорог как бросится! Юрка и отскочить не успел. Вырвал носорог тетрадку и... проглотил. Всю. Целиком. И с промокашкой даже.

— Ты что делаешь? — закричал Юрка.— Отдавай сейчас же! Ты какое право имеешь чужие тетрадки есть?

А носорог снова стоит неподвижно и маленькими красными глазками сквозь Юрку глядит. Будто Юрка прозрачный!

На крик длинноногая юннатка прибежала. Узнала, в чем дело. Улыбнулась.

— Наш носорог серьезный. Он себя в обиду не даст. А за тобой я все время наблюдаю. Ты зачем зверей дразнишь?

— Дураки ваши звери! Шуток не понимают,— возмущается Юрка, а у самого слезы на глаза набегают.— Ну, как я теперь без тетрадки в школу пойду? По арифметике тетрадка. Я там примеры, может, целую неделю решал.

— А ты, видно, отличник? — спрашивает юннатка.

— Отличник! — Не будет же Юрка какой-то незнакомой девчонке признаваться, сколько у него троек.— Я всегда все уроки назубок учу.

И тут у Юрки слезы высохли.

«А может, и хорошо,— думает,— что носорог тетрадку съел. Теперь и примеров переписывать не надо. Свалю на него».

— Ты вот что,— говорит он девчонке,— ты мне справку давай, что носорог натворил. Только обязательно напиши раза четыре «действительно». Так всегда в настоящих справках пишут. У меня мама в домоуправлении рабогает. Она таких справок сто, а может, тысячу в день выдает.

Юннатка все-таки неплохой девчонкой оказалась. Взяла бумаги, чернил. Стала справку писать. Медленно пишет, старательно, каждую букву выводит.

И на руке у нее настоящие часы тикают. Поглядел Юрка — пять минут до начала урока осталось.

Выхватил Юрка у девчонки справку и побежал. Очень быстро он бежал. Прямо летел. Наверно, рекорд установил. Может, мировой. А может, школьный. Только все равно опоздал Юрка ровно на восемь минут.

Учительница его на занятия не пустила. Велела к директору идти. Улыбнулся Юрка гордо. И пошел. А чего ему бояться? У него же справка есть.

Посмотрел директор мельком справку. Плечами пожал.

— Прочти-ка вслух,— говорит.

И Юрка прочитал:

— «Справка. Дана ученику Клюеву Юрию в том, что он действительно был в зоопарке. Озорничал, пугал обезьяну и других зверей. А мне до того надоел, что я вынужден был съесть у него тетрадку. По арифметике. А домашние задания в той тетрадке были не выполнены. Действительно. Действительно. Действительно. Носорог».

Морис КАРЕМ,
бельгийский поэт

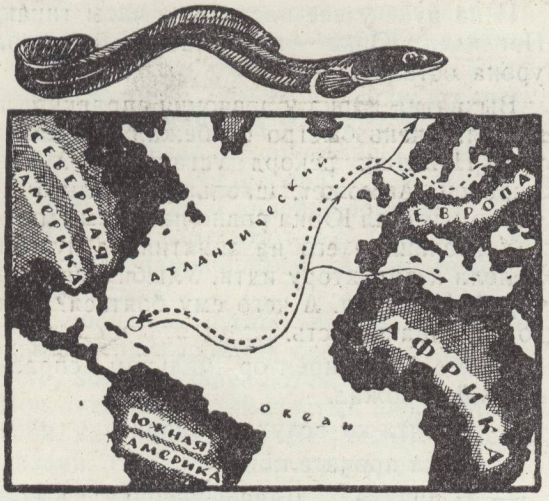
СЕРОЕ и БЕЛОЕ

Рисунок О. Зотова.

Был серый котенок
В крапинках белых,
А белый крысенок
В крапинках серых.
И были хвосты их к тому же
Один другого не хуже.
Да, это так! И все же
Носы у них были не схожи.
Был серый котенок
С носиком белым,
А белый крысенок
С носиком серым,
И были носы их к тому же
Один другого не хуже.
Да, это так! И все же
Усы у них были не схожи.
Был серый котенок
С кисточкой белой,
А белый крысенок
С кисточкой серой,
И вот по этой причине,
Совсем пустяковой причине,
Держались они друг от друга вдали,
Они друг друга терпеть не могли.

Перевел с французского
М. КУДИНОВ

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ



Угри — путешественники

Многие рыбы мечут икру в реках, на мелководье, а потом подросшие мальки уходят жить в море. А угри наоборот. Каждую весну они мечут икру в Саргассовом море. Через некоторое время, разорвав тонкую оболочку икринок, появляются на свет крохотные личинки. По форме они похожи на ивовые листочки, только совсем крохотные и прозрачные, как крылья комара.

«Листочки» медленно поднимаются на поверхность океана, их подхватывает теплое течение Гольфстрим и несет на восток, к берегам Европы.

Полтора года длится путешествие новорожденных угорьков. За это время они успевают подрасти и стать похожими на настоящих угрей. Правда, они по-прежнему прозрачны, как будто сделаны из стекла.

Гольфстрим делится на несколько потоков, и они уносят угорьков к разным проливам и морям; угорьки проникают в Средиземное море, Баренцово, Белое и Балтийское. Из морей они устремляются в реки и водоемы с пресной водой.

Угри не любят света. Даже лунный свет для них слишком ярок. Плывут они ночью, а днем и в лунные ночи отдыхают, зарывшись с головой в песок. И охотятся в темноте: ловят мелких рыбешек, лягушат и беззащитных во время линьки раков, слизывают с листьев водяных растений насекомых. После дождей угри выползают на травянистый берег, пожирают слизняков, червей и даже птенцов, если подвернется гнездо. Осенью угри высверливают хвостами большие норы в илистом дне и спят в них до весны.

Так проходит год за годом. Угри вырастают до полуметра в длину и весят не меньше килограмма. На шестой год их охватывает какое-то беспокойство. Они стаями устремляются к устью рек, из морей выбираются в Атлантический океан и, преодолевая течение Гольфстрим, теперь уже встречное, плывут туда, где родились, в Саргассово море, чтобы отложить икру, из которой выведется новое поколение угрей. Угриные маршруты вы видите на карте.

А. КЛЫКОВ,
кандидат биологических наук

Завод на колесах

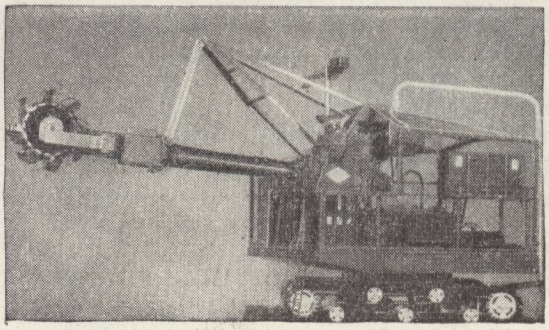
Что это за машина с длинной шеей, как у жирафы? Как она называется и какую службу несет? Называется она цементным комбайном и служит для добычи и первоначальной обработки цементного сырья.

Как обычно готовят цемент? Сначала взрывом дробят горную породу, которая идет на изготовление цемента. Потом в карьер вползают вереницы самосвалов. Ковш экскаватора наполняет их кузовы, и машины везут свой груз на завод, если он недалеко, а то и на железнодорожную станцию. Здесь порода переваливается в вагоны и отвозится на цементный завод.

Комбайн избавляет цементное сырье от длительного путешествия.

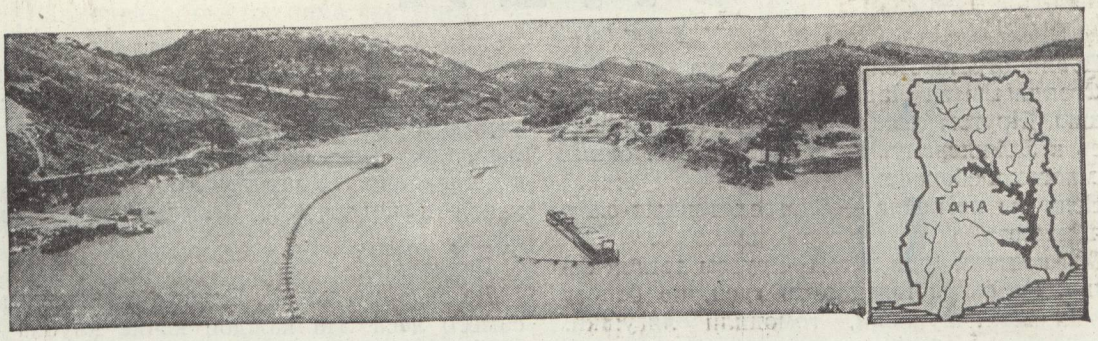
Видите на его стреле фрезу? Она сама будет выгрызать породу. Ленточный транспортер унесет породу к специальному устройству внутри комбайна. Там порода перемелется, смешается с водой, эта смесь — шлам — по длинным трубам пойдет прямо на завод.

Комбайн заменит сто рабочих и позволит сэкономить миллион рублей. Такой машины нет пока ни в одной стране. Но наши инженеры ее придумали, и действующая модель, фотографию которой вы здесь видите, скоро превратится в настоящий могучий комбайн.



И. ГРИГОРЬЕВ

ГЭС на реке Вольта



Свободно, не встречая на своем пути никаких преград, течет река Вольта, пересекающая территорию молодого африканского государства Гана.

Но уже недолго ей осталось течь без дела! Создан проект постройки на этой реке мощной гидроэлектростанции. Это будет первая ГЭС в Гане. На фотографии вы видите место, где вырастет огромная плотина. Она перегородит реку и на протяжении трехсот пятидесяти километров поднимет уровень воды. Здесь образуется самое большое искусственное водохранилище в мире. На карте показаны его очертания.

Это будет не только дешевый, удобный путь на север страны, в самые отдаленные ее уголки. Тысячи квадратных километров орошенных полей и десятки тысяч тонн рыбы ежегодно даст море Вольты.

Через три года ГЭС уже начнет вырабатывать дешевую электрическую энергию.

Л. ГОЛЕМБА

Атомная метео-станция

Остров Акселя Хайберга лежит в Ледовитом океане, к северу от Канады. Он необитаем, но канадская метеостанция на берегу залива Решимости через каждые три часа получает сводку погоды с этого пустынного острова.

Кто же передает ее? Метеостанция-автомат. Приборы и радиопередатчик станции питаются атомной энергией радиоактивного стронция. При его распаде непрерывно выделяется тепло. Шестьдесят крохотных полупроводниковых элементов превращают это тепло в электрический ток.

Атомное «топливо» очень экономично. На станции всего полкило стронция-90, но, по расчетам специалистов, энергия его обеспечит работу станции в ледяной пустыне по крайней мере в течение двух лет.

Б. МЕРКОВ

Деньги на дне морском

Американские археологи-аквалангисты обследовали дно Средиземного моря у южного побережья Турции. Они обнаружили у подводных рифов тридцать восемь затонувших кораблей. Большинство из них древнегреческие и византийские.

Наиболее интересное открытие — корабль бронзового века. На нем найдено бронзовое оружие, которое было у жителей Кипра три с половиной тысячи лет назад.

Что же вез этот корабль с Кипра на запад? Большую часть груза составляли слитки меди, имеющие форму бычьей шкуры.

В древности скот и шкуры играли роль денег. Когда же позднее деньги стали металлическими, первое время слиткам придавали привычную форму прежних денег.

Медные рудники Кипра славились в древнем мире. Не случайно от имени этого острова происходят названия меди во многих европейских языках. Например, латинское cuprum и албанское kjprs. Кроме того, от латинского корня родились французское cuivre, немецкое Kupfer, английское copper, шведское koppar, финское sipari.

Л. КЛЕЙН

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

А. ХАРИТАНОВСКИЙ
Рисунок В. Юдина.

ЗМЕИ

Война отражается не только на людях...

Стояли мы за Ладогой, в покинутой деревушке. Кругом леса да болота. Немцы рвались к Ленинграду. Наш участок был одним из многих в обороне.

Если бы не война — благословенные охотничьи места.

Мы пришли туда летом. Кругом летали бабочки, на озере шлепались гуси, по болоту расхаживали журавли, гомонили лягушки. Около нашего блиндажа жила лиса с двумя лисятами. Прямо на глазах бегали...

Но вот пошли атаки, артиллерийские перестрелки. Звери начали уходить. Раньше всех убежали медведи и волки. Лисички еще задержались, но и их потом не стало.

Птицы, те жались ближе к людям — ласточки, воробьи, синички.

Крупная дичь, журавли, гуси — те раньше времени снимались и, курлыкая, улетали на юг. Верно, думали, что там их ждет лучшее... Подошли заморозки. Направился я как-то утром к болоту, в наблюдательный пункт. Холодно, тихо, туман пеленой. Но это обыкновенно. Удивительно другое: туман какой-то полосатый. Причем полосы шевелятся.

Вгляделся.

Да ведь это змеи!.. Видимо их невидимо до самого леса. На каждой кочке клубка два-три. Туловища с узкими безлобыми головами покачиваются в тумане, как ядовитая трава. И противно и, по правде сказать, страшно...

Через час загрохотало и оттуда и отсюда. А змеи только медленно поводили головами-кувшинчиками — и ни с места.

В тот день со стороны противника не было ни одной атаки. С нашей — тоже. Понимаете, даже когда к звону пуль привыкнешь, шипение змей вынести трудно.

МОЛОЧНЫЙ РЕЙС

Жителям бухты Провидения, Уэлена, Тикси и других поселков Заполярья хорошо знаком ледокольный дизель-электроход «Енисей». Судно в порту — значит из глубоких трюмов, с площадок перегружаются на берег тракторы, буровые машины, лес и готовые дома. А вот уже рука подъемного крана захватывает груды ящиков с фруктами, мукой и овощами, игрушками и одеждой...

На этот раз перед экипажем поставили такую задачу, что опытные моряки почувствовали себя не совсем ладно. «Доставьте, — сказали им, — для жителей Певека, горняцкого поселка на Чукотке... стадо дойных коров».

Грузовые площадки «Енисея» не рассчитаны на такой «товар». Но ведь молоко прежде всего нужно ребятам. А когда речь идет о детях, моряк может ответить только одно: «Есть!»

Закипела работа, и на палубе, по соседству с мощными лебедками и якорями, появилась целая животноводческая ферма. Прощальный гудок — судно двинулось из Владивостока в необычный северный рейс.

За бортом суровое Охотское море; прошло четверо суток — Берингово уже катит навстречу свои студеные волны; еще несколько дней — Чукотское встречает льдами.

Стадо живет обыкновенной сухопутной жизнью. Его кормят, поят, доят — все твердо по расписанию. Моряки — народ порядка, на корабле нет места даже для минутных отступлений, опозданий. Буренки быстро привыкли к столь своеобразному стойловому содержанию, к тому, что суша стала странно твердой и гремящей, вода же — бескрайней, кругом синий луг океана.

Однако море не всегда синее. Вот оно заволновалось, зашипело, начало хлестать по бортам: шел шторм. Животные с удивлением смотрели, как при крене корабля под копыта подбирались пенящиеся водяные языки, с испугом вглядывались в темно-зеленые

провалы между волнами. А назавтра снова тихо, но моря уже не видать: вода закрыта снежной пеленой, пересеченной ледяными горами — торосами.

— Как, однако, быстро зима наступила! — наверное, сказала бы не одна из буренок, имей она дар речи. — Всего неделя, как из Владивостока вышли.

Впрочем, перемена климата на коровах мало отразилась. Они по-прежнему исправно давали молоко.

Молоко! Наступило его настоящее перепроизводство. Моряки не додумались до одного: следовало бы забрать с собой маслодельный завод.

Всю продукцию пришлось перерабатывать на камбузе — корабельной кухне. Повара сбились с ног. Они впрок заготовляли сметану, творог, кефир и мороженое, готовили молочные кисели и изобретали фантастические блюда без названия.

Члены экипажа, буфетчицы Зина Ворожейкина и Валя Пасенчук, превратились в животноводов. Старший штурман и капитан ежедневно обсуждали, кроме навигаторских дел, и такие важные вопросы: каково здоровье коров, как бык Байкал переносит качку и, конечно, куда девать сегодняшний удой? Стадо берегли, ухаживали, чистили. У некоторых матросов появились любимицы — Пеструхи и Зорьки. Их подкармливали ломтями хлеба, густо посыпанными солью.

За островом Врангеля открылось Восточно-Сибирское море. Дизель-электроход, протяжно гудя, свернул в Чаунскую губу и, ломая лед, направился к Певеку. Заполярный поселок с радостью принял живой груз.

Так на берегу Чукотки появилась племенная ферма.

В ПРОЛИВЕ ЛОНГА

Медведям больше, чем каким-либо другим четвероногим, повезло в литературе. Они описаны, как говорится, с ног до головы. Но мои герои все же особенные. И не будь так, я бы давно забыл эту историю. Впрочем, судите сами.

Случилось это в проливе Лонга, в Северном Ледовитом океане. Дизель-электроход «Енисей» шел к жителям далекой Чукотки, вез им машины, товары, продукты. Позади остались тысячи нелегких миль. И вот почти у цели, между материком и островом Врангеля, разреженные льды вдруг стали смыкаться, обступили со всех сторон корабль. Куда ни глянешь — ни разводий, ни трещин. Сплошное ледяное поле, пересеченное грядами высоких торосов.

Вахтенный штурман давал одну команду за другой. Двигатели работали на полную мощность, но корабль продолжал оставаться в ледяном плену. Метеосводки, регулярно поступавшие с полярных станций, ничего доброго не обещали.

Вынужденную задержку было решено использовать для ремонтных работ: на корабле они всегда найдутся. Группа матросов спустилась на лед, чтобы подкрасить ободранные за долгий арктический переход борта.

— Не принимает нас Чукотка, вида нет, — шутил матрос Женя Сафонов, обращаясь к своему другу, боцману Алексею Московке.

Устроившись на высоком торосе, они живо работали кистями, подправляя буквы у названия корабля. Московка не поддержал разговора. Напевая, он продолжал аккуратно и быстро класть один слой краски за другим.

— Медведи!!!

Тревожный крик вахтенного заставил маляров оглянуться. В пятнадцати — двадцати метрах от корабля стояла матерая белая медведица, а позади — два медвежонка. Вытянув длинные шеи, они водили из стороны в сторону небольшими узкими головами с черными пуговками носов. Матросы стремительно взбежали по шторм-трапу на борт.

Медведи подошли к банке с краской, поочередно понюхали ее, полизали. Угощение, видимо, не понравилось. Один из малышей рассердился, толкнул банку лапой. Она покатилась. Сурик вылился, образовав на льду большое красное пятно.

А на палубе уже собралась вся команда. Моряки гадали, как быть. Стрелять? Жалко. Однако визит непрошеных гостей явно затянулся. Придется прогнать.

В медведей полетели обрывки тросов, тряпки и банки, битая посуда и даже ящики из-под продуктов. Но мишки ни капельки не обижались. Они, должно быть, решили, что с ними играют. Тряпки таскали по льду, а консервные банки принимали как вкусное угощение и старательно вылизывали их.

— Не гости, а осада, — сердился боцман Московка.

— Братцы, а что если поймать одного, — подал совет Женя Сафонов. Он уже успел раз десять сфотографировать четвероногих. — Белые медвежата, говорят, очень послушные. Обучим всяким фокусам...

Через минуту за борт был спущен прочный трос с широкой петлей на конце. Когда петля улеглась на лед, в середину ее бросили откупоренную банку свиной тушенки.

Медведица со своими многопудовыми детками подбежала и принялась знакомиться с содержимым банки, не обращая ни малейшего внимания на затаившихся на палубе людей.

Звери до того увлеклись, что не заметили, как веревка начала шевелиться, а потом пошла вверх, стягиваясь вокруг них кольцом. Опомнились они лишь тогда, когда сузившаяся петля захлестнулась на толстой белой лапе: в ловушку попался не медвежонок, а сама медведица.

— Ур-р-а! — обрадовались охотники и изо всех сил потянули трос к себе.

Медведица, пытаясь освободиться, поднялась на дыбы, потом рванулась в сторону. Трос держали более десятка самых сильных матросов. От рывка они все повалились друг на друга, но добычу не выпустили. На помощь подоспели еще несколько человек.

Трос двигался вверх, вниз... Медведица постепенно уступала. Негромко рыча, вытянув вперед схваченную петлей лапу, упираясь остальными тремя, она медленно, волоком приближалась к корпусу корабля. Вот снова поднялась на дыбы. Еще одно усилие моряков — и задние лапы зверя оторвались ото льда. Огромная, пятидесятипудовая туша вытянулась в высоту почти на полборта.

Медвежата, только теперь разобравшись, что мать похищают, принялись визжать.

— Ву-ку-ле-ку! — втягивая в себя воздух, кричали они тонко и надрывно. — Ву-ку-ле-ку! — поднимались на задние лапы, царапали стальной борт.

И затащили бы, пожалуй, на «Енисей» медведицу, да все это заметил штурман.

— Что вы делаете? — крикнул он, направляясь почти бегом с мостика на палубу. — Она разнесет все!

Смех смолк. В самом деле, подумалось каждому, что будет делать медведица, оказавшись рядом с ними. Пожалуй, не станет церемониться за такие шутки.

И трос пошел вниз. Медвежата нелепыми прыжками приветствовали возвращение матери, обнюхивали ее, лизали...

Но петля все еще на лапе медведицы. Она с любопытством разглядывала хитрый узел. Потом взяла его в пасть — и толстый трос оказался перекушенным, как нитка.

— Вот это да! — заметил Женя Сафонов. Тряхнув чубом, он еще раз представил, что бы вышло, если бы рассерженный зверь оказался на борту.

Впрочем, добродушные медведи и после такого, мягко

говоря, невежливого обращения, не покинули судна. Моряки, стремясь загладить свой проступок, то и дело бросали им лакомые кусочки. Пока медведи расхаживали и кормились у правого борта, на левом велись малярные работы. Повиснув в веревочных люльках, матросы заканчивали покраску. Надпись «Енисей» на носовой части корабля вновь засияла свежей белизной.

Шесть суток прожила медвежья семья рядом с людьми, а на седьмые в проливе подул штормовой ветер, поднялась океанская зыбь. Двухметровый лед начало ломать, как стекло, расступились тяжелые торосы. «Енисей», работая корпусом, как тараном, двинулся вперед.

А медведи?.. Вначале они очень удивились. Они вперевалку бежали за кораблем по битому льду. Легко преодолевали трещины, переплывали полыньи. Но «Енисей» шел и шел. Разводья становились с каждой милей шире. Наконец открылись просторы Чукотского моря.

Медведица заметалась взад и вперед по ледяной кромке. Потом побежала к крутому ступенчатому торосу. Поднявшись на задние лапы, она пересадила одного за другим своих детенышей на верхнюю площадку этого ледяного утеса и встала рядом с ними. Вся семья застыла как вкопанная, провожая тоскливым взглядом полюбившийся дизель-электроход. Еще миля — и их белые фигуры окончательно слились с окружающими торосами.

— До новых встреч в Арктике! — крикнул на прощание стоявший на марсе матрос первого класса весельчак Женя Сафонов. И ему стало вдруг немного грустно.

ВОКРУГ ШАХМАТНОЙ КОРОНЫ

Турнир претендентов в Кюрасао! Кто из вас, ребята, любители шахмат, не следил за этим соревнованием? Сколько было споров, волнений, надежд и разочарований! Теперь все известно. Определен противник М. Ботвинника в матче на мировое первенство, который будет проводиться весной 1963 года. Советская шахматная школа одержала новую большую победу.

Известный русский писатель А. Куприн писал, что «шахматист, одолевший на всемирном состязании самого лучшего, самого первого игрока, по всей справедливости и без всякого колебания может гордо носить титул короля шахматной игры».

С 1948 года этот титул принадлежит советским шахматистам, шахматная корона мира находится в Советской стране.

ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ

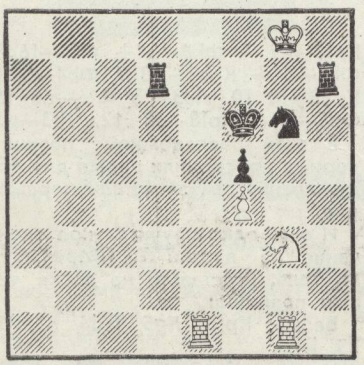
1 500 лет существуют шахматы, и, конечно, во все времена и эпохи соревновались шахматисты. Кто были первыми чемпионами в старину? Много воды утекло с той поры, даже я, владыка черных и белых полей, не могу все припомнить.

Но вот один турнир мне хорошо запомнился. Было это в 819 году. Собрались на этот турнир в Хорасан лучшие мастера Средней Азии Джабир ал Куфи, Абдалжафар Ансари, Наим ал Хадим и хорезмиец Зайраб Катан.

Уже и в ту пору славно играли мои друзья. Приехал на турнир грозный владыка Халиф ал Мамун. Он сказал:

— Странно, что я правлю миром от Инда на востоке до Андалузии на западе и не могу справиться с 32 фигурами на шахматной доске.

Очень понравилась тогда нам одна комбинация Наима ал Хадима. Уверен, что и вам она понравится, мои юные друзья.



Вот в этой позиции Наим ал Хадим заматовал белыми черного короля всего в три хода. Попробуйте найти эту старинную комбинацию, которой от роду больше тысячи лет.

Шли годы, все больше становилось умелых шахматистов: ведь шагала шахматная игра по всему миру и всюду находила ревностных почитателей.

Много веков тому назад полюбили и на Руси шахматы.

Прибыло как-то русское посольство к грозному хану Батыю. А он своим шахматным искусством гордился и первым делом потребовал: кто в посольстве шахматы знает, сразиться с ним желаю. Об этом и былина рассказывает:

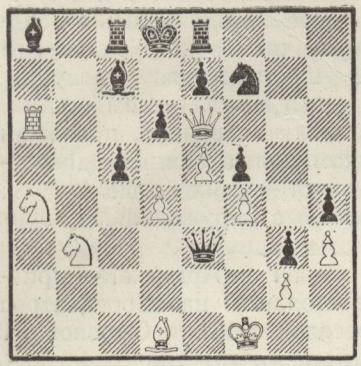
Кликнули Добрыню Никитича,
Подернули столы белодубовые,
Раздернули тавлеи вольящеты.
Первую тавлеюшку царь ступил,
Другую тавлеюшку Добрыня
Никитич млад.
Третью тавлеюшку царь ступил,
Четвертую Добрыня Никитич
млад:
Больше царю ступить некуда,
Та игра была проиграна.

А теперь расставьте шахматные фигуры и посмотрите, как играли Батый (белые) и Добрыня Никитич.

1. f2—f4 e7—e6 2. g2—g4 Фd8—h4 мат. Хорошо проучил Добрыня Батыя!

Не могу вам о всех древних шахматных поединках рассказать. Слишком затянулся бы такой рассказ. Еще об одном своем друге лишь скажу. Звали его Филипп

Стамма, а жил он в сирийском городе Алеппо. В 1737 году написал Стамма книгу о шахматах, много разных хитрых задач привел в ней.



Мат белым грозит, и не видно, как защитить поле f2. Но в том-то и красота шахмат, что есть в них много скрытых интересных комбинаций. И здесь белые не только спастись могут, но и сами мат дают черному королю.

Найдите, как играть белые должны, и шлите мне ваши письма.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА

С дальних времен начал я свой рассказ. А теперь поговорим о более близком. Первый большой международный турнир проводился в 1851 году в Лондоне. А официальное звание «чемпиона мира» установлено лишь в 1886 году.

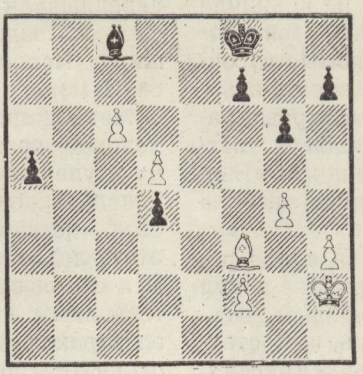
Были с той поры шахматными королями Вильгельм Стейниц, Эммануил Ласкер, Хозе-Рауль Капабланка, Александр Алехин, Макс Эйве, Михаил Ботвинник, Василий Смыслов, Михаил Таль.

А теперь предстоит Михаилу Ботвиннику титул свой отстаивать в упорной борьбе с новым грозным противником.

КАК ИГРАЛИ В КЮРАСАО

Трудный спор вели на далеком острове Кюрасао восемь гроссмейстеров. Ведь лишь один из восьми получал право встретиться с чемпионом мира. Много замечательных партий сыграли гроссмейстеры.

Эта позиция из партии **Е. Геллер — Р. Фишер.** Будь сейчас ход черных, сыграли бы они 1... Крf8—e7 и застопорили движение белых пешек. Медлить белым нельзя. Е. Геллер сам сыграл: 1. d5—d6!, и черные потерпели поражение.



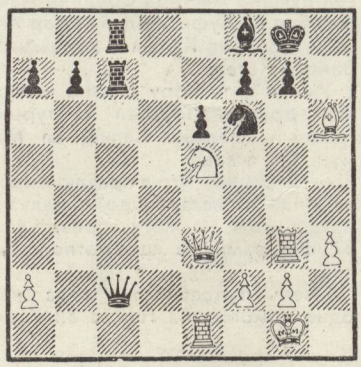
Разберите такой вариант: 1... a4 2. c7! a3 3. Cc6 a2 4. d7 C : d7 5. C : d7 a1Ф 6. c8Ф+. Найдите, как играли бы белые, если черные стали двигать пешку d4 (1... d3).

Неудачно играл на этот раз в турнире М. Таль, но и у него есть несколько очень красивых партий.

Это положение встретилось в партии **М. Таль — П. Бенко.**

Белые фигуры обрушились на черного короля. Игра продолжалась так:

1. Ch6 : g7! Cf8 : g7 2. Лg3 : g7+ Крg8 : g7 3. Фe3—g5+ Крg7—f8 4. Фg5 : f6 Фc2—h7 (Упорнее было 4... Фf5) 5. Лe1—e3 (Резервы спешат на помощь атакующим силам) 5... Фh7—f5 6. Фf6—h8+



Крf8—e7 7. Фh8—h4+ Фf5—f6 8. Фh4—b4+ Крe7—e8 9. Фb4—b5+ Крe8—f8 10. Лe3—f3 Фf6—d8 11. Фb5—b4+ Крf8—e8 12. Лf3—g3.

В этой безнадежной позиции черные просрочили время для обдумывания, им засчитали поражение.

И еще одно поучительное окончание из партии **Т. Петросян — М. Таль.** Расставьте на доске такую позицию:

Белые. Крf3, Лg5, п.d4, e3, f2, g3, h4.

Черные. Крh7, Лd2, п.f7, e6, f5.

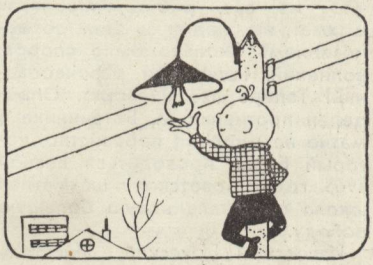
У белых большое материальное преимущество, но выигрыш еще не прост: ведь черные создали заслоны на пути движения белых пешек.

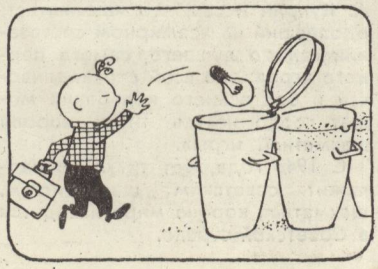
1. h4—h5 Лd2—a2 2. g3—g4 Крh7—h6 3. Лg5—g8 Крh6—h7 4. Лg8—e8 f5 : g4+ 5. Крf3—g3 Крh7—h6 6. Лe8—e7 Крh6—g7 7. Лe7—c7 Лa2—b2 8. Лc7—c5 Крg7—f6 9. d4—d5 Лb2—b4 10. h5—h6 (Пешки белых пришли в движение) 10... e6 : d5 11. Лc5 : d5 Крf6—g6 12. Лd5—d6+ Крg6—g5 13. h6—h7 Лb4—b8 14. Лd6—d1 Лb8—h8. 15. Лd1—h1. Черные сдались.

Советую вам, друзья, внимательно, ход за ходом, разобрать это окончание. Проверка шахматных вариантов — верный путь к тому, что и вы станете умелыми шахматистами.

ЧУБЧИК ЭКОНОМИТ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ

Рисунки В. Чижикова.





Удивительный город

А. НЕКРАСОВ

Всегда интересно побывать в незнакомом городе. Бродишь по улицам, оборачиваешься по сторонам, рассматриваешь памятники, здания, сооружения, вглядываешься в лица встречных людей: тот озабочен чем-то, тот спешит куда-то, тот с радостной улыбкой мечтает о чем-то, а тот сам себе поет песенку...

Идешь по незнакомому городу и думаешь: чем он славен, этот город? Кто его построил? Какой народ здесь живет и что тут самое главное?

Всегда немножко тревожно в незнакомом городе: не заблудиться бы, не попасть бы впросак. И как бывает здорово, если вдруг в толпе незнакомых людей мелькнет лицо старого товарища! Это редко бывает, но бывает все же. И случись такое — тогда тревоги побоку. Друг возьмет тебя за руку, проведет по всем интересным местам, все расскажет, все покажет, все объяснит... А когда придет время покидать этот ставший уже знакомым город, настоящий друг проводит тебя до городских ворот, даст подарок на память и доброе слово скажет на дорогу.

Есть один город... Если ты еще не бывал в нем, побывай непременно!

Город красивый, большой, интересный. Ты многое увидишь там, встретишь многое такое, над чем и призадуматься можно и посмеяться...

И не бойся, смело вступай в этот город. Тут не заблудишься. С первых шагов встретит тебя твой верный старый друг — писатель Лев Кассиль, который задумал и распланировал этот город.

Он проведет тебя по улицам и площадям, покажет все достопримечательности, познакомит со строителями этого города.

Впрочем, кое-кого из них ты и так знаешь не первый год. Ты не раз встречался с ними на страницах книг и журналов. Но есть среди них и такие, чьи имена ты впервые встретишь, бродя по улицам этого города.

Эти люди — и старые твои знакомые и новые — все вместе, дружно потрудились, чтобы воздвигнуть для тебя и для твоих друзей удивительный город-книгу. Это они населили свой город разными людьми — взрослыми и маленькими, умными и смешными, веселыми и грустными. Это они сделали так, что, покидая этот город, ты станешь намного богаче, чем был, когда входил в него.

Вот это богатство, которым наделяет волшебный город каждого посетившего его путешественника,— это и есть то самое главное, для чего построили этот город, то, чем он отличается от всех других городов мира.

На карте не ищи этого города. Там его нет. Его нужно искать на полках библиотеки. Он так и называется — «Читай-город».

Я не помню, сколько в нем улиц и площадей, домов и жителей. Зато я твердо знаю, что в нем 316 страниц и на каждой из них ты что-нибудь найдешь: повесть, рассказ, поэму, стихи, басню, сказку...

Прочитай все эти странички, и ты узнаешь много нового. Узнаешь — значит, станешь богаче. Ведь так повелось в наше время: самое большое богатство — знание. Хочешь разбогатеть — поезжай в Читай-город. Не пожалеешь!

Три веселых спутника

Не всегда и летом светит солнце, не всегда можно бегать, носиться по лужайкам, гонять мяч, купаться и делать всякие другие вещи, связанные в нашем представлении с веселыми словами «лето», «лагерь», «каникулы». Иногда ненастье не выпускает вас на улицу, и, как сырость в углу, скука заползает в сердце. Иногда надоест отдыхать «просто так», хочется что-то сделать, что-то затеять интересное. Ведь отдыхать — это совсем не значит ничего не делать.

Три веселых спутника, которых мы вам сейчас представим, помогут забыть не-

настье, победить ничегонеделание, прогнать скуку. Три книжки, три советчика и друга.

Е. Минскин «Пионерская игротека». Эта книга не только расскажет вам о множестве интересных настольных игр, но и научит, как их сделать своими руками.

Владимир Лифшиц «Куда хочу, туда лечу» (стихи, песни, клоунады). Эту книгу не только интересно читать. Добрую половину ее можно петь или даже играть на сцене. Короткие забавные одноактные пьески и клоунады можно разучить и сыграть в лагере, во дворе да и всюду, где найдется десяток зрителей, двое или трое предприимчивых ребят, готовых превратиться в самодеятельных актеров.

Ну, а имя третьего веселого спутника — **«Песни разных лет»** — говорит само за себя. В этом пионерском сборнике вы найдете и песни для походов, и песни, чтобы петь у костра, и песни, чтобы разучивать с младшими своими товарищами — октябрятами.

С хорошим другом нигде не пропадешь. Мы советуем вам этих трех друзей на лето.

Е. РУБЦОВА

У ДЕДУШЕК И БАБУШЕК ТВОИХ КНИГ

У всех любителей книг большой праздник. Исполнилось сто лет главной библиотеке Советского Союза — Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Еще в середине прошлого века в Москве не было ни одной общественной библиотеки. Тот, кто хотел прочесть новую книгу, должен был либо купить ее в книжной лавке, либо пройти в отдельную комнату при той же лавке — «кабинет для чтения» — и получить за особую плату разрешение читать там разложенные на столах книги.

И вот в июне 1861 года в красивом здании с колоннами, построенном великим русским зодчим Василием Баженовым, в Москве была открыта первая публичная библиотека. Теперь сюда мог приходить каждый желающий читать любые книги.

Сначала библиотека называлась Румянцевской, потому что в ее основу была положена коллекция редких книг, собранных просвещенным вельможей графом Николаем Румянцевым. После Октябрьской революции библиотека была объявлена Главным государственным книгохранилищем нашей страны и ей было присвоено имя Владимира Ильича Ленина.

Ленинская библиотека—одна из самых больших в мире. На ее полках хранится около двадцати двух миллионов различных книг, журналов, комплектов газет, нот, карт, рукописей. Только для того, чтобы бегло перелистать все собранные здесь книги, понадобилось бы больше восьмисот лет!

Каждый день на полках Ленинской библиотеки прибавляется по полторы тысячи новых книг, журналов, газет. Несколько сот библиотекарей разбирают, записывают и раскладывают по местам книги, а еще столько же выдают их читателям. Но здесь такой строгий порядок, что какая бы книга ни понадобилась, ее разыщут не позже чем через полтора часа.

К юбилею Ленинской библиотеки писатель **Алексей Дорохов** написал книгу об ее истории, устройстве и богатствах — **«Город твоих друзей».** Вот одна из глав этой интересной книги.

Сколько интересных встреч ожидает каждого в городе книг!

Хочешь познакомиться с букварем, по которому учился грамоте сын Петра I, царевич Алексей?

Вот он, пожалуйста!

Составил эту книгу московский учитель Карион Истомин в 1694 году, почти двести семьдесят лет назад. Называется она «Букварь словенороссийских письмен».

В этом букваре каждая страница отведена одной какой-нибудь букве. Сверху нарисована эта буква, а под ней — раскрашенные картинки — животные, растения, предметы, названия которых начинаются с той же буквы. Так, конечно, выучить азбуку легче. Взглянешь на овцу, осла, окуня, орла, овсяный колос, очки — и сразу вспомнишь, с какой буквы начинаются все эти слова.

Рядом и первая грамматика. Ее написал Мелетий Смотрицкий. По этой грамматике проходил правила правописания великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов.

Здесь же неподалеку стоит и первый русский учебник арифметики Леонтия Магницкого, по которому Ломоносов изучал сложение, вычитание, умножение и деление. Называется он не по-нынешнему сложно: «Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная и во едино собрана и на две книги разделена и ради обучения мудролюбивых отроков и всякого чина и возраста людей на свет произведена». Так обстоятельно в те времена называли книги.

А вот и комплект первого русского журнала для детей. Он начал выходить в самом конце XVIII века и назывался «Детское чтение для сердца и разума». Этот журнал издавал один из самых передовых и просвещенных людей того времени,

Город книг. На заднем плане справа вы видите новое здание Ленинской библиотеки.

мужественный борец против темноты и невежества, писатель и педагог Николай Иванович Новиков. Он первый понял, что и детям нужно иметь свой журнал, и начал издавать для них «Детское чтение», дедушку нынешнего «Пионера» и «Костра».

Детских газет до революции не существовало. Первая газета для ребят — «Пионерская правда» — родилась всего тридцать семь лет назад. Ее первый номер вышел 6 марта 1925 года.

Среди миллионов жителей города книг есть и свои знаменитости.

Вот, например, самая длинная из всех существующих на земле книг. Это китайский энциклопедический словарь «Ту-Шу-Цзи-Чен». В нем пять тысяч сто тринадцать томов!

Печатание этого словаря продолжалось шестьдесят лет. Наборщики, набиравшие первый том, уже состарились, а их сыновья и внуки все еще трудились над последними томами.

А вот и самая маленькая из всех напечатанных книг. Это «Басни» Ивана Андреевича Крылова, изданные в Петербурге в 1856 году.

Книжечка эта так мала, что на обыкновенной спичечной коробке можно было бы уложить рядом трех таких карликов. Она меньше почтовой марки. Но под нарядным переплетиком из тонкой кожи восемьдесят шесть тоненьких страничек. На них уместились двадцать пять басен и портрет автора.

Для того, чтобы отпечатать эту книжечку, пришлось специально отлить из серебра крохотные буковки. Наборщики набирали текст, вооружившись особыми очками с увеличительными стеклами. Да и прочесть басни можно только через лупу. Но отпечатана книжечка так красиво, ясно и четко, что нельзя не восхищаться мастерством русских умельцев — наборщиков и печатников.

Есть в городе книг и такие жительницы, которые знамениты тем, что их осталось на всем свете считанное число.

Вот, например, роскошное издание поэмы старинного арабского писателя Абу-Измаила Тогран. Эта книга во всем мире только одна. Второй такой нет больше нигде. Ее не найдешь ни в одной библиотеке, ни у одного коллекционера на свете.

Поэма была отпечатана в 1707 году в Голландии по заказу одного датского издателя и отправлена заказчику морем. В пути корабль настигла буря, и он потонул. Вместе с судном ушли на морское дно и пачки книг. Все издание погибло безвозвратно.

К счастью, отправляя книги заказчику, владелец типографии оставил у себя несколько экземпляров, чтобы подарить своим друзьям. Из них сохранился до наших дней только один. Переменив много владельцев, книга попала в конце концов в Ленинскую библиотеку и осталась здесь навсегда.

Есть в Ленинской библиотеке и такие редкие книги, на которые смотришь с особым уважением.

Это книги-героини. Книги, призывавшие к борьбе, к освобождению и уничтоженные рукой палача так же, как погибли в тюрьмах или ссылке их авторы.

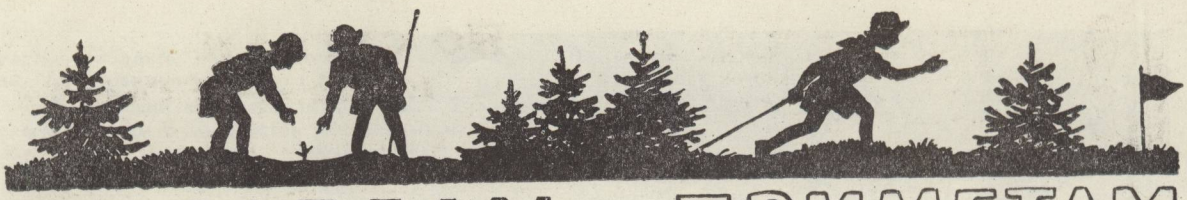
Одна из таких книг — «Путешествие из Петербурга в Москву». Она написана великим русским революционером Александром Николаевичем Радищевым.

В своей книге Радищев впервые громко сказал о нищете и угнетении крепостных крестьян, о зверствах и издевательствах помещиков над принадлежащими им живыми людьми. Он возмущался произволом самодержавной царской власти и требовал отмены крепостного права. Напечатал свою книгу Радищев в подпольной типографии, которую тайно устроил у себя дома.

Когда «Путешествие из Петербурга в Москву» попало в руки императрицы Екатерины II, она пришла в ярость и приказала заключить Радищева в Петропавловскую крепость, а книгу отобрать у всех, кто ее купил, и сжечь на костре.

Но нашлись смелые люди, которым удалось утаить и спасти несколько экземпляров «Путешествия». И сегодня эта драгоценная книга также хранится в Ленинской библиотеке.

А. ДОРОХОВ



ПО СЛЕДАМ и ПРИМЕТАМ

Недавно у наших славных пограничников появилась целая армия верных, надежных друзей. У северных и южных, западных и восточных границ страны растут ряды юных друзей пограничников. Сейчас в стране сотни отрядов ЮДП.

Перед ребятами открывается суровая и романтическая жизнь тех, кто днем и ночью, в любую погоду несет вахту на границах нашей Родины.

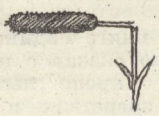
Смелости и мужеству, отваге и находчивости учатся ребята у пограничников.

Часто на пограничные заставы поступают сигналы от ребят, помогающие задерживать нарушителей границы. Нина Базурма, Оля Мельничук, Костя Григорчук и многие другие ребята помогли обнаружить и задержать вражеских лазутчиков.

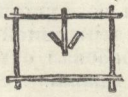
Ребята занимаются по специальной программе. Вот какие замечательные предметы изучают члены отрядов ЮДП — радио и телефонное дело, умение ходить по компасу, читать карту, следы и сигналы, ориентироваться на местности, хорошо маскироваться и бесшумно ходить.

Зимой занятия идут в школах. Но зато летом рядом с заставами возникают палаточные лагеря ЮДП. Ребята живут там по строгому режиму пограничников. Продолжаются занятия по программе, но особенно ребята увлекаются играми и соревнованиями.

Что и говорить, интересно быть в отряде ЮДП! Но всем известно: граница ведь у нас не везде проходит и, значит, не все ребята могут вступить в ЮДП и попасть в лагерь на заставе. А вот пограничные игры, соревнования по следопытству и маскировке можно провести в любом уголке нашей страны. Об этих играх мы и рассказываем сегодня в журнале.



Вот только как быть с руководителем? Ведь в такой игре, как «Поиск «нарушителя», нужен знающий человек. И вы его наверняка найдете, если обратитесь к своим пионервожатым, отцам и старшим братьям. Ведь среди них обязательно есть бывшие пограничники или военные.



И, как знать, может быть, многие из вас через некоторое время станут солдатами, наденут зеленые фуражки и с оружием в руках будут охранять границы нашей Родины. Вот тогда и пригодятся вам те навыки и знания, которые вы получите во время игр ЮДП.

Майор А. Д. КОНСТАНТИНОВ

ПОИСК „НАРУШИТЕЛЯ ГРАНИЦЫ"

В один из вечеров ребята собираются в заранее назначенном пункте, где руководитель игры — командир — сообщает, что, по имеющимся данным, в ближайшее время в Н-ском районе заставы предполагается «нарушение» границы.

Из числа взрослых или из числа ребят назначаются начальники групп, которым определяется район действия. Рано утром дается тревога о «нарушении» границы. По сигналу тревоги каждая группа занимает свои рубежи у моста, речки, леса, дороги или скалы и т. д.

В это же время появляются «нарушители» (по одному человеку на каждый район группы). Их нужно тщательно проинструктировать и обучить умению ориентироваться на местности, быстро и бесшумно

передвигаться — от этого будет зависеть успех всей игры. Каждый из «нарушителей» имеет сверток, в котором указан азимут его движения и явочная квартира. «Нарушитель» подходит близко к постам и, когда его замечают, скрывается, умело маскируясь на местности. Он специально оставляет сверток с азимутом, который впоследствии находят ребята. Следуя по имеющемуся у них азимуту, группа находит «нарушителя». Побеждает группа, задержавшая «нарушителя». Игра окончена. Все участники игры выстраиваются, и группе-победительнице перед строем объявляется благодарность.

Умей ходить бесшумно

Все участники становятся в круг, а один из них (водящий) — в центр круга с закрытыми глазами. К нему по очереди (по одному) подкрадываются играющие. Водящий, услышав приближение, открывает глаза. Игрок останавливается. Место остановки отмечают. Побеждает тот, кто ближе всех подошел к водящему. Сигнал игроку для движения и водящему подается незаметно и бесшумно.

Умей наблюдать

Отряд разбивается на 2—3 группы. Назначаются руководители каждой группы. Группы выводятся на определенные участки и внимательно наблюдают окружающую обстановку (на участках должно быть как можно больше различных предметов). Через несколько минут группы уходят. В это время руководители несколько изменяют участок, кладут камни, вешают на дерево платок, бросают на тропинку ветку и т. д.

Кто скорее и точнее определит происшедшие изменения?

По следам и приметам

Играют две равные команды. Игра проводится в поле, в лесу, в местах, где есть кустарники. Место для игры выбирается заранее, намечается маршрут (это делает руководитель игры).

Одна из команд уходит, оставляя на своем пути через каждые 7—15 шагов следы-метки (листочки бумаги, ленточки, камешки, следы на земле).

Путь команды извилист и петлист. Однако в местах наиболее крутых поворотов оставляются дорожные знаки, указывающие направление движения. На всем пути, примерно 300—350 метров, выкладывают 3—5 дорожных знаков.

В 2—3 местах оставляют письма с различными заданиями (например, найти в радиусе 15—20 метров мелкий предмет) или загадками.

Какой снег быстрее тает — чистый или грязный? (Грязный.)

С какого дня (по календарю) начинается лето, и чем этот день замечателен? (21 июня, самый долгий день в году.)

Какие звери летают? (Летучие мыши.)

В конце маршрута в землю втыкают красный флажок, все разбегаются в разные стороны, но не далее чем на 50—70 шагов от флажка, и прячутся, стараясь получше замаскироваться.

Через 10—15 минут после ухода первой команды на ее поиски отправляется вторая. Она идет по оставленным следам-меткам и дорожным знакам. Достигнув флажка, по сигналу руководителя ребята приступают к поискам своих товарищей из первой команды. Им дается на поиски всего 3 минуты. По второму сигналу все собираются у флажка.

По сигналу руководителя ребята первой команды, не обнаруженные в своих укрытиях, встают.

За каждый найденный след-метку и дорожный значок второму отряду насчитывается одно очко.

За обнаруженное на пути письмо — 2 очка.

За разгадку письма — 3 очка.

За каждого замеченного в укрытии — 5 очков.

Подсчитав общую сумму очков, руководитель предлагает повторить игру, поменяв ролями играющих.

Побеждает команда, набравшая большее число очков.

СИГНАЛЫ ОПОВЕЩЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ИГР ЮДП

1. **Тревога.** Сигнал горна. Частые удары о звонкий предмет. Непрерывные свистки.	**Действия:** Услышав один из трех сигналов, все играющие немедленно являются в назначенное место.
2. **Вижу неизвестного.** Вытянуть правую руку в сторону на уровень плеча и опустить. Повторить несколько раз, пока не увидят соседние посты и не дадут ответа: «Вас понял!»	Увидев сигнал, немедленно повторить его и дать ответ: «Вас понял!»; вытянуть обе руки в стороны на уровне плеч и опустить несколько раз. Передать сигнал соседнему посту.
3. **Отбой** (тревога окончена). Те же сигналы, что и при тревоге, только редкие и протяжные.	Все являются в назначенное место.
4. **Сбор** (все ко мне). Встать на видное место и взмахивать над головой рукой, описывая круг.	Все прибывают на место сбора.

Встанем в круг! — Слева-друг, и справа-друг!

РИЧ-РАЧ

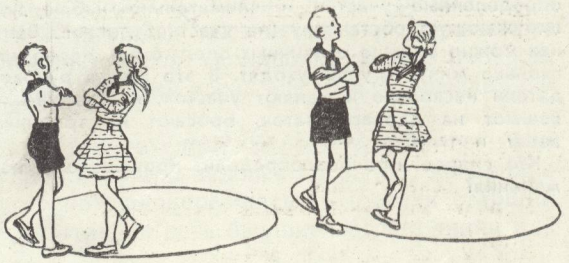
ФЕСТИВАЛЬНАЯ ИГРА-ТАНЕЦ

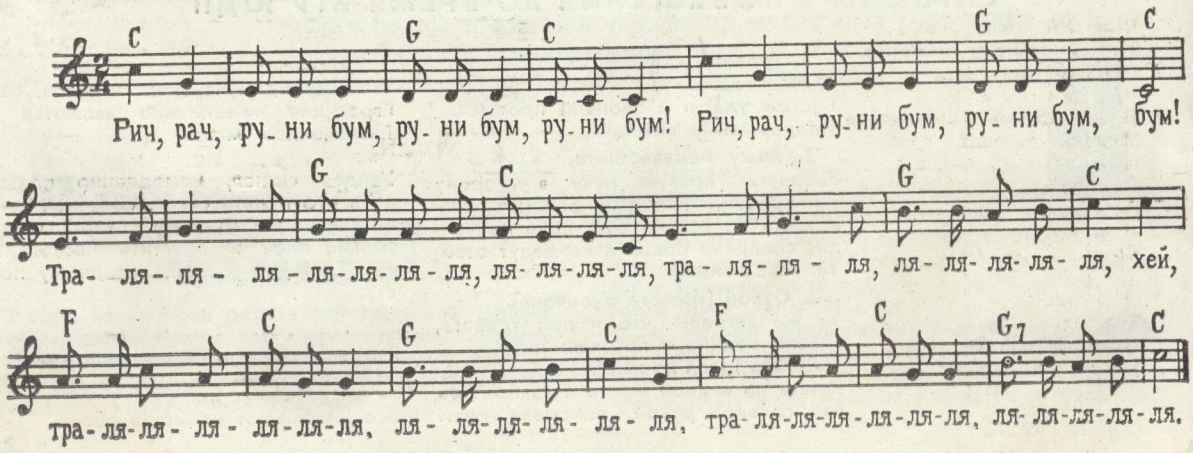
«Рич-рач» очень любят ребята в странах народной демократии. Это простая, веселая и быстрая игра. Участвовать в ней могут сразу много ребят. Во время игры все поют забавную мелодию норвежского танца.

Когда начинается песенка, все стоят, образуя круг, в центре его — ведущий. Пока идет игра, все хлопают в ладоши на каждый такт песни.

На первые семь тактов (слова: «Рич-рач, ру-ни бум, ру-ни бум, ру-ни бум, рич-рач, ру-ни бум, ру-ни бум») ведущий семь раз исполняет движение с подскоком. На «раз» (слово «рич») — шаг вперед правой ногой и хлопок руками впереди себя, на «два» (слово «рач») — подскок на правой ноге и одновременно поворот на левой. На следующий счет «раз» и «два» — такое же движение с левой ноги и поворот на правой. На этот раз — хлопок за спиной. И так еще пять раз.

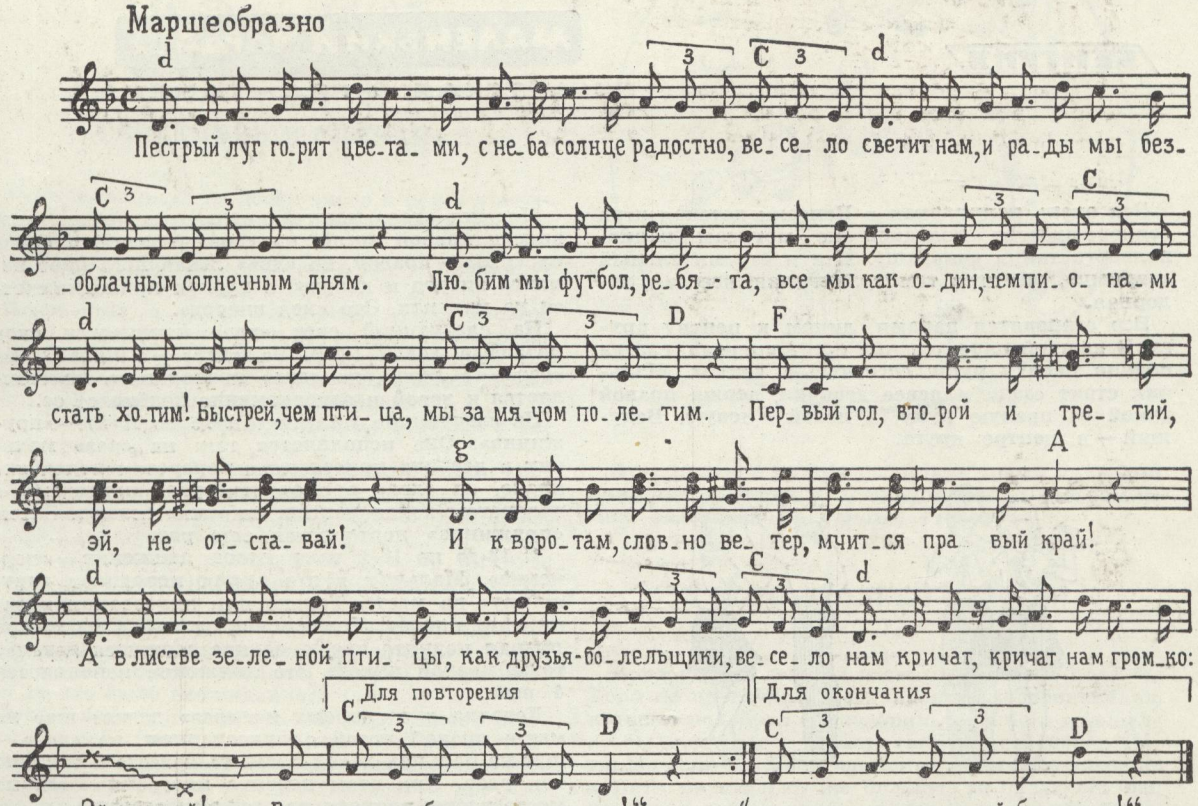
На восьмой такт (слово «бум») ведущий, держа руки на поясе, делает поклон перед тем, кого он выбрал себе в партнеры. С 9-го по 16-й такт они вдвоем выполняют движение «прыжок». Ведущий держит своего партнера за талию, а тот кладет ему руки на плечи. На «раз» оба подпрыгивают, причем правая нога идет вперед, а левая назад, на «два» стоят, на следующий счет «раз» левая нога идет вперед, правая — назад, на «два» — стоят. Такие же прыжки повторяются еще три раза. С 17-го по 20-й такт выполняется то же движение, только руки скрещены на груди и партнеры сначала расходятся по часовой стрелке, потом возвращаются на свои места. С 21-го по 24-й такт — такое же движение, но уже против часовой стрелки. Затем тот, кого выбрал ведущий, идет в центр круга, а сам ведущий — на его место. Игра начинается снова.





ЧУДЕСНЫЙ КРАЙ

Слова и музыка Э. РОШША.
Русский текст Ю. ХАЗАНОВА.



1. Пестрый луг горит цветами,
С неба солнце радостно,
Весело светит нам,
И рады мы безоблачным солнечным дням.

Любим мы футбол, ребята,
Все мы, как один, чемпионами стать хотим!

Быстрей, чем птица,
Мы за мячом полетим.
Первый гол, второй и третий,
Эй, не отставай!
И к воротам, словно ветер,
Мчится правый край!
А в листве зеленой птицы,
Как друзья-болельщики,
Весело нам кричат, кричат нам громко:
«Эй, эй!
Вратарь, не беги от мяча!»

2. Мы идем к реке под вечер,
Там под горой легкая,
Быстрая лодка ждет,
Мы в ней, друзья, отправимся в дальний поход.

Эй, берите весла в руки,
Все мы, как один, чемпионами стать хотим!

Быстрей, чем птица,
Мы по воде полетим!

Эй, скорей садись на весла —
Нам ведь не впервой!
Ты гляди вперед, товарищ,
Зоркий рулевой!

За холмами гаснет солнце,
И на речку быструю тихо ложится тень.
Мы скажем дружно: «Эй, эй!
Сегодня чудесный был день!»

ВЕНГРИЯ

МАЛЕНЬКИЙ ЧАРДАШ

ДЕТСКАЯ ИГРА-ТАНЕЦ

Эта очень популярная в Венгрии детская игра сопровождается мелодией по мотивам национального танца «чардаш». Как и стремительный «чардаш», это игра темпераментная, веселая, задорная.

Все становятся парами, лицом к центру круга. В каждой паре девочка стоит впереди, слегка подняв кверху руки, согнутые в локтях. Мальчик стоит сзади и левее девочки, держа правой рукой ее правую руку, а левой — левую. Ведущий — в центре круга.

Во время игры все пары движутся к центру, стремясь «осалить» ведущего. А он старается увильнуть от них и занять свободное место.

На первые 8 тактов пары делают «ход вперед» и «ход назад» по два раза.

На счет «раз» мальчик и девочка делают шаг вперед правой ногой, на «два» — левой, и снова на «раз» — правой, на «два» левая нога идет немного вперед и кверху, а правая приподнимается на пальцах. Это «ход вперед».

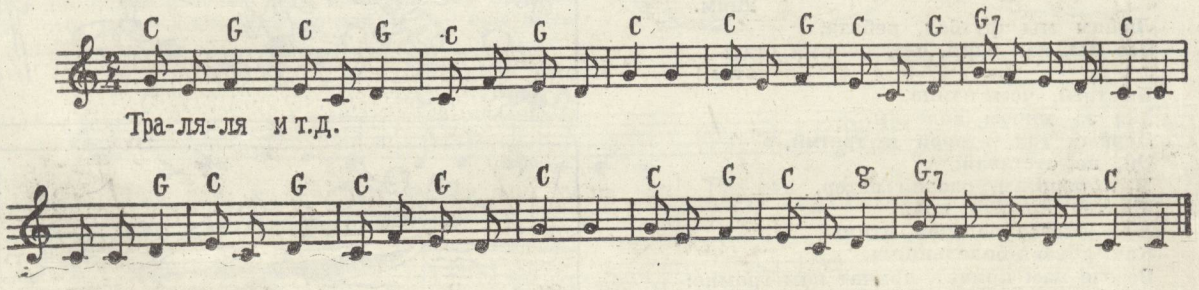
На следующий счет «раз» начинается «ход назад» с левой ноги, на «два» — с правой, на «раз» — с левой, на «два» правая нога приставляется к левой и одновременно подбивает ее.

На следующие 4 такта (с 9-го по 12-й) — «пружинка». Она исполняется так: на «раз» мальчик и девочка приседают с поворотом колен направо, на «два» встают, на «раз» приседают с поворотом колен налево, на «два» встают. Затем «пружинка» повторяется еще раз.

С 13-го по 16-й такт новое движение — «верчение». Мальчик в это время исполняет «пружинку» на месте. Только при приседании колени идут вперед. Левая рука мальчика на талии, правая поднята вверх, за нее держится девочка тоже правой рукой. Это движение исполняется 4 раза.

Девочка в это время на «раз» делает шаг на месте правой ногой с приседанием, на «два» — шаг на пальцах левой ногой за правую и так еще три раза. При этом девочка поворачивается на месте влево, проходя под рукой мальчика.

После этого ведущий бьет в ладоши. Все (в том числе и ведущий) разбегаются, обязательно проходя через центр круга, и ищут себе пару. Оставшийся без пары становится ведущим, и игра начинается снова.



Дорогие ребята, желаем вам веселого праздника! Только не забудьте о нашей просьбе: напишите нам в редакцию, понравились ли вам эти игры, танцы и песни, веселее ли с ними стало в лагере.

«СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ»

Учитель написал на доске число и велел ученику разделить его на 4, а к полученному частному прибавить 15.

— Задача простая, — сказал он, — решай ее в уме.

Неизвестно, о чем в это время думал ученик, только он по рассеянности перепутал условия задачи. Вместо того, чтобы разделить заданное число, он умножил его на 4, а из произведения вычел 15. В общем, сделал все наоборот.

— Ну, как? — спросил учитель.— Сколько у тебя получилось?

— Получилось 17,—твердо ответил ученик, уверенный в своих вычислениях.

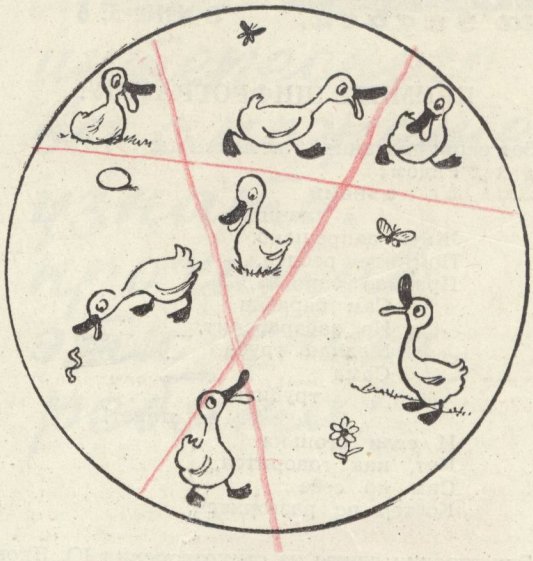
— Правильно, — похвалил учитель. — Я вижу, ты делаешь успехи.

Так как задача решалась в уме, то никто в классе и не заметил, какая путаница только что произошла.

На первый взгляд может показаться, что ученика спас от неприятностей счастливый случай: ответы неожиданно совпали. Однако подумайте: так ли это было неожиданно?

Решив задачу и найдя число, написанное учителем на доске (что сделать очень легко), попытайтесь сами составить такую же головоломку (что несколько сложнее), но, разумеется, с другими числами, и вы убедитесь, что ничего случайного в совпадении ответов не было. Больше того, такие совпадения неизбежны.

ТРЕМЯ ПРЯМЫМИ



Этот рисунок нужно разрезать тремя прямыми линиями на шесть участков, чтобы на каждом из них оказалось по одному утенку.

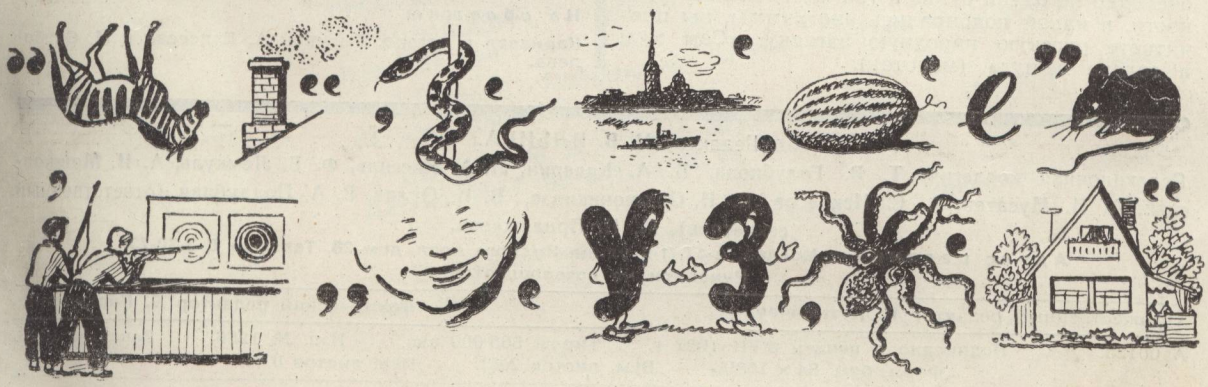
У КОГО СКОЛЬКО ГРИБОВ?

Боря и Петя ходили в лес за грибами. Если бы Боря не проглядел трех хороших подосиновиков, которые подобрал его товарищ, то у него в кошелке было бы втрое больше грибов, чем собрал Петя. Но если бы Боря нашел на два гриба меньше, а Петя на столько же больше, то оказалось бы, что Боря собрал грибов вдвое больше, чем Петя.

Сколько же грибов собрал каждый из мальчиков?

Всем давно известно, что...

РЕБУС



ОТВЕТЫ на задачи, помещенные в №№ 5, 6

ПРИМИТЕ ШИФРОГРАММУ!

Вот зашифрованная часть текста:

Рядом
с нами
лени
Жить запрещено.
Помните, ребята,
Правило одно:
Сам барабан
Не забарабанит,
Медная труба
Сама
трубить
не станет!
И если огонька
Нет, как говорится,
Сам по себе
Костер не разгорится.

Эти строчки взяты из стихотворения Ю. Яковлева «Сам барабан не забарабанит».

ДОБРАЯ ФЕЯ В ГОСТЯХ У ВОВЫ ПУГОВКИНА

Чтобы прочитать загадочное письмо, надо написать в той же последовательности названия всех предметов, изображенных на рисунках, а потом из этих названий взять только по одной средней букве. В результате составится текст: «Так бывает только в мечтах лентяя».

НАРОДНАЯ ЗАГАДКА

Названия предметов, изображенных в левом столбце, в порядке номеров, которыми помечены рисунки: 1) водопад, 2) кочерга, 3) пальто, 4) карета, 5) колба, 6) марка, 7) колос, 8) сосна, 9) шина.

Анаграммы к этим словам из правого столбца: 1) подвода, 2) кочегар, 3) лапоть, 4) ракета, 5) бокал, 6) рамка, 7) сокол, 8) насос, 9) ниша.

Выписывая из левого и правого столбца поочередно по одной букве в той же последовательности, в какой подбирались анаграммы, вы прочитаете русскую народную загадку: «Сам худ, а голова с пуд» (молоток).

Содержание

В новом дворе 1
Творчество наших читателей 2
Я рядом, отец! — Повесть А. Воинова. Рисунки Н. Борисовой 5
Новые стихи. — С. Маршак. Рисунки Е. Медведева 18
Ручеек дыма. Рассказ М. Коршунова. Рисунки А. А. Кокорина 20
Народы говорят войне: «Нет!» 26
На переднем крае
Прощай, Кызылкум! — И. Вечная. Фото А. Клементьева 27
Про жизнь веселую лагерную 33
Глобусята — есть такой народ! — Ю. Новикова 34
Тень свастики. — И. Петрова 40
Инженер в мире чудес. — Т. Притула, Д. Биленкин. Рисунки В. Цельмера 42
Баранкин! Будь человеком! — Валерий Медведев. Продолжение. Рисунки Ю. Владимирова, Ф. Терлецкого 46
Рубанок-строганок. — Стихи Евгении Гай и Феликса Льва. Рисунок Н. Цейтлина 56
Чемодан. — Ариадна Жукова. Рисунки Г. Карибова 57
Случай в зоопарке. — В. Александрова. Рисунки Ф. Лемкуля 61
Серое и белое. — Стихи Мориса Карема. Перевел с французского М. Кудинов. Рисунок О. Зотова 63
Отовсюду и обо всем 64
Змеи. Молочный рейс. В проливе Лонга. — А. Харитановский. Рисунок В. Юдина 66
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович . 69
Чубчик экономит электроэнергию 70
Что нам читать 71
По следам и приметам. — Майор А. Д. Константинов 74
Встанем в круг! — Слева — друг и справа — друг! 76
В часы досуга 79

На вклейках:

Прощай, Кызылкум! Цветное фото кинооператора Д. Мамедова.

Про жизнь веселую лагерную. Рисунок Г. Алимова.

На обложке:

Карнавал в лагере. Рисунок А. Елисеева и М. Скобелева.

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная (ответственный секретарь), М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор В. Пархоменко.

А 00128. Подписано к печати 5/VII 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 1266. Заказ № 1648.
Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Много нового интересного вы сможете узнать, прочитав эти книги, ребята!

БОГАТКОВ В. Электричество движет модели. Детгиз. 1958 г. 207 стр. Цена 39 коп.

БОКСЕРМАН Ю. Невидимое топливо (горючие газы). Детгиз. 1958. 275 стр. Цена 31 коп.

ГЛОБУС. Географический ежегодник. Детгиз. 1960. 312 стр. Цена 1 р. 18 коп.

ГУМИЛЕВСКИЙ Л. Созидатели двигателей. Детгиз. 1960. 384 стр. Цена 72 коп.

ИВАНОВСКИЙ М. Законы движения. Детгиз. 1957. 126 стр. Цена 29 коп.

ЛУРЬЕ С. Заговорившие таблички (Древнегреческие надписи). Детгиз. 1960. 141 стр. Цена 34 коп.

МИШКЕВИЧ Г. Мастер-невидимка. Детгиз. 1959. 176 стр. Цена 37 коп.

РОЗЕН Б. Материалы тысячи назначений. Детгиз. 1960. 143 стр. Цена 32 коп.

ШАЛИМОВ А. Пульс земли (Очерки о землетрясении). Детгиз. 1957. 88 стр. Цена 27 коп.

Эти книги можно купить в магазинах книготорга «Союзкнига».

Цена 25 коп.

Внимание! Внимание! Начинается праздничное карнавальное шествие! Впереди — космические герои, а за ними — ваши старые друзья из любимых книжек.

ПРО ЖИЗНЬ ВЕСЕЛУЮ ЛАГЕРНУЮ, про лагерные праздники вы прочитаете в этом номере журнала. А как сделать эти костюмы, мы не пишем: здесь все зависит от вашей изобретательности, выдумки и умелых рук.

Рисунок Г. Алимова.